Холмогоров Егор Станиславович – русский общественный деятель, политолог, публицист, идеолог национального консерватизма. Автор термина «Русская весна». Обозреватель телеканала «Царьград», член совета Общества русского исторического просвещения «Двуглавый Орел». Автор книг: «Русский проект: реставрация будущего» (2005), «Русский националист» (2006), «Карать карателей. Хроники Русской весны» (2014), «Реванш русской истории» (2016), «Истина в кино. Опыт консервативной кинокритики» (2018), «Игра в цивилизацию (2019), «Соха и атомная бомба. Русские в XX веке» (2020) и др.

ЦАРЬГРАД·ТВ ИНФОРМАЦИОННЫЙ ПАРТНЕР – ТЕЛЕКАНАЛ «ЦАРЬГРАД»

Новая книга Егора Холмогорова посвящена вопросу русской идентичности в ее историческом, цивилизационном и политическом ключе. Как развивалось русское национальное сознание? «Русский» — это существительное или прилагательное? Каковы основные черты русской цивилизации? Существует ли особая историческая миссия русской нации? Какова была роль советского периода в национальной истории XX века? Имеют ли русские право на национальное воссоединение? Как могла бы выглядеть учитывающая русские интересы преамбула российской конституции? О какой России будущего говорят русские национал-консерваторы? Предлагаемая читателю книга отвечает на эти вопросы.

www.kmbook.ru

9 785604 399071

ЕГОР ХОЛМОГОРОВ РУССКИЕ ПРАВО РУССКИХ НА РОССИЮ

Егор Холмогоров

РУССКИЕ

НАЦИЯ • ЦИВИЛИЗАЦИЯ • ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

ПРАВО РУССКИХ НА РОССИЮ

Егор ХОЛМОГОРОВ

РУССКИЕ

Нация, цивилизация, государственность и право русских на Россию

Москва • Книжный мир • 2020

УДК 323.1
ББК 66.3(2Рос),5
Х 72

Холмогоров Е.С.
Русские. Нация, цивилизация, государственность и право русских на Россию. – М.: Книжный мир, 2020. – 224 с.

ISBN

Новая книга Егора Холмогорова посвящена вопросу русской идентичности в ее историческом, цивилизационном и политическом ключе. Как развивалось русское национальное сознание? «Русский» – это существительное или прилагательное? Каковы основные черты русской цивилизации? Существует ли особая историческая миссия русской нации? Какова была роль советского периода в национальной истории XX века? Имеют ли русские право на национальное воссоединение? Как могла бы выглядеть учитывающая русские интересы преамбула российской конституции? О какой России будущего говорят русские национал-консерваторы? Предлагаемая читателю книга отвечает на эти вопросы.

«Книжный мир»
Тел.: (495) 720-62-02
www.kmbook.ru

ISBN

© Е.С. Холмогоров, 2020
© Книжный мир, 2020

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всенародное обсуждение поправок в конституцию РФ поставило перед нашим обществом с новой силой вопрос о законном месте в ней русской нации. Необходимость упоминания государствообразующей роли русского народа для здравомыслящего и ответственного человека вполне очевидна. Не то – наша бюрократия, правящая от имени мифического «многонационального народа», для которой такое упоминание страшно тем, что это табличка с именем подлинного хозяина бесхозного и раскрадываемого русского дома.

Потому не удивительно, что пускаются в ход нечистые уловки. «А кто такие русские?», «А определитесь сначала», «А что – будете черепа мерить?», «Русский – не национальность, а состояние души», «Русский – это прилагательное», «А что делать если у меня отец пингвин, а мать шумер» – кривляются в прессе и соцсетях.

На самом деле вопрос о русской национальной, исторической и культурной идентичности вполне ясен и доступен здравому уму. Русские – древняя историческая нация с хорошо заметными узнаваемыми чертами исторического пути, национального характера и своеобразной великой цивилизации. Русские самая многочисленная единая нация планеты (все те, кто в рейтинге выше нас, на деле не нации, а конгломераты, расколотые по языку, культуре, расе и т.д.). При этом, увы, мы самая многочисленная разделенная нация – значительная часть русских вынуждена проживать за пределами России, а сама Россия упорно отказывается признавать себя государством, несущим ответственность за русский народ.

Собранные в этой небольшой книге тексты написаны за последние годы и посвящены вопросу русской идентичности в ее историческом, цивилизационном и политическом ключе. Как развивалось русское национальное сознание? «Русский» – это существительное или прилагательное? Каковы основные черты русской цивилизации? Существует ли особая историческая миссия русской нации? Какова была роль советского периода в национальной истории XX века? Имеют ли русские право на национальное воссоединение? Как могла бы выглядеть учитывающая русские интересы преамбула российской конституции? О какой России будущего говорят русские национал-консерваторы, подобные мне? Предлагаемая читателю небольшая книга отвечает на эти вопросы.

В заключение этого предисловия автор хотел бы поблагодарить тех, без чьей поддержки появление и публикация этих текстов не были бы возможны. Телеканал «Царьград» и его владельца Константина Валерьевича Малофеева, заместителя председателя Всемирного Русского Народного Собора. Общество русского исторического просвещения «Двуглавый орел» и его основателя генерал-лейтенанта Леонида Петровича Решетникова. Альманах «Тетради по консерватизму», и лично Родиона Михайлова и Леонида Полякова. «Изборский клуб» и лично Виталия Аверьянова. И, разумеется, издательство «Книжный мир» и Дмитрия Лобанова, решившегося в короткие сроки издать эту книгу.

Борьба за русскую Россию, за признание права русских на Россию продолжается и в конституционном, и в политическом поле.

Мы русские, – с нами Бог!

Раздел I

РУССКОЕ САМОСОЗНАНИЕ

Без русских никакой России не будет. Чтобы была Россия нужны русские, нужно, чтобы русских было больше и мы становились всё более русскими – народом с глубоким и гордым историческим самосознанием и уверенностью в собственных силах. Необходимо, как выражался некогда министр народного просвещения Российской Империи граф Уваров: «Развить русскую национальность на истинных её началах и тем поставить её центром государственного быта и нравственной образованности».

И напротив, путь к гибели страны – делать так, чтобы русские ощущали себя гонимым и угнетаемым меньшинством, испытывали желание сесть на трактор и «сбежать из России». Виноваты в том, что у части русских граждан появились соответствующие настроения были и власть, десятилетиями не замечав-

шая русскую проблему и сводившая единство России к тому, чтобы «не обижать гордые народы».

Национальная политика нашей бюрократии долгое время сводилась к двум догмам.

Догма первая: главную угрозу для существования России и политической стабильности представляет Обида Народов, то есть недовольство национальных меньшинств своим положением в стране, которое может перетечь в сепаратистское желание отделиться. Поэтому ни в коем случае нельзя допускать таких обид. Все национальности, проживающие в России, нужно не просто уважать, а ублажать, всячески подчеркивая многосоставность Российского государства.

Догма вторая: главной причиной, вызывающей Обиду Народов, являются русские, составляющие более 80% населения страны и потому время от времени неполиткорректно вспоминающие о своем праве на Россию. Любое проявление русского национального самосознания в логике этой догмы было чревато обидой всех прочих. Вот почему его надо было подавлять, затушевывать, принижать. Следует пореже говорить о русских, зато почаще о «россиянах», «российской идентичности», некоей многонациональной российской культуре.

Получалась абсурдная конструкция: укрепление идентичности малых народов укрепляет единство России, а укрепление идентичности русского народа угрожает стране расколом.

Результат этой политики был вполне предсказуем, хотя и оказался совсем не тем, на который рассчиты-

вали ее авторы. Русские обозлились и обиделись. При том что русские – один из крупнейших в мире и крупнейший в Европе этнос.

У нас стало формироваться поведение меньшинства, фактически диаспоры в своей собственной стране. Не то чтобы это было однозначно плохо – механизмов этнической солидарности русскому народу в его истории часто недоставало. Однако началось ползучее растождествление в массовом русском сознании нации и государства. Русских долгое время убеждали в том, что Россия им не принадлежит. Наконец почти убедили. Появились даже озлобленные теории о том, что Россия по своей сущности – антирусское государство, «тюрьма народа». Никакие мятежи окраин и обиды меньшинств не смогут сравниться с обидой большинства.

Когда несколько лет назад носители бюрократического антинационализма начали осознавать проблему, они решили модифицировать сам консенсус. Составной частью этого консенсуса теперь было покрикивать на русских, напоминая им, что долг национального большинства состоит в «жертвенном служении» остальным, что русский дух выражает себя в том, чтобы не хотеть ничего своего для себя. От русского народа требовали самопожертвования во имя уже утвержденных бюрократией бюджетных планов по введению толерантности и многонациональности. Для убедительности грозили ужесточением наказаний за экстремизм.

Тут есть в чем упрекнуть и нас самих, русских националистов, которые вцепились в психологию меньшинства и начали её старательно культивировать, периодически позволяя себе ещё и такие задвиги: «Русской нации никогда не было, из-за зловредности государства она не сложилась». «Ну и замечательно говорите, – скажут в ответ на это противники русской нации, – раз не было, значит и не будет, а будет вам нация российская, «многонациональная». Это называется «сами себя обслужили».

Особый счет следует предъявить к медиа, которые с яростью отрицали само существование русских. Всё-то у нас чужое, всё-то у нас некузявое, – нет ни русской кухни, ни русских песен, ни русского костюма, да и самих русских как таковых нет – мол, «русский это не существительное, а прилагательное».

Иногда эту несусветную дичь повторяли в приступе национального самоедства даже некоторые мыслители-патриоты: «Одной из черт русского характера является способность к самой жесткой самокритике. В этом отношении мы, пожалуй, превосходим кого угодно» – отмечал известный литературовед-евразиец В.В. Кожинов. Он объяснил это тем, что «русские называют себя именем прилагательным, т.е. есть определенная неуверенность, поскольку русские предстают не столько как нация, сколько как некое скрепляющее огромный субконтинент начало». Тем самым публицист, впрочем, не он первый и не он последний, дал наглядный урок той самой неуверенно-

сти и чрезмерной национальной самопривередливости и самокритики о которых говорил.

Русские – это не цемент и не скрепка. Русские – это именно нация. Одна из древнейших наций Европы. То, что русская нация входит в число старейших наций Европы – факт, утверждаемый в любом мало-мальски серьезном исследовании истории наций и национализма.

«Старыми нациями Европы в 1789 году были на западе – англичане, шотландцы, французы, голландцы, кастильцы и португальцы; на севере – датчане и шведы; и на востоке – венгры, поляки и *русские*» – писал в 1977 году британский исследователь Хью Сетон-Уотсон.

Ему вторит другой британец – Энтони Смит в работе «Национализм и модернизм» отметивший, что ключевые составляющие нации – структуры, чувства и симпатии «можно проследить – источников, подтверждающих это достаточно – по крайней мере с позднего средневековья у большинства европейских наций – от Англии и Франции до Польши и *России*. Они свидетельствуют об определенной национальной преемственности».

Русские не только входят в число «наций до национализма» (с которых брался образец для других, искусственно сконструированных наций нового времени), но и сам национализм наш очень старый, один из старейших в Европе.

Если даже не говорить о русском этническом или патриотическом чувстве, которое для XVIII века весь-

ма ярко описала израильско-американская исследовательница Лия Гринфельд в книге «Национализм. Пять путей к современности», то русская националистическая мысль как минимум не младше немецкой, её первый развернутый манифест, статья Карамзина «О любви к Отечеству и народной гордости» с её знаменитым *«русский должен знать цену свою»* относится к 1802 году.

Традиция русского интеллектуального национализма насчитывает десятки имён крупнейших мыслителей, писателей, поэтов. Не так давно опубликованный обширный том «Национализм. Pro et Contra» – своеобразная антология (далеко не полная) русской националистической мысли от Карамзина и Шишкова до наших дней, занимает 800 страниц основного текста без примечаний и охватывает десятки имен.

Ни о какой мнимой «прилагательности» русского имени или мнимой «расплывчатости» русской национальной идентичности речи идти не может и не должно.

РУССКИЕ – НЕ ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ

Именем народа, создавшего Русское государство, первые несколько столетий его истории было «Русь» (правильное единственное число – «русин»).

В «Слове о полку Игореве» фигурирует еще и уникальное по своей красоте слово «русичи» – это интересная словоформа, обозначающая совокупность носителей национального начала, где носителем этнической идентичности являются и каждый в отдельности, и все вместе.

Прилагательное же «руский» использовалось как определение при том или ином существительном – «язык» (в смысле «народ», аналогично латинскому «gens»), «земля», «князь», «люди», «послы», «закон», «власть», «род», «волость», «сторона/страна», «град», «митрополия», «море», «ладьи», «имя», «челядин», «сыны», «вои», «полки», «праздник», «познание», «устремление» – всё это в древнерусской словесности XI века определяется как «руское».

Форма этого слова в допечатную эпоху не была устойчивой – встречаются варианты «руские», «руськие», «рускыя», «рузьские», «рустiи». С XVI века начинает распространяться форма «русские/русскыи», она возникла под западным влиянием, слово «Russia» давно закрепилась в латинских документах, в греческих же закрепилось слово «Ρωσία», которое так же распространилось довольно широко (через промежуточную форму «Русия») и вошло в государственный обиход. Петр I скрестил оба эти влияния и его государство, вместо старинного «Русь» начало официально называться «Россия».

Приведем, как пример классического употребления этнонима в допетровской русской письменности, два рассказа «Степенной книги», первый, – о знаме-

нии татарам на реке Свияге перед взятием Казани и второй – о причинах Ливонский войны и «о многочудеснои победе на ливоньские немцы и о взятии градов Ругодива, и Юрьева, и Ракобора, и Велиада, и иных многих»:

«Такоже и на Свіаге реце близь великія реки Волги на месте, идеже ныне стоитъ градъ Свіажскій, многажды видаху Татарове, иже близь места того живущіи, человека в иночестей одежди ходяща, иногда же видешя яко стреляюща инока того; видящи же страхомъ одержими, и не смеяху ни приближитися къ месту тому.

Иногда же и звонъ слышаху на месте томъ, и пенія богогласна многихъ гласов. Овогда же видаху, яко священницы на месте томъ пояху и кадяху. Зряще же сія Татарове дивляхуся, и тужаху, и къ себе глаголаху; «Разумети есть по всему, яко быти на томъ месте православію и церквамъ Христианьскимъ, и жительствовати ту **Рускимъ** людемъ» еже и бысть благодатию Христовою».

«Гордостнии немьци и всех жителеи **рускихъ** истребишя отъ земля Ливоньския, и домы их, и вся **руския** коньци, иже въ градех ливонскихъ, себе похитишя, также паки потомъ и приходящиимь к нимъ **рускимъ** гостемъ и всякимъ купцемъ многу тщету купли ихъ содеваху и имения их лишаху…»

Употребление слова «русский» как определения при существительном было единственной нормой русского литературного языка до петровских реформ, распространяясь и на другие этнонимы – «немецкие

люди», «литовские люди», «персидские люди», «турецкие люди» (точно так же как сегодня англичанин именует себя englishman – «английский человек»).

«Эллипсис», как выражаются лингвисты, то есть опущение слова «люди» и субстантивация прилагательного «русский», превращение его в самостоятельное существительное вместо определения, намечается лишь в середине XVII века, причем сперва его можно объяснить преимущественно усталостью писцов от тавтологий.

По всей видимости первый случай употребления субстантивированного прилагательного «русский» находится в Соборном уложении 1649 года.

«А которые литовские полоняники женаты в боярских дворех на руских крепостных и на старинных робах, или которые жонки или девки литовские полонянъки в бояръских дворех выданы замуж за крепостных, или за кабалных холопей, а в приводе те литовские полоняники и полонянки перед бояры в роспросе сказалися, что они в Литву итти, и у тех своих бояр, где они поженилися на русских, и полонянки, которые выданы замуж за русских, жить не хотят, и те литовские полоняники с женами с рускими жонками, и полонянки с мужьями, с рускими людьми из боярских дворов и ото всяких чинов людей свобожены и велено жить им на воле, где кто похочет».

Настоящий лингвистический сдвиг относится лишь к петровской эпохе, когда русский язык подвергается мощнейшему воздействию западноевропейских, прежде всего – немецкого, языков. Тогда-то вместо существительных с определением «русский»

и форм «русь», «русин» и т.д. начинает употребляться в качестве этнонима субстантивированное прилагательное «русский», причем до начала XIX века соперничая в качестве явления низкого штиля со славянизмом высокого штиля «россиянин». Характерно, что в упомянутом выше рассуждении «О любви к отечеству и народной гордости», Карамзин последовательно пользуется словом «русский» как субстантивом, а в «Записке о древней и новой России» и «Истории» всё больше места занимают «россияне», хотя до конца «русских» всё же не вытесняют.

В простом русском народе слово «русский» употребляется с гордостью. Достаточно открыть «Русские пословицы» Даля и почитать, что там сказано о русских или можно заглянуть в русские исторические песни:

Как два ясные соколы
В едино место слеталися.
Помогай Бог молодцу
Дворянину русскому!
(На литовском рубеже)

Не труба трубит звонка золота,
Как возговорит Православный Царь.
«Ой вы, русские добры молодцы!
Вы седлайте все ретивых коней,
Надевайте вы сабли вострые,
Что идет злодей на святую Русь!
Есть ли Минины и Пожарские?..
(Песня ополченцев 1812 года)

Напористый субстантив «русский» становится в XIX-XX вв. знаменем именно национального образа мысли, символом националистического направления у деятелей русской культуры – славянофилов, почвенников, национал-государственников. И прилагательные и существительные со словом «русский» означают человека определенного образа мысли: «русское воззрение», «русское направление», «истинно русские», «русская партия».

КТО ЖЕ ТАКИЕ РУССКИЕ?

Кто такие русские? Этот вопрос любят задавать с подковыркой всевозможные недоброжелатели русских, полагающие, что на этот вопрос невозможно найти ответ. В «Декларации русской идентичности» принятой «Всемирным русским народным собором» в 2014 году дана если не окончательная, то, в целом, довольно удачная формула:

«Русский – это человек, считающий себя русским; не имеющий иных этнических предпочтений; говорящий и думающий на русском языке; признающий православное христианство основой национальной духовной культуры; ощущающий солидарность с судьбой русского народа».

Если человек не считает себя русским, то обсуждать с ним его русскость бессмысленно. Если человек, подобно Протею, манипулирует своей идентичностью, то он русский, то финн, то друг степей калмык, если из его непрерывно меняющейся родословной то наступают ордой кочевники, то приплывают в варварскую страну просвещенные мореплаватели, то очевидно, что русским он себя не считает.

Если человек не говорит и не думает на русском языке, то отсутствует тот процесс непрерывной актуализации идентичности, который происходит в соприкосновении с языковой стихией.

Если человек не ощущает солидарности с русским народом, если ему чуждо чувство братства с представителями своего народа – братства помимо классовых, имущественных, образовательных границ, то «он был средь нас чужой».

Нация – не организация со свободным членством. В основе своей это связь поколений, прошлых и будущих, традиция, которая передается через рождение, воспитание, приятие наследия предков. Чтобы народ создал великую культуру, приобщаясь к которой выходцы из других народов хотели бы бормотать даже на смертном одре «строчки из Александра», необходимо, чтобы в основе этой культуры лежала живая, передающаяся от отца к сыну традиция, чтобы первое чувство национального самоопределения возникало с первой материнской колыбельной. Должно быть то чувство особенности, которое до конца не растворяется во всеобщности глобального Вавилона.

На первый взгляд, в наш секулярный век некоторым может показаться проблематичной формула о православии. Однако она абсолютно корректна. В текущей реальности можно быть агностиком, атеистом, даже, наверное, неоязычником (но сразу скажу – не нужно). Но нация – это согласие живых и мертвых, потомков и предков. Русский человек не может отвергать и оплевывать большую часть своих предков, а они с конца X по начало XX века все были православными христианами, а большинство из них остались таковыми и после этого рубежа.

Когда мы говорим о православии, как о факторе, создающем русскую культуру, речь не столько о личном религиозном самоопределении человека, которое он, в конечном счете, обсудит с Богом на Страшном суде. Мы говорим об исторической религиозной традиции народа.

Религиозная традиция – это, к примеру, пространственная этническая и цивилизационная кодировка, разметка «нашего» и «не нашего». Европа – это пространство, где высятся готические соборы. Европа без устремленных ввысь стрельчатых арок – какая-то не настоящая, второсортная. Мир ислама соткан из бесчисленных голосов муэдзинов, переплетающихся в пространстве между минаретами. Русское пространство – это золотые главы и шатровые колокольни. Где они есть,– там Русь. Там, где их не видно, где они уничтожены, теряется и русское качество пространства, оно впадает в забытье.

Наши предки это отлично понимали, и поэтому особым русским направлением церковного зодчества стал шатровый стиль – обращенный не вовнутрь, как византийский храм, а наружу, в экстерьер, подобно Василию Блаженному или церкви Вознесения в Коломенском. Задача такого храма – обозначить присутствие Божие, присутствие православной веры в окружающем ландшафте.

Когда, готовясь к грандиозному Казанскому походу, русские рати ставили на волжском мысу крепость Свияжск, то заранее подготовлены были и спущены затем по реке срубы стен, домов и церквей. Церковь должна была встать на новом рубеже одновременно с городом. Потому что – как обозначить иначе пришествие русского народа? Произнесите мысленно: «русский пейзаж». Что представится вашему умственному взору? Петляющая речка. Один берег низкий, луговой, другой – высокий, поросший лесом. И там, на горе, обязательно видна небольшая церквушка, увенчанная шатром или луковичной главкой.

Попытайтесь теперь мысленно убрать эту церквушку, и вы обнаружите, что пейзаж распался. Уже непонятно – Польша перед вами, Прибалтика или Россия, уже непонятно, люди здесь живут или же дикие звери. Нет церковной главы – и пейзаж обезглавлен. Убрали шатер – и смысловая определенность пространства расшаталась.

МОЖНО ЛИ РУССКИМ СТАТЬ ИЛИ ТОЛЬКО РОДИТЬСЯ?

Стать русским можно, но для того, чтобы кто-то мог стать русским, должно быть достаточно большое число людей, которые русскими родились.

У любого этноса, даже у любой нации, хотя нация – это более сложное, политическое понятие, всегда существует определенное этническое, антропологическое ядро из людей с близкими антропологическими, генетическими, культурными чертами. Представители этого ядра очевидно более похожи друг на друга, чем на представителей окружающих общностей. Они говорят на сходном языке, ведут, по большей части, похожий образ жизни, имеют общую историческую память, которая делит для них мир на «своих» и «чужих».

Современная политкорректность стремится устранить понятие рождения и воспитания как образующего этнос фактора. В «Декларации» об этом сказано совершенно неполиткорректно, зато очень корректно.

«Рождение от русских родителей в большинстве случаев является отправной точкой для формирования русского самосознания, что никогда не исключало возможности присоединения к русскому народу выходцев из другой национальной среды».

Необходимо понимать, что, чтобы присоединиться к тому или иному этносу по своему свободному вы-

бору, нужно войти в круг тех, кто в составе этого этноса родился и был воспитан, и быть принятым в этом круге как свой, включиться в цепь браков, рождений и воспитаний. «Арап Петра Великого», приехав в Россию и женившись на шведке, вряд ли стал в точном смысле слова русским, зато, включившись в русскую систему браков и рождений, где его род дважды скрестился со старинными русскими боярами Пушкиными (и отец и мать Александра Сергеевича имели в роду Пушкиных, чем он очень гордился), он стал прадедом великого русского поэта и страстного русского патриота.

Для того чтобы представитель другой этнической группы мог стать членом этноса, ему нужны образец, которому он мог бы уподобиться, и группа, с которой он мог бы смешаться. Если такой образец есть и такая группа есть, то ассимиляция, то есть вхождение новых членов в состав этноса, совершается сравнительно легко.

В первом поколении есть воля к сближению, во втором – все живут общей жизнью, в третьем уже все переженились, в четвертом различий порой не сыскать вовсе – придется долго изучать их, вглядываясь в антропологические черты, или копаться в генетических картах.

Скажем, в составе северной группы русского этноса более 30% (а в составе русских в целом – 15%) имеют мужскую Y-хромосомную гаплогруппу N1C. Это значит, что их прямые предки по мужской линии когда-то принадлежали к группам, родственным целому спектру народов – от финнов до якутов. Столетиями

эти группы жили рядом со славянами, усвоили их язык и культуру, между собой перемешались, и сегодня, не покопавшись в слюне, не существует способа отличить потомка полян, древлян или северян от потомка чуди, веси или мери. И этот факт, кстати, опровергает глупость про «происхождение по матери ничего не значит» – значит, особенно если речь идет о длящихся десятилетиями и столетиями семейных связях,

С другой стороны, для славян, как и для всех восточных индоевропейцев, характерна Y-хромосома R1a1. Её носителями являются 46% русских, больше только у белорусов (тоже русских) и поляков. Несомненно, представители этой группы создали, так сказать, обобщенное славянское генетическое и антропологическое лицо русских.

Однако в своей основе ничего «славянского» в этой группе нет – она древняя восточноиндоевропейская. Она выявлена у 68% таджиков, 65% киргизов, четверти татар и башкир, предки этих народов – индоевропейское население, носители культуры шнуровой керамики, жившие в бронзовом веке. Когда-то это население было тюркизировано, исламизировано, приобрело ряд новых лингвистических, культурных, исторических черт, и их генетика ничуть не делает их «более славянами», чем потомков чуди и мери.

Народ, этнос не может быть сведен к однородной генетической и антропологической группе. Если бы генетика имела бы власть над национальной идентичностью, то османские янычары, отобранные мальчиками по налогу кровью – девширме – из христианских

народов империи, разбегались бы или переменяли сторону при столкновении со своими соплеменниками. Но они этого не делали, хотя их отбирали даже не во младенчестве, а в предподростковом возрасте.

Биологическое сходство является важным фактором, иногда – первичным опознавательным знаком свой/чужой, но не может задать самосознания и единства взаимодействия. Превращают определенную человеческую популяцию в этнос общая система адаптации к ландшафту, общая традиционная культура, на основе которой осуществляется воспитание, общий живой язык и общая религиозная и историческая идентичность и совместная жизнь.

У каждого большого и малого этноса есть та среда, в которой он чувствует себя как рыба в воде, среди которой умеет жить. Именно единство этой среды чаще всего определяет ареал распространения и психологию (и, разумеется, хозяйственную жизнь) этноса.

Скажем, для русских таким вмещающим ландшафтом является сеть больших и малых рек с удобным переходом из одного бассейна в другой. Россия получилась такой огромной именно потому, что на территории нашего расселения эта сеть настолько огромна, с прилегающими к ней морями протянувшись до Амура, Уссури и Анадыря. Горы, степи, тайга, тундра – всё оказывалось при расселении русских вторичным элементом, если присутствовал главный, опорный – реки. Сегодня нашу страну связывают уже железные реки по которым ходят скоростные поезда, нас соединяет сеть скоростных авиасообщений, но базовый

образ пространства, усвоенный нами в эпоху, когда река была самым быстрым средством передвижения, – остается.

Первенствующее этнообразующее значение имеет культура младенческого и детского традиционного воспитания – бабушкины сказки, первые игры и воспроизводимая в них картина мира, семейное окружение с его языком, материальной культурой, игрушками. Когда мы говорим, что всасываем свою этническую идентичность с молоком матери, то имеется в виду именно это.

В большинстве культур носителями такого первичного воспитания являются женщины – матери и особенно бабушки. Только в тех обществах, где состав матерей во многом случаен, формировался в значительной степени из пленниц, представительниц соседних племен, роль мужчин при первичном воспитании и определении этнического самосознания была выше. Но, в любом случае, центральное значение имеет долгая семейная традиция – значение бабушек и дедушек при этническом самоопределении зачастую намного больше, чем отцов и матерей.

Семья – это микрокосм нации. В своей основе этнос всё равно остается социальным механизмом, обеспечивающим рождение и воспитание детей в рамках определенной культурной традиции. Успешность этноса определяется тем, что его каждое следующее поколение чуть больше предыдущего ассоциирует себя именно с этой культурой. Напротив, неудача этноса – это ситуация, когда все, кто имеет возможность

из этноса «выписаться», стараются как можно скорее это сделать.

Огромную роль в этническом самоопределении играет язык. Только надо правильно понимать, что тут имеется в виду. Критики значения языка как этноопределяющего фактора любят ссылаться на мифического «филолога-слависта из американского университета», который, отлично выучив язык Пушкина, оказался бы большим славянином, чем безграмотный русский мужик с его «тудыйный» и «ложи».

На самом деле – нет. И блестяще выучивший словарь и грамматику филолог, равно как и безграмотный гастарбайтер, живой русской речью на деле не владеют. Речь одного русского человека, выстроенная на основе русских корней и флексий, будет всегда понятна другому русскому человеку, но будет совершенно непонятна иностранцу, будь он хоть таксист, хоть филолог. Природный носитель родного языка выстроит текст так, как никогда этого не сможет сделать выросший в другой языковой стихии иностранец. Природный носитель языка имеет привилегию творить на нем, создавать его новые формы, развивать свою родную речь, а его удачные находки закрепляются принятием другими носителями.

Большинство развитых религий современного мира наднациональны. В этом смысле, конечно, нельзя считать религию этноопределяющим фактором самим по себе. Но на практике религия – это определенный образ жизни, определенная система этических и ритуальных запретов, определенная система

установок на связь с высшим началом. И вот она-то формирует тот набор жизненных практик, принятых и отвергаемых, которые обозначают очень важные этнические границы. Скажем, мир пасхальных яичек и мир кровавых жертвоприношений (и стоящих за этими ритуалами представлений) это разные миры.

Православие тысячелетиями создавало русскую матрицу и даже самый закоренелый русский атеист не может вытравить из себя основы православного мероприятия, если же он принимает другую веру по-настоящему глубоко, он стремительно утрачивает свою национальную идентичность.

О роли этнической исторической памяти, чувства национальной идентичности, много говорить не приходится, кроме того, что как раз она, в отличие от других элементов, чаще всего конструируется сверху. Поэтому человеку, который имеет желание стать русским, нет вообще никаких проблем усвоить этот этаж идентичности. Большая её часть берется не из глубины народных преданий, а из книг.

Наконец, чрезвычайно важное значение для этнической идентичности, по сути решающее, если мы говорим о длительной временной протяженности, имеет совместная жизнь. Представители одного народа должны жить рядом, вместе, бок о бок, на общей национальной территории. Если они живут в диаспорах, они должны составлять достаточно замкнутые этнические сообщества. В противном случае от реальной этнической идентичности остается лишь

смутная память о происхождении, однако своей жизнью человек вливается в другой этнос (особенно если этот этнос антропологически близок и открыт для ассимиляции) и постепенно растворяется в нем. Без совместной жизни, в диаспоральной раздробленности, в положении меньшинства, сохранение этноса оказывается непростой задачей.

Итак, определим ещё раз.

Народ, этнос – это сообщество людей, в ядре которого находится популяция похожих друг на друга фенотипически и генотипически людей, связанная общностью адаптации к ландшафту, общностью традиций воспитания, общностью живого языка, имеющими религиозную санкцию общими культурными ценностями и общей исторической памятью. Если этот народ имеет политическую организацию, а главное – считает свою этническую особость основанием для такой организации, то его уместно именовать нацией.

Может ли инородец стать частью народа? В большинстве случаев легко – количество народов на земле, которые реально закрыты от инородцев, крайне невелико и русские к ним точно не относятся. Сначала устанавливается соседство, общая модель адаптации и общая память, усваивается язык и традиция воспитания, а потом с помощью браков индивид или даже группа (вплоть до целых этносов) интегрируется в ядро.

НУЖНО ЛИ СТАНОВИТЬСЯ РУССКИМ?

Осознанная ассимиляция, вливание в состав русского этноса и нации, естественный и логичный результат этнического развития для многих маленьких (и даже не очень маленьких) этносов России.

Противодействие ассимиляции зачастую оказывается искусственным и, порой, насильственным, так как у неё есть сразу несколько влиятельных врагов.

Во-первых, либеральные многонационалы, для которых каждый человек смешанного происхождения находка, так как ему можно вбивать установку, что для него лично выгодней Россия, в которой русское этническое начало будет подавлено.

Во-вторых, националисты и криптосепаратистские элиты части республик, опасающиеся того факта, что значительная часть граждан России хотела бы и желала бы ассимилироваться с русскими, причем в некоторых случаях, как у финно-угорских православных народов, грань настолько тонка, что различие приходится искусственно насаждать сверху.

В-третьих, неонацисты и расисты, их роль несущественна, но зато своей болтовней про «порчу крови» они эффектно подкрепляют первые две группы «от противного».

Становиться русским и можно, и нужно. Современный мир – это мир не только больших наций,

но и больших этносов, интегрирующих в своем составе малые и средние группы.

«Мультикультурализм», навязываемый и Западу, и нам, в реальности нежизнеспособен, так как почти везде сопровождается откатом в дичайшую архаику. Огромное количество людей хочет говорить как на своем языке на языке великой культуры (каковым несомненно является язык Пушкина и Достоевского), быть интегрированными в большую традицию национальной памяти, они хотят быть своими большому числу людей и ощущать с ними определенное физическое родство и похожесть. Всё это в России означает интеграцию именно в русский этнос.

Альтернативой такой интеграции является не расцвет множества малых милых этносов, а формирование других (нерусских) больших идентичностей и сепаратистских проектов – большекавказского, поволжского проекта «Идель» и т.д. В их рамках будет конструироваться своя национальная память (вполне вероятно – о «русских оккупантах») и создаваться свои большие этносы, которые однажды потребуют себе статуса наций и независимой государственности. Иными словами, искусственное сдерживание интеграции с русскими других народов России – это мина под нашу единую государственность в будущем. Свято место пусто не бывает.

Являются совершенно ложными утверждения о насильственном характере русификации. Напротив, в России русификация является народным естественным спонтанным процессом. Насилием, связанным

с применением административного ресурса, попила бюджетов и шантажа, является как раз противодействие и сдерживание такой русификации, навязывание местных культур «титульных народов» русскому большинству тех или иных субъектов федерации.

У нас есть масса случаев, в которых людям отказывают в удовлетворении их законного желания стать русскими. Причем это прямо противоречит 26-й статье Конституции, в которой закреплено право каждого самостоятельно определять свою национальную принадлежность. Людей то принуждают к иной идентичности, то подкупают ею. Заниматься развитием «нацкультур» у нас бесконечно выгодней, чем развитием русской культуры.

Отрицание права быть русским полируется некоей мнимой «обидой народов», которая случится, если не препятствовать русификации. Простите, чья обида, если значительная часть самих этих народов хочет стать русскими? Конечно, не их самих, а криптосепаратистских элит, для которых межнациональные противоречия у нас в стране превратились в дойную корову с бездонным выменем.

Быть русским на самом деле довольно просто. Русская культура чужда вычурности и высокомерия, в хорошем смысле слова «всечеловечна», в ней нет каких-то непонятных и специфичных неприятных непривычному человеку культурных практик, охотно вбирает в себя все здоровые элементы других культур. Это свойство выдающийся русский национальный мыс-

литель И.Л. Солоневич в своей замечательной книге «Народная монархия» называл «уживчивостью».

Единственное, чего русские, как можно заметить, не терпят – это двойного дна, ситуаций, когда кто-то начинает манипулировать идентичностями, например русской и пингвинской. Когда человек пингвинского происхождения заявляет: «Я как русский человек считаю, что нам нужно немедленно покаяться перед пингвинами и искупить вину» – это и впрямь вызывает нехорошие чувства.

В продолжение этого свойства русская идентичность, конечно, тотальна. Русские охотно принимают всё и вся в свои. Но очень не любят, когда им тыкают в нос, что это «чужое». Если вы будете долго и с нажимом рассказывать русскому о том, что матрешка – это японская кукла, на вас посмотрят с подчеркнутой неприязнью.

Иными словами, русская идентичность выставляет по большому счету лишь одно требование – отказ от манипулирования и размывания этой идентичности. Правда, для некоторых именно это требование становится невыносимым бременем: им хотелось бы сохранять выгодное положение этнического протея – дурачить русских, вытрясая из нас всевозможные выгоды и нанося нам же ущерб.

А что русская идентичность даёт? Мы уже миновали те времена, когда являться русским было в высшей степени немодно, до той степени, что все, кто имел такую возможность, старались выписаться из русских и по паспорту, и по морде.

Сегодня быть русским в общем престижно, даже на Западе это слово вызывает если и не восторг, то опасливый ужас. Быть русским значит принадлежать к большой нации великого исторического значения и исключительных достижений, к грандиозной по сложности и богатству культуре, к творческому порыву, направленному на увеличение нашего своеобразия.

Мы сегодня все, независимо от этнического происхождения, становимся более русскими. Быть русскими сегодня – это не только усвоение, но и созидание. Сегодня мы как этнос и как нация сами охотно открываем и переоткрываем, а в чем-то даже изобретаем себя после столетия общенационального обморока. И у нас впереди еще много работы. Увлекательной работы.

ЧТО ТАКОЕ НАЦИЯ?

Идеальную формулу для определения того, что такое нация, предложил немецкий философ Георг Фридрих Вильгельм Гегель:

«Таким образом действует дух народа: он есть определенный дух, создающий из себя наличный действительный мир, который в данное время держится и существует в своей религии, в своем культе, в своих обычаях, в своем государственном устройстве и в своих политических законах, во всех своих учреждениях, в своих действиях и делах. Это есть его дело – это есть

этот народ. Народы суть то, чем оказываются их действия. Каждый англичанин скажет: мы – те, которые плавают по океану и в руках которых находится всемирная торговля, которым принадлежит Ост-Индия с ее богатствами, у которых есть парламент и суд присяжных и т. д.»

Предложенный Гегелем подход, оценка нации через её действия, применим к любому мало-мальски серьезному историческому народу, которые только и имеют моральное право именоваться нациями. Разумеется этот подход применим и к русским.

Русские – это те, кто создал самую обширную державу на планете, пройдя «навстреч солнца» бескрайнюю Сибирь, установив русскую власть и построив города на тех северных просторах, где никогда прежде никакое государство власти не устанавливало.

Русские это те, кто принял византийское Православие, сохранил его и развил даже тогда, когда от него отреклись сами греки, а все православные царства кроме русского – пали, в то время как русские являли всё новых и новых святых, составивших Святую Русь.

Русские это те, кто освободившись от ига монгольских ханов столетие за столетием отвоевывали лесостепи и степи у степняков, пока вовсе не покончили с набегами варваров на цивилизованные народы.

Русские это те, кто сокрушил могущественнейшие военные силы, когда-либо создававшиеся в Европе – армии Наполеона и Гитлера.

Русские – это те, кто в кратчайший срок усвоил европейскую образованность, соединил её со своей

древней культурой и добились изумительных результатов в любой области деятельности – науке и технике, первыми выйдя в космос, в литературе и искусстве, голосом Достоевского поставив последние вопросы человеческого бытия.

Иными словами, Русские – это нация, совершившая великие и славные деяния, породившая для себя и подарившая миру удивительных людей, которые навсегда изменили облик мировой истории и культуры, приобретшая в этом ходе веков своё собственное неповторимое и уникальное историческое лицо.

Те свойства, через которые Гегель обозначил англичан, зачастую уже отошли в прошлое. Океан давно уже не принадлежит Британии, да и большая часть мировой торговли ушла из-под её контроля. Индия давно уже им не принадлежит. А парламенты и суды присяжных есть теперь почти у всех (хоть и не всем идут впрок). Большинство же русских достижений попрежнему остаются непревзойденными.

Для определения нации не надо высчитывать проценты крови, или нанизывать сложные многосоставные и оттого поддающиеся манипуляциям определения вроде сталинского: «исторически сложившаяся общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, выражающаяся в общности культуры». Ещё более бессмысленны заявления, что «нация – это парламент и суд присяжных». Это у англичан нация – это парламент и суд присяжных, а у русских нация – это царь и система раскинутых по земле общежительных монастырей, Святая Троица и Ядерная Триада.

Необходимо не измышлять искусственные критерии нации, а потом ещё более искусственно подгонять к ним русских так, чтобы они под него не попадали, а просто признать тот факт, что русская нация существует. Её существование очевидно нам буквально на каждой странице исторических летописей последнего тысячелетия.

Понятие «русские» обозначает обширное уже в древности и, тем более, сегодня сообщество людей, связанных общностью происхождения, языка, самосознания и долговременным единством политической судьбы, если и не всегда актуальным, то всегда чаемым этой общностью.

Понятием русской нации охватывается не только этнографическая группа великороссов, но все восточные славяне. Группы малороссов и белорусов имели особенности в своём политическом и языковом развитии, но до начала эпохи политического конструирования наций в XX веке не порывали с самосознанием русского единства (или, по крайней мере, триединства), да и сейчас этот разрыв является во многом искусственным и насильственным.

СТАРЕЙШЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО ЕВРОПЫ

Слово «Русь» появляется уже в исторических источниках IX века, а уже в середине XI оно относится

к обширной надплеменной исторической, культурной и политической общности, к которой прилагаются понятия «земля», «люди», «язык», «власть». Нет никаких оснований отказывать этой общности в имени «нации» по крайней мере в том смысле, который вкладывается в него авторами говорящими о «нациях до национализма».

Первый раз слово «нация» по отношению к предкам славян – венедам применяется ещё в «Германии» Тацита в конце I века н.э. «Peucinorum Venedorumque et Fennorum nationes» – само по себе это говорит больше об особенностях словоупотребления римского историка, но именно из таких частных словоупотреблений и вырос, в конечном счете, концепт «нации».

Уже в начале X века русские послы приходят в Царьград со словами «мы от рода русского» – и приходят они «от великаго князя рускаго, и от всея княжья и от всѣх людий Руское земли». Уже в первом в истории документе с упоминанием русских – Бертинских анналах за 839 год, появляется эта формула «от рода русского»: «id est gentem suam, Rhos vocari dicebant».

«Россия является старейшим национальным государством Европы» – отмечал И.Л. Солоневич. Русская нация появляется на историческом поприще одновременно с большинством других христианских наций Европы.

Если посмотреть на карту Европы X-XI века, то, в большинстве своем, мы увидим на ней те же страны и народы, что и сегодня, за очень и очень немногими исключениями. Англия, Франция, Польша, Чехия,

Венгрия, Дания, Швеция, Норвегия, Сербия, Хорватия, Болгария появились на карте именно в этот период. В составе Священной Римской Империи оформились королевства Германия и Италия, хотя и не достигавшие настоящего политического единства. На севере Иберийского полуострова христиане Леона и Кастилии вели реконкисту у мавров, подготавливая появление Испании. Это был период *«великого происхождения народов»* и русская нация явилась на свет именно в этот момент.

Феномен европейской христианской наций был переносом на конкретные ранние государства модели Священного Царства – Израиля. Народ Ветхого Завета был первой нацией в истории, нацией созданной свыше волей Господа и как Его орудие. «Библия предлагала в самом Израиле разработанную модель того, что значит быть нацией – единство народа, языка, религии, территории и правительства… именно он был для читателей Библии очевидным образцом того, какой должна быть нация, зеркалом для воображаемого образа своей нации» – указывает британский исследователь Эдриан Хастингс.

Как отмечает другой современный исследователь – Стивен Гросби – воспоминания о едином царстве Давида и Соломона, надплеменное представление о «всём Израиле», убежденность в том, что этот народ принадлежит определенной территории и что она принадлежит исключительно ему, вера в то, что земля и народ были освящены соглашением с единым Богом – все эти составляющие национальности

отделяли библейский народ от окружавших его неустойчивых племенных союзов, изолированных городов-государств и размытых в своей идентичности империй.

Нетрудно отметить удивительное и, конечно же, не случайное сходство русского национального самосознания с этой заданной в Ветхом Завете моделью. С древнейших времен русская нация получает эту библейскую закваску. Владимир и Ярослав предстают как Давид и Соломон, племенные объединения выступают как аналог колен Израилевых. Постижение понятия «Всея Руси» (примененного сперва для обозначения области власти Русских митрополитов, а затем перенесенного на князей), центрального для самовосприятия русской нации и её государственно-территориального развития, невозможно без учёта пронизывающего Ветхий Завет представления о «всём Израиле» (Втор. 5, 1 и др. места).

Русь была одним из самых ранних слепков этого библейского образца среди христианских народов. И в наиболее полной мере воплотила в своей истории эту парадигму, сохраняя единство вопреки завоеваниям, разделениям, пленениям подобно избранному народу, сознающему не только своё этническое единство, но и метаисторическую миссию.

Летописец помнит еще отличия полян от древлян и вятичей, он знает, что русские князья соединили варягов и словен, но единство этой общности именуемой «Русью» для них несомненно и вне обсуждения. Первый русский летописец сознательно конструирует

образ русской истории как истории единого народа, создающего единую страну и подчиненного единой власти.

О том говорит митрополит Иларион в «Слове о законе и благодати». «Слово», созданное в 1051 году (въ лѣто 6559 владычествующу благовѣрьному кагану Ярославу, сыну Владимирю), озаглавлено:

«О законѣ, Моисѣомъ данѣѣмъ, и о благодѣти и истинѣ, Исусомъ Христомъ бывшии и како законъ отиде, благодѣть же и истина всю землю исполни, и вѣра въ вся языкы простреся и до нашего языка **рускаго**, и похвала кагану нашему Влодимеру, от негоже крещени быхомъ, и молитва къ Богу от всеа земля нашеа»*.

Касаясь князя Владимира Иларион говорит:

«И единодержець бывъ земли своеи, покоривъ подъ ся округъняа страны, овы миромъ, а непокоривыа мечемь». И говорится о нем: «Не въ худѣ бо и невѣдомѣ земли владычьствоваша, нъ въ **Руськѣ**, яже вѣдома и слышима есть всѣми четырьми конци земли».

Сравнивая князя «кагана» Владимира с благоверным императором Константином, Иларион проводит параллель из которых позднее вырастет концепция «Третьего Рима»: «Онъ въ елинѣхъ и римлянѣх царьство Богу покори, ты же – в **Руси**: уже бо и въ онѣхъ и въ насъ Христос царемь зовется». Излагая свое испо-

* Слово «каган» применялось к первым правителям Руси, чтобы подчеркнуть их равночестность и правопреемство по отношению к владыкам Аварского каганата, на территории которого в течение многих веков жили дунайские славяне, переселившиеся на Русскую равнину в начале IX века и, по всей видимости, положившие начало русской государственности. Сопоставление этого титула с титулом владыки хазар представляется нам ошибочным.

ведание веры Иларион завершает его: «Слава же Богу о всемь, строящему о мнѣ выше силы моеа! И молите о мнѣ, честнѣи учителе и владыкы **Рускы** земля!»

Русское национальное сознание оказалось одним из старейших среди национальных сознаний европейских народов. Нет еще никакой Франции, есть «западная Франкия». Нет еще никакой Германии – есть Священная Римская Империя, к названию которой слова «германской нации» будут прибавлены лишь в 1512 году. Англия, лишь недавно под властью датских королей изжившая разделение на области англосаксонского и датского права, уже попала под власть новых властителей – горделивых нормандцев, соединивших франкскую спесь и норманнскую жестокость. А на Руси летописец уже выводит в заглавии своего труда вопрос: «Откуда есть пошла Русская Земля?».

Лишь в 1214 году, после битвы при Бувине, где Филипп Август разбил германского императора и англичан, мы можем нащупать что-то вроде французской национальной гордости. Всего тремя десятилетиями позднее на Руси создается «Слово о погибели Русской Земли», щемящий душу патриотический манифест, оплакивающий гибель Руси в пожарище монгольского нашествия.

По прихоти истории рассказа о погибели до нас не дошло, зато нам остался настоящий гимн той старой домонгольской Руси, показывающий как высоко стояло ее патриотическое сознание. «Слово» – это настоящее признание в любви к Русской Земле, наслажде-

ние её красотой и благоустройством. Этот текст нужно учить наизусть в школе.

«О, свѣтло свѣтлая и украсно украшена, земля Руськая! И многыми красотами удивлена еси: озеры многыми удивлена еси, рѣками и кладязьми мѣсточестьными, горами, крутыми холми, высокыми дубравоми, чистыми польми, дивными звѣрьми, различными птицами, бещислеными городы великыми, селы дивными, винограды обителными, домы церковьными и князьми грозными, бояры честными, вельможами многами. Всего еси испольнена земля Руская, о прававѣрьная вѣра хрестияньская!»

Но предметом любования является не только природная красота Руси, но и её сила, власть над многими народами и престиж её единодержцев. При этом русские четко осознают себя как этнос среди этносов, народ среди народов и границы этой Руси исполненной всего проводятся именно по границам державы Владимира и Ярослава, без всяких внутренних разделений:

«Отселѣ до угоръ и до ляховъ, до чаховъ, от чахов до ятвязи и от ятвязи до литвы, до немець, от нѣмець до корѣлы, от корѣлы до Устьюга, гдѣ тамо бяху тоймици погании, и за Дышючимъ моремъ; от моря до болгаръ, от болгарь до буртасъ, от буртасъ до чермисъ, от чермисъ до моръдви,– то все покорено было Богомъ крестияньскому языку, поганьскыя страны, великому князю Всеволоду, отцю его Юрью, князю кыевьскому, дѣду его Володимеру и Манамаху, которымъ то половоци дѣти своя полошаху в колыбѣли. А литва из боло-

та на свѣтъ не выникываху, а угры твердяху каменые городы желѣзными вороты, абы на них великый Володимеръ тамо не вьѣхалъ, а нѣмци радовахуся, далече будуче за Синимъ моремъ».

Ни в один период своей истории русские не теряли память о своей общности и не забывали её имя, хотя на долю русских приходились очень тяжелые времена. Епископ Владимирский Серапион жаловался в первые десятилетия монгольского ига: «Величьство наше смѣрися, красота наша погыбе, богатьство наше онѣмь в користь бысть, трудъ нашь погании наслѣдоваша, земля наша иноплеменикомъ в достояние бысть».

Это кстати лучший ответ современника тем, кто пытается сегодня представить тот натиск с Востока едва ли не как расцвет дружбы и союзничество. «В сласть хлеба своего изъести не можем» – это данная Серапионом точная формула вековых русских бед, так сгустившихся в годы нашествия, – не досталось нам такой радости, чтобы свой собственный хлеб подолгу вкушать всласть – то он пополам со слезами, то на него посягает чужеземец, то недород. Простая русская мечта – изъесть всласть своего хлеба.

Однако за эту мечту приходится сражаться. И особенно почитал народ тех, кто готов был в те годы сражаться за Русь, как святой Александр Невский. Для Великого Новгорода Александр был и защитником и палачом, когда принуждал богатый и не затронутый нашествием торговый город к монгольской дани. Принуждал ради того, чтобы облегчить нагрузку на другие, разоренные русские земли. Казнил, топил,

вынимал глаза и должен был бы оставить по себе память как о деспоте. Однако что же пишет новгородский летописец в I новгородской летописи старшего извода по случаю кончины князя: «Дай, Господе милостивыи, видеть Лице Твое ему в будущий век, иже потрудися за Новгород и за всю **Русьскую** Землю».

«За всю Русьскую Землю», так пишут в Новгороде, который сегодня любят представлять едва ли не как независимое государство, насильственно захваченное Москвой. Но нет, при всей особости своей жизни, при всех торговых связях с Западом, и у новгородцев на первом месте стояло общерусское патриотическое сознание – настолько, что даже деяния жестоко обходившегося с ними князя они оценивали через призму труда за всю Русскую Землю, а не только своего города. То же самосознание мы видим и в Твери, десятилетиями сражавшейся за гегемонию в Русской Земле с Москвой. «Да устроится Русская Земля и да будет в ней справедливость», – высказывает свою сокровенную мечту тверской купец Афанасий сын Никитин, затерявшийся за тремя морями, в песках и горах Востока.

Невозможно согласиться с популярной формулировкой Л.Н. Гумилева, что «на Куликово поле пришли москвичи, серпуховчане, ростовчане, белозерцы, смоляне, муромляне и так далее, а ушли с него – русские». Понятно желание отметить великую битву как поворотный исторический пункт. Но, всё-таки, на Куликово поле пришли уже русские – причем русские не только с Владимирской, но и с подчиненной Литве

Руси, вопреки предательству князя Ягайло, решившие принять участие в общерусском деле. Они хорошо понимали, что не дело Литвы, но дело Москвы есть истинное общерусское дело. Еще дядя куликовского победителя Дмитрия Донского – Симеон Иванович Гордый именовал себя титулом «всея Руси», а византийский император именовал его в хартиях: *«рикс пасис Росиас»* – царь всей России. Нет, на Куликово поле выходили уже русские и сражались они уже за Россию, а не только за Москву.

Вот тот мировоззренческий фундамент на котором возросло единое Русское государство – великая Россия. Возникло не только не с опозданием по отношению к Западной Европе, но и с опережением. Д.С. Лихачев в работе «Культура Руси эпохи образования русского национального государства» отмечал:

«Национальные элементы отдельных культур, возникнув почти одновременно по всей Европе, лишь в России получают реальную опору в организации собственного национального Русского государства. Вот почему национальное своеобразие русской культуры XIV-XV вв. выражено отчетливее, чем национальные черты культуры Англии, Франции, Германии того же времени. Единство русского языка гораздо крепче в этот период, чем единство национальных языков во Франции, в Англии, в Германии и в Италии. Русская литература гораздо строже подчинена теме государственного строительства, чем литературы других народов…».

Успешное формирование в XV-XVI веках централизованного государства – России было связано с тем,

что оно с самого начала выступало в качестве раннего национального государства, соединяющего национальную общность под единой политической властью и формирующего её политические, культурные и экономические институты.

В работе «Существовало ли русское национальное государство?» я выделил следующие черты раннего национального государства*:

1) относительное совпадение этнонима и политонима;
2) ирредентизм – притязание на соединение в одном государстве всех представителей одного этнокультурного комплекса;
3) неприятие внешней этнократии, то есть отрицание права чужеземцев на власть, стремление иметь своего природного государя;
4) зачаточные формы общенационального политического представительства;
5) тенденция к формированию единого экономического субъекта – внутренний рынок, протекционизм, контроль внешней торговли;
6) оформление национальной церковной организации;
7) формирование идеологии изоляционизма/исключительности, то есть комплекса идей «мы должны быть сами по себе» и, при этом, «мы особенные».

И все эти черты ярко и выпукло присутствовали в истории России XV-XVII вв.

---

* Включена в антологию: Национализм: pro et contra. СПб.: РХГА, 2017, сс. 771-779.

Совпадение политонима и этнонима налицо. Россия=Русь=Русская Земля=люди русские все это однозначно воспринимается как имеющее вполне определенную политическую локализацию и относящееся ко вполне определенному народу. Понятия «Москва», «московиты» используются только иностранцами.

Ирредентизм выражен в политике великих князей и царей Московских в высшей степени сильно. «Князь хочет вотчины свои – земли русские» – такова политика Василия III. Внутренняя ирредентистская политика проводится предельно последовательно. Внешняя ирредентистская политика заточена прежде всего против Польши-Литвы и обосновывается историческими, вероисповедными и этническими аргументами – Русские земли – это отчина русских князей, населенная православными русскими людьми.

Установка на неприятие внешней этнократии выразилась со всей определенностью в эпоху Смутного Времени. Нежелание терпеть на престоле польских ставленников и польских оккупантов в Кремле, несмотря на любую их формальную легитимность» была важнейшим двигателем событий Смуты к порогу победы над нею. При этом в посланиях Пожарского и Минина четко проводится различение между внешними врагами и русскими ворами – как двумя разными типами противников национального движения.

Земские соборы были для своей эпохи весьма добротной зачаточной формой национального представительства. Они были всесословны и всеземельны, их голос воспринимался именно как совет всей земли.

Безусловно имела место единая субъектность во внешней торговле. Государство быстро взяло ее в свои руки и поставило под жесткий контроль. В определенных кризисных ситуациях, например когда надо было спасать финансовую систему после медного бунта, национальная внешняя торговля действовала как единое целое под контролем государства. При этом с середины XVII века начинает проводиться хотя и не последовательная протекционистская политика по отношению к русскому купечеству, меры по защите его от иностранной конкуренции.

Национальная церковная организация была одним из ранних достижений в становлении русского государства. Автокефалия 1448 г. сформировала эту организацию, а затем она бдительно охранялась, будучи закреплена в 1589 г. с установлением патриаршества. Интересно, что закат раннего русского национального государства начался тоже в церковной сфере – с Большого собора 1666 г. – и его одновременными клятвами на старые обряды (осуждение национальной церковной традиции) и осуждением Никона судом восточных патриархов (признание внешнего суверенитета в духовных делах).

Идеология национального изоляционизма/исключительности также была сформирована в доктрине последователей Иосифа Волоцкого. «Русская земля благочестием всех одоле». И там же и доктрина III Рима старца Филофея, которые многие ошибочно считают мессианистской. На самом деле это была изоляционистская доктрина, суть которой «не нужно право-

славному царю Московскому любой ценой, перенапрягая силы, отвоевывать Константинополь – отныне Русская Земля – это Третий Рим и это её интересы и есть политические интересы православия».

Русское национальное сознание продолжало опережать западноевропейское и на следующих этапах. Благодаря Жанне д'Арк французы додумались до того, что англичане не имеют прав на прекрасную Францию. Столетняя война сыграла огромную роль в становлении национального самосознания европейских народов – достаточно сравнить два варианта одной и той же хроники знаменитого Фруассара, написанные с разницей в несколько десятилетий и посвященные одним и тем же событиям – в первом варианте все проникнуто идеей рыцарства, во втором – понятием о национальности. Один и тот же поступок сперва трактовался Фруассаром как совершенный согласно правилам чести, потом же как присущий природе англичан или французов.

Но несмотря на это противопоставление, невозможно себе представить, чтобы в XV и начале XVI века французский или английский король обосновывал свои притязания на ту или иную территорию национальным принципом, чтобы он не защищал свои владения, а требовал передачи чужих, ссылаясь на то, что «там живут французы». Между тем, едва освободившись от ордынских пут, Россия начинает ирреденту русских земель. Польско-Литовское государство и Ливония мыслятся как похитители «вотчины» доставшейся русским князьям от предка – князя Владимира.

Когда Иван III требовал земли Западной Руси, захваченные Литвой, в частности Киев, он подчеркивал, что требует назад русскую землю по праву русского государя:

«**Русская** Земля вся с Божьей волею из старины от наших прародителей наша отчина; и нам ныне своей отчины жаль, а их отчина Лятская земля да Литовская; и нам чего деля тех городов и волостей своей отчины, которые нам Бог дал, ему отступатись? Ано не то одно наша отчина, коя городы и волости ныне за нами: и вся **Русская** Земля Киев и Смоленск и иные городы, которые он за собою держит в Литовской земле с Божей волею из старины от наших прародителей наша отчина».

Послам Папы, стремившимся заинтересовать Василия III войной с далекими турками, бояре отвечают: «князь великий хочет вотчины своей земли Русской». За этими требованиями неизменно следовали поражавшие европейских дипломатов развернутые исторические объяснения прав Русского государства.

«Русские дипломаты умело пользуются своей исторической ученостью и создают сложную теорию власти московских государей, высоко поднимавшую авторитет русского монарха... Это была творческая политическая идеология, направлявшая политику Русского государства по пути защиты национальных интересов, национальной культуры в сложной среде европейской цивилизации», – отмечает Д.С. Лихачев в работе «Национальное самосознание Древней Руси».

Русское самосознание было при строительстве государства чрезвычайно важным фактором. Францию столетиями приходилось собирать из разнородных кусков. Иван III и Василий III за полвека собрали все русские земли за пределами Литвы и в них не обнаружилось никакого сепаратизма. Всего 70 лет спустя после присоединения к Московскому государству Псков выдерживает осаду Стефаном Баторием ощущая себя как органичная часть единого Русского государства. Ни в ходе Ливонской войны, ни в ходе Смуты Новгород не пытается воспользоваться возможностью для сепаратистских поползновений – новгородская измена очевидно корениться лишь в воспаленном тиранническом мозге Ивана IV. Не редкие в этих городах городские восстания никогда не носят сепаратистской окраски, свидетельствуя, что полисное начало в них укоренилось куда глубже, чем сепаратногосударственное. Ничего не слышим мы ни о тверском, ни о рязанском сепаратизме…

В Европе в эту эпоху царит дух религиозных войн. Битва католиков и протестантов едва не уничтожает зарождающиеся первые признаки национального самосознания. И лишь ужас и отвращение то того, что соплеменники, говорящие на одном языке, делают друг с другом, укрепляет национальное самосознание поверх религиозных границ. Европейские нации во многом выросли на отрицании религиозного раскола – и это была позитивная и объединяющая сторона европейского национализма. Но в нем было и немало по-гречески партикулярного, слишком часто нацио-

нальная неприязнь была направлена на ближайшего соседа и формировала нацию именно через эту враждебность. Что бы были французы без вражды к англичанам, немцам, испанцам.

В начале XVII века русская нация доказала, что не только существует, но и способна к самостоятельным организованным действиям даже в отсутствие монарха-суверена, русские общины смогли восстановить государственность и монархию в условиях политического распада.

Восстановление родины начинается с громкого патриотического слова – с посланий патриарха Гермогена, зовущих Русь к сопротивлению ворам и захватчикам, с посланий нижегородского ополчения звавших «стоять вместе против общих врагов и русских воров, что новую кровь в государстве всчинают». Именно патриотическое слово и национальное самосознание стали тем восстанавливающим веществом, которые возродили Россию в тот момент, когда её государственность была смолота в труху.

Эта борьба осознавалась как борьба за национальное, а не только за государственное начало. Как писали в 1611 году в Москву из осажденного Смоленска: «в то время на Москве **русские** люди возрадовались и стали меж себя говорить, как бы во всей земле всем людям соединитись и стати против литовских людей, чтобы литовские люди из всее земли Московские вышли все до одново».

И вот Хронограф 1617 года описывает собор, утвердивший новую династию, давая картину единства

нации: «От предела российской земли и до её окраин народ православный, малые люди и великие, богатые и нищие, старые и юные обогатились богатым разумом, от всем дающего жизнь и светом добромысленного согласия все озарились. Хотя и из разных мест были люди, но в один голос говорили, и хотя несогласны были удаленностью житья, но собрались на единый совет как равные».

РУСИФИКАЦИЯ РУССКИХ

Проблемы развитию русской нации создала культурная псевдоморфоза XVII-XVIII веков, связанная с церковным расколом, с принятием русской монархией и дворянством западной культуры и фактическим порабощением русского крестьянства. Нация оказалась культурно и цивилизационно разделена, высшие классы и большинство народа были отчуждены друг от друга.

В то же время не следует преувеличивать степень этого раскола – абсолютизм XVIII века во всех без исключения странах Европы создавал тенденции, противоречившие национализму. В XIX же веке и самодержавие, и дворянство и все образованные слои стремительно национализировались, создав в короткий срок одну из самых высокоразвитых национальных культур Европы.

Из раннего национального государства Россия трансформировалась в империю, которая всё более приобретала характер национальной империи. Граф Уваров, один из творцов русской национальной политики, писал императору Николаю I, подводя итоги 16 годам управления министерством народного просвещения: «Новое поколение лучше знает Русское и по-Русски, чем поколение наше».

Но ещё ранее Отечественная война 1812 года мыслилась и как патриотическое и как национальное движение.

«Французы явились как представители космополитической идеи способной, во имя общих начал, прибегать к насилию, к убийству народов; русские явились представителями идеи народной – с любовью охраняющей дух и строй самобытной, органически сложившейся жизни. Вопрос о национальностях был поставлен на Бородинском поле, и русские решили его здесь в первый раз в пользу национальностей», – писал русский литературный критик славянофил Николай Страхов.

Немецкий национализм был не предшественником, а напротив – побочным плодом русского патриотического противостояния Наполеону. Россия чрезвычайно широко раскинула сеть сопротивления завоевателю, увлекши многие европейские умы. Выдающийся военный теоретик А.А. Свечин в «Эволюции военного искусства» так описывает эту пропагандистскую войну России на немецком национальном фронте.

«В России был организован “Немецкий Комитет” под фактическим руководством Штейна, политического вождя национального движения в Германии, согласившегося взять на себя руководство русской агитацией... Образчиком агитационной литературы, отпечатанной в Петербурге, в сенатской типографии, в октябре 1812 г., на средства неограниченного монарха, является написанный Арндтом по особому заказу “краткий катехизис для немецких солдат”... Немецкий государь посылает немецкого солдата на войну: должен ли немецкий солдат воевать? Нет, отвечает Арндт; монархическая идея подчиняется идее национальной, отечественной, если государь натравливает своих солдат на неповинных, на имеющих право на своей стороне, если государь посягает на счастье и свободу своих подданных, если он хочет помогать врагам своего отечества, если он позволяет грабить, бесчестить, насиловать свое население, то слушаться такого государя значило бы нарушать божеский закон... Солдат должен помнить, что родина, отечество бессмертны и вечны, а монархи и всякое начальство уйдет в прошлое со своим мелким честолюбием, со всем постыдным, что они наделали...».

Созданная Россией пропагандистская машина просто не оставляла Наполеону шансов ни сломить русский народ, ни укрепить свое господство в Европе. Завоевателю противостояли не только солдаты, но и мастера слова от патетичного адмирала Шишкова, ставшего автором царских манифестов и отчетов рус-

ского командования, до виртуоза популистской пропаганды графа Ростопчина с его афишами.

Без культурной, символической составляющей нам не понять многих важнейших исторических событий, от данной прежде всего по политическим соображениям Бородинской битвы, в которой каждый русский офицер считал за счастье погибнуть или получить ранение, и до эпического и ужасающего пожара Москвы. Россия противопоставила Наполеону не только превосходство духа, но и превосходство разработанной патриотической идеологии.

Этот факт звучит настоящей насмешкой над популярной в западной историографии теорией «часовых поясов национализма», выдвинутой Эрнстом Геллнером. Мол, национальное сознание развивается в Европе с Запада на Восток. Причем чем западней и раньше, тем более развит национализм и тем в большей степени он носит гражданский характер. И напротив, чем восточнее, тем позднее он развивается и тем более этноцентричен. Как видим, это попросту неправда. Русское национальное сознание не младше, а старше не только немецкого, но и французского и английского. Оно, пожалуй, старейшее в Европе среди всех современных народов.

Развитие русского национализма в имперскую эпоху было достаточно своеобразно, поскольку перед ним стояли совершенно иные задачи, чем, к примеру, перед немецким национализмом. Немцы до Бисмарка были одним этносом расчлененным на множество государств. Главное что их связывало – общность

генетического происхождения. Чуть менее – история и язык (который и до сего момента диалектно раздроблен). Совсем не связывали религия – нация была разорвана противостоянием католиков и протестантов, и государственность – немецких государств даже после проведенной Венским конгрессом унификации было великое множество. Немецкий националист обязан был стоять выше религии и быть антипатриотом (по крайней мере за пределами Пруссии). Конструкция немецкого национализма основывалась на идее трансграничного единства сыновей единого этноса, которые, опираясь на право народа на самоопределение, пытаются осуществить политическое единство.

Русские в XIX веке были этносом подавляющая часть которого была охвачена границей единого Отечества (за пределами была лишь Галиция о которой до времени мало вспоминали). Соответственно объединяющая этническая рамка была тавтологией, она ничего вообще не объясняла. Зато внутри границ единого Отечества русские сталкивались с тем, что наряду с нами в том же отечестве живут представители других этносов, других религий, других культур и цивилизаций, да и сам этнос был в значительной степени цивилизационно расколот между простым народом и совокупностью духовных иностранцев – дворянством.

Перед русскими вставал вопрос цивилизационной, культурной, а по возможности и религиозной ассимиляции тех, кто находится в том же Отечестве. Вопрос о том, как сделать если не всех, то значительную часть их природными патриотами. Соответственно

конструкция русского национализма строилась на державном патриотизме, форсировании православия и общих культурных черт, которые должны перекрывать этничность и быть выше голоса крови. «Право народов на самоопределение» в этническом смысле для русских было в тот момент бессмысленно, поскольку потенциальная «нация как гражданское сообщество» должна была быть намного больше числом русской нации как этноса. Самодержавие было той рамкой, которая создавала Отечество – рухнет оно и Отечество тоже рассыплется (так оно и произошло, и большевистская пересборка была лишь неумелым склеиванием обломков).

Пожалуй ещё более важна была политика русификации самих русских, русского дворянство, национальной элиты, которая, в духе абсолютизма XIX века, воспитываема была всевозможными «мадам, месье и аббэ» в духе космополитического полупросвещения, в незнании русского языка и презрении к русским понятиям. Столкнувшись с тем, что в таком космополитическом духе воспитанное офицерство устроило против правительства заговор, причем заимствовав (в достаточно своеобразном, как показывает «Русская Правда» Пестеля, виде) и некоторые идеи европейских национализмов, правительство впервые озаботилось тем, чтобы посреди сотрясающих Европу гражданских бурь постараться собрать воедино остатки былых русских своеобразных национальных понятий и основать именно на них систему образования в национальном духе.

Так появилась уваровская формула «православие, самодержавие, народность», русский язык, история и словесность легли в основу образовательной системы, заняв большую часть часов преподавания. Сдвинутая с мертвой точки Карамзиным русская национальная историография открывала для русских всё больше тайн их собственного отечества – публиковались памятники древнерусской литературы, летописи, собрания документов, найденные археографическими экспедициями.

Углубляя собственное самосознание русские приходили к выводу, что Россия – не просто одна из европейских наций, но самобытная цивилизация, равночестная европейской. Именно на этом взялись настаивать мыслители-славянофилы степень противостояния которых официальной политике Николая I значительно раздута публицистикой.

Зачастую чтобы представить Романовых «немцами на престоле» приходится идти на откровенный подлог, такой как якобы сказанная Николаем I фраза: «русские дворяне служат государству, немецкие служат нам». На деле эти слова принадлежали не Николаю I, а его сыну, причем были сказаны в период, когда Александр Николаевич был наследником и ни коим образом не выражали его политического курса. Переписана на Николая I и возведена в ранг политической декларации эта фраза была в публицистической брошюре историка А.Е. Преснякова изданной в 1925 году. На самом деле император Николай I говорил прямо противоположное: «я сам служу не себе,

а вам всем» и если за что и гневался на публициста Юрия Самарина, писавшего против засилья немцев, то за создаваемое у читателей впечатление, что монархия недостаточно верна национальным интересам русского народа, с чем император был категорически несогласен.

К вопросу интеграции с русской нацией разных иноэтнических групп добавлялся вопрос внутренней ирреденты – восстановления русского самосознания у тех частей русского народа, которые прожили долгие столетия в отчужденном состоянии в составе Речи Посполитой и были возвращены России только в ходе разделов последней. Значительная часть этих русских была частично ополячена, принадлежала к униатской церковной организации.

О значимости вопроса возвращения русского самосознания западным русским говорит тот факт, что ещё дед Ф.М. Достоевского (род которого происходил от некогда переселившейся в Литву ветви боярского рода Ртищевых) был униатским священником, а ещё отец родился польским подданным, сын же вырос не только в величайшего писателя, но и в одного из виднейших русских националистов, автора формулы: «Хозяин земли русской – есть один лишь русский (великорус, малорус, белорус – это всё одно) – и так будет навсегда».

Особенно значительными были успехи Российской Империи в восстановлении русского самосознания белорусов. В 1830-е годы было произведено воссоединение с Русской Православной Церковью западно-

русских униатов. В 1860-е, после польского мятежа деятельностью крупнейшего государственного деятеля русского направления М.Н. Муравьева были отброшены оказавшиеся затратными и бесполезными попытки русифицировать русофобствующую польскую шляхту. Правительство сделало ставку на этнически русских крестьян – белорусов и великороссов-старообрядцев и именно они смогли помочь ему подавить мятеж.

Действия Муравьева в союзе с русскими крестьянами воспринимались как своего рода подлинная освободительная война русских против чужой власти, хотя и ведшаяся в специфических условиях, когда край отвоевывался не у внешнего, а у внутреннего противника. Муравьев сыграл для русских в 1860-е годы роль, в чем-то сравнимую с ролью Бисмарка. И тот и другой «железом и кровью» объединяли нацию. И тот и другой вели борьбу с трансграничностью католицизма, с той, впрочем, разницей, что Бисмарк подавлял католицизм у самих немцев, Муравьев же расцеплял католицизм поляков и православие русских, осуществлял «разбор оспариваемой паствы», проводя четкую цивилизационную границу.

Политика Муравьева, поддержанная крупнейшим национальным публицистом – Катковым и поэтом Тютчевым сыграла виднейшую роль в становлении русского национального самосознания эпохи и развитии русского национализма. И могла бы сыграть еще большую, если бы у императора Александра II существовала большая доверенность к этому государ-

ственному деятелю, подобная той, что была у кайзера Вильгельма I к «железному канцлеру». Увы, тут русскому национализму не повезло – император находился под преимущественным воздействием либерально-западнических веяний или влиянием аристократических кругов, проявлявших солидарность с польской шляхтой против русского мужика и сделавшего на него ставку «красного» графа.

Русский национализм исторически развивался как интегрирующий империю державный патриотизм с отчетливым культурным и религиозным акцентом. Этнический аспект актуализовался при споре о главенствующей роли русских внутри империи. Это отчетливо проявлялось в обсуждении остзейского и польского вопросов. Ставший на ноги и получивший голос благодаря гласности в пореформенной печати русский национализм категорично настаивал на том, что Русский Царь – это царь, прежде всего, русской нации.

«Русский государь родился, вырос на русской земле, он приобрел все области с русскими людьми русским трудом и русской кровью. Курляндия, Имеретия, Алеутия и Курилия суть воскрылия его ризы, полы его одежды, а его душегрейка есть святая Русь. Видеть в государе не русского, а сборного человека из всех живущих в России национальностей, это есть такая нелепость, которую ни один настоящий русский человек слышать не может без всякого негодования» – подчеркивал в 1864 году историк-панславист М.Н. Погодин.

Россия XIX – начала XX вв. была обширной и весьма разнородной империей, которая охватывала многочисленные народы разных языковых и религиозных групп, стоявшие на разных уровнях социального и экономического развития, от первобытного до буржуазного. В ней имелись такие проблемы как польская – проблема поглощенного империей развитого соседнего национального государства, еврейская – проблема многочисленной компактно расселенной неассимилированной (и неассимилируемой в полной мере) диаспоры, украинская – попытки сформировать из части русских отдельный этнос с притязанием на собственную государственность, старообрядческая – искусственная оторванность части русского народа от господствующей церкви в результате спорной реформы XVII века.

Идеологией как центральной власти России, самодержавия, так и националистической элиты, а также значительной части бюрократии было превращение России в современное национальное государство в котором центростремительные тенденции господствуют над центробежными иноэтническими и иноцивилизационными силами. Именно такую политику проводило правительство «русификатора всея Руси» Александра III, сочетавшего установку на русификацию окраин, на внутреннее своеобразное культурное развитие и на полноценную индустриализацию, сопровождавшуюся увеличением инфраструктурной связанности страны.

«Россия для русских и по-русски» – было для императора реальной программой. Опираясь на возраставшую благодаря продуманной политике индустриальную мощь и готовившуюся к введению в начале XX века систему всеобщего образования правительство, готовилось решить задачу трансформации России в современное национальное государство.

Однако Россия была разорвана внутренними социальными противоречиями раньше, чем успела решить свои национальные задачи. Элита российского общества, дворянство и становящаяся буржуазия, представляла собой высокоразвитую европейскую нацию в точном смысле слова – с высоким уровнем образования, развитой духовной культурой, поражавшей мир исключительными творческими достижениями, научной и технической мыслью и политическими притязаниями на управление страной вместе с самодержавием (или вместо него). Русский национализм был для значительной частью этой имперской верхушки, включавшей несколько миллионов человек, естественной и логичной идеологией, хотя в радикально настроенных кругах, – среди социалистов и либералов был популярен и космополитизм, интернационализм, или национализм других наций.

Однако ниже уровня этой имперской гражданской нации располагалось более 100 миллионов русских крестьян, представителей простонародья из других этнических групп, чьё политическое, культурное и национальное сознание было довольно примитивно. Разумеется, представлять русского крестьянина дика-

рем не было никаких оснований – он имел собственное нравственное мировоззрение, набор общественно-политических убеждений и предрассудков, оригинальный взгляд на внешнюю политику, в основе это была традиционная иерархическая картина с царем-батюшкой в центре и Богом на Небе.

Однако этот образ мира русского трудящегося большинства, составлявшего в России гораздо больший процент населения по сравнению с верхушечной нацией, постоянно подвергался эрозии благодаря влиянию «модерной» верхушечной нации, значительная часть которой увлечена была либеральными и социалистическими идеями, натравливала трудящихся на самодержавие и православие. При этом для либералов западничество стояло на первом месте по сравнению с национальными ценностями, а социалисты и вовсе отрицали национальное начало.

Для защиты крестьянской массы от этого разлагающего влияния правительство под влиянием К.П. Победоносцева выбрало ошибочную ставку на «народный инстинкт», который должен был делать русского человека подсознательно приверженным к консервативным началам. А чтобы сохранить это инстинктивное восприятие, широкие массы следовало не тревожить чрезмерной грамотностью и образованием. В результате к полосе революционных потрясений большая часть русского народа подошла не в достаточной мере осознавая свои долгосрочные экономические, социальные и политические интересы, оставаясь податливой на пропаганду агитаторов.

Правительство Российской Империи все больше отождествляло себя с национальными русскими ценностями. Сторонником русского православного консерватизма был император Николай II, активно разворачивалась деятельность организаций русских националистов, как правоконсервативных, так и центристских и умеренно либеральных. В рамках национальных организаций нащупывались пути сближения верхушечных националистов и русской крестьянской массы, особенно в регионах с напряженной этнической обстановкой. В.В. Шульгин в «Годах» ярко описывает механизмы заключения русскими крестьянами и помещиками на Волыни блока против польских помещиков на выборах во вторую Государственную Думу.

В 1912 году Дума приняла закон о выделении из состава Царства Польского Холмской Губернии, имевшей преимущественно русское православное население. Это был символический рубеж – этнорелигиозный фактор был поставлен выше политико-географического. Еще более последовательно этноцентричной, ориентированной на предоставление привилегий русским, был законопроект о земствах в Западном крае, проводившийся П.А. Столыпиным вопреки сопротивлению не только левых, но и правых в Думе и Государственном Совете.

«В этом законе проводится принцип не утеснения, не угнетения нерусских народностей, а охранения прав коренного русского населения, которому государство изменить не может, потому что оно никогда

не изменяло государству и в тяжелые исторические времена всегда стояло на западной границе на страже русских государственных начал», – говорил Столыпин в своей последней речи перед Думой 27 апреля 1911 года.

Деятельность Столыпина была настоящим русским национализмом у власти. О премьере не случайно говорили «в нём русское было центром всего». Это касалось как идеологии, которую он провозглашал с думской трибуны: «Народы забывают иногда о своих национальных задачах; но такие народы гибнут, они превращаются в назем, в удобрение, на котором вырастают и крепнут другие, более сильные народы». Премьер подчеркивал, что «власть есть хранительница государственности и целости русского народа».

Не менее важна чем идеология была его социальная программа – создание сильного, образованного, независимого русского крестьянина-предпринимателя, который сознательно отождествляет свои кровные интересы с устойчивостью национального и государственного порядка страны. Столыпин предпринял огромные усилия для того, чтобы перевести многомиллионную массу русского народа в состав современной модерной нации. К сожалению, ему не хватило на это времени. Убийство премьера-националиста, социальный кризис и коллапс государства на долгие десятилетия прервали традицию прорусской этнической политики.

В Первую мировую войну русская нация вступила в состоянии полупереваренного, недовершенного

массового национального сознания. В результате квазипатриотическая демагогия, обвинения в непатриотизме, оказались опаснейшим орудием «прогрессивной» верхушечной прослойки и ее политиканов, таких как Гучков и Милюков, в борьбе против монархии. Мнимая «немецкость» династии, мнимая «измена» императорской фамилии, лицемерная шпиономания со стороны тех, кто сам не брезговал иностранными деньгами на распад русской государственности, стали мощным инструментом расшатывания народного доверия и подрыва государства. Страна расплатилась коллапсом за недоделанность национального сознания, когда массы усвоив негативное содержание национальных лозунгов – «свои против чужих» не усвоили принципов национальной солидарности, взаимного доверия и взаимной поддержки.

РУССКИЕ В XX ВЕКЕ. ТРИУМФЫ СРЕДИ ТРАГЕДИИ

Свержение монархии, безвластие, многовластие и гражданская война повлекли за собой не только сепаратизм иноэтнических окраин. Но и официальную фиксацию раскола русского народа. В Киеве была провозглашена Украинская Народная Республика – украинский сепаратизм стал одним из существенных факторов в ходе интервенции и гражданской войны.

Активно действовала Белорусская Рада, предпринимались активные оформления казацкого, сибирского, дальневосточного областничества.

Если подавляющее число участников белого движения составляли сторонники «единой и неделимой России», русские националисты и патриоты, то большевики активно использовали лозунг равноправия народов и поддержку сепаратистски настроенных сил в среде народов Поволжья и Северного Кавказа. Большевистская политика в этих регионах была окрашена в откровенно антирусские тона. В отделившихся от России новообразованиях советские режимы при их отвоевании оформлялись как национальные рабочие правительства против национальных буржуазных правительств. Этнический раскол России и русского народа был для лидеров большевиков самоочевидной данностью.

Большевистский нарком Чичерин гордился усилиями в деле расчленения России:

«Мы отдали Эстонии чисто русский кусочек, мы отдали Финляндии – Печенгу, где население этого упорно не хотело, мы не спрашивали Латгалию при передаче ее Латвии, мы отдали чисто белорусские земли Польше. Это все связано с тем, что при нынешнем общем положении, при борьбе Советской Республики с капиталистическим окружением верховным принципом является самосохранение Советской Республики как цитадели революции… Мы руководствуемся не национализмом, но интересами мировой революции».

В создании конструкции СССР большевистские лидеры с одной стороны заложили политически увековеченное разделение малороссов (переименованных в украинцев) и белорусов от великороссов, к которым теперь в одиночку стало применяться понятие «русские». С другой стороны была отвергнута идея создания «Русской республики», подразумевавшая выделение из состава РСФСР Татарии, Башкирии и т.д. СССР превратился в неравноправную ассиметричную конструкцию, главный ущерб от которой был связан с фиксацией украинского сепаратизма. В 1924 году в Киев был возвращен ведущий идеолог украинизации М.Н. Грушевский, чтобы заложить теоретические основы введения украинского языка и украинской идентичности с помощью массовой советской школы.

В основе национальной политики первых десятилетий большевистского правления лежала системная русофобия. Русский народ рассматривался как нация «великая только своими насилиями, великая только так, как велик держиморда» (выражение Ленина). Вождь большевиков настаивал на всемерной зачистке управленческого аппарата от «моря шовинистической великорусской швали».

Отношения русских с другими народами России должны были характеризоваться всемерным унижением русского народа, который таким образом должен компенсировать другим народам имевшие место в прошлом угнетения. «Мы, – говорил Н.А. Бухарин, – в качестве бывшей великодержавной нации должны

поставить себя в неравное положение в смысле еще больших уступок национальным течениям». Фактически СССР мыслился его создателями как тюрьма для русского народа, где он отбывает наказание за Российскую Империю, объявленную «тюрьмой народов».

Характерным примером такой «философии» национальных отношений может служить следующая формула из преамбулы Конституции Крымской ССР, принятой 7 ноября 1921 года, через год после кровавого геноцида оставшихся в Крыму белых.

«Автономные и независимые Республики Советского Союза, выросшие из бывших колоний царского режима, утверждая фактическое равенство народов, населяющих территории бывшей России, являются вместе с тем прообразом межнациональных отношений для народов всего мира, изнывающих под ярмом международного империализма».

«Бывшая Россия» – вряд ли можно было высказаться откровенней.

По счастью даже у этого аффирмативного интернационализма имелись свои берега. Большевистскими лидерами была подвергнута обструкции и разгромлена «султан-галеевщина», предполагавшая выделение из РСФСР татарски-башкирско-чувашского государства в Поволжье («на совершенно равных с Украиной правах»), формирование в Средней Азии Республики Туран. Эти проекты Султан-Галеев обосновывал тем, что «это страшно для русского национализма, а для революции это не страшно». В данном случае геополитические соображения и принцип

государственного единства у большевистских лидеров все же восторжествовали над стройностью идеологической доктрины.

Произошел раскол русской нации и государства, сущность которого очень точно сформулировал Александр Солженицын:

«До 1917, уже несколько веков, казалось естественно принятым, что Россия – это государство русское. Даже при разнонациональности имперского аппарата (значительной прослойки немецкой и немецко-балтийской, да и других) – без оговорок понималось и принималось, что государство держится и ведётся русским племенем. Но уже от Февраля это понимание стало расплываться, а под раскалённым ленинским катком – русский народ уже и навеки потерял основания считать Российское государство своим – но Чудищем на службе III Интернационала. Ленин и его окружение неоднократно заявляли и осуществляли: развивать и укреплять государство за счёт подавления великоросского этноса и использования ресурсов срединно-российских для укрепления и развития окраинных национальных республик. А в области идеологии и культуры это сказалось ещё разительней: в 20-е годы произошёл прямой разгром русской культуры и русской гуманитарной науки. С тех пор-то и разделились судьбы: нового государства – и русского народа».

Революция и гражданская война привели к расколу русского народа на красных и белых, вытесненных в эмиграцию. Причем если в абсолютном количествен-

ном отношении численность белой эмиграции была несопоставима с той частью русского народа, которая осталась на Родине, то в социальном смысле, смысле образовательного развития, произошел настоящий раскол. Россию покинула подавляющая часть буржуазии, офицерства, значительная часть интеллигенции и духовенства. Оформился раскол русской культуры на три потока – эмигрантскую, официальную советскую и «внутреннеэмигрантскую», подсоветскую лишь внешне принимавшую правила игры, навязанные советской властью.

Разумеется, идеологическая мысль русской интеллигенции работала над восстановлением национального единства, пыталась навести мосты между расколовшимися русскими мирами. Популярна была в Советской России и эмиграции идеология «сменовеховства», призывавшая всех патриотов работать на СССР не как на большевистскую диктатуру, а как на общую Родину, дом русской нации, ожидая постепенной национальной трансформации, коренизации большевизма. Эта идеология удерживала значительную часть русских кадров от эмиграции и поддерживала их желание трудиться на Родине, надеясь на лучшие времена. Тем самым внутри России была сохранена критическая масса людей с развитым национальным сознанием.

Однако эти люди воспринимались большевистским руководством как источник угрозы, как предельная опасность.

«Национализм русский стал нарастать, усиливаться, родилась идея сменовеховства, бродят желания устроить в мирном порядке то, чего не удалось устроить Деникину, т.е. создать так называемую «единую и неделимую».

И, таким образом, в связи с нэпом во внутренней нашей жизни нарождается новая сила – великорусский шовинизм, гнездящийся в наших учреждениях, проникающий не только в советские, но и в партийные учреждения, бродящий по всем углам нашей федерации и ведущий к тому, что если мы этой новой силе не дадим решительного отпора, если мы ее не подсечем в корне, – а нэповские условия ее взращивают, – мы рискуем оказаться перед картиной разрыва между пролетариатом бывшей державной нации и крестьянами ранее угнетенных наций, что равняется подрыву диктатуры пролетариата.

Но НЭП взращивает не только шовинизм русский, – он взращивает и шовинизмы местные, особенно в тех республиках, которые имеют несколько национальностей. Я имею в виду Грузию, Азербайджан, Бухару, отчасти можно принять к сведению Туркестан, где мы имеем несколько национальностей, передовые элементы которых, может быть, скоро начнут конкурировать между собой за первенство. Эти местные шовинизмы, конечно, не представляют по своей силе той опасности, которую представляет шовинизм великорусский.

Основная сила, тормозящая дело объединения республик в единый союз, – это та сила, которая

нарастает у нас, как я уже говорил, в условиях нэпа: это великорусский шовинизм. Вовсе не случайность, товарищи, что сменовеховцы приобрели массу сторонников среди советских чиновников. Это вовсе не случайность. Не случайность и то, что господа сменовеховцы похваливают коммунистов-большевиков, как бы говоря: вы о большевизме сколько угодно говорите, о ваших интернационалистских тенденциях сколько угодно болтайте, а мы-то знаем, что то, что не удалось устроить Деникину, вы это устроите, что великую идею великой России вы, большевики, восстановили, или вы ее, во всяком случае, восстановите. Все это не случайность. Не случайность и то, что даже в некоторые наши партийные учреждения проникла эта идея. Я был свидетелем того, как на февральском Пленуме, где впервые ставился вопрос о второй палате, в составе ЦК раздавались речи, несоответствующие коммунизму речи, не имеющие ничего общего с интернационализмом. Все это знамение времени, поветрие. Основная опасность, отсюда проистекающая, – опасность, проистекающая от того, что в связи с НЭПом у нас растет не по дням, а по часам великодержавный шовинизм, самый заскорузлый национализм, старающийся стереть все нерусское, собрать все нити управления вокруг русского начала и придавить нерусское», – предостерегал однопартийцев Иосиф Джугашвили (Сталин) на XII съезде партии (Двенадцатый съезд РКП/б/. 17-25 апреля 1923 года. Стенографический отчет, М. 1968. сс. 481-484).

Среди составлявшего по-прежнему большинство нации крестьянства конформизм по отношению

к советскому строю сочетался прежде всего с экономическим прагматизмом – советская власть, как казалось, решила земельный вопрос. Поэтому крестьянство достаточно пассивно реагировало на постепенное наступление на национальную культуру и церковные традиции, тем более что в целом основы старого быта и традиции в деревнях оставались неизменными.

Первый большевистский натиск на деревню был отбит ожесточенной гражданской войной, которую компартии пришлось выдержать после победы над белым движением. Формально участники тамбовского, кронштадтского, донского восстаний были разгромлены, голод 1921-1923 годов нанес чудовищный демографический удар по мужику, но фактически коммунистическое наступление на деревню было законсервировано почти на десятилетие. Революционные преобразования в 1920-х коснулись, прежде всего, города.

Однако в 1928-1932 году советская власть нанесла мощный удар и по традиционному укладу крестьянства и по национальному сознанию русских, сохранявшемуся «сменовеховской» интеллигенцией. Коллективизация разрушила традиционный уклад русской деревни, включила маховик репрессий и как принудительного, так и добровольного перемещения населения. Голод 1932-1933 годов нанес второй после 1921-23 демографический удар по русскому селу. Индекс сверхсмертности в Юго-Западной России (Украине), Поволжье, Северном Кавказе колебался от 2,6 до 3,2 (максимальную убыль населения пережи-

ли Краснодарский и Ставропольский края, Донецкая, Луганская, Днепропетровская, Харьковская и Запорожская области – фактически «Голодомор» оказался прежде всего ударом по Новороссии).

Продолжившая начавшуюся сразу после революции антицерковную политику «безбожная пятилетка», привела к массовым закрытиям и разрушениям храмов, к массовому уничтожению духовенства. Фактически доступ к традиционному церковному быту был для масс русского населения перекрыт.

Одновременно с этим был нанесен удар по национальной «сменовеховской» интеллигенции. Целый ряд громких судебных процессов: «академическое дело», «дело «Весна»», «дело славистов», процесс «Промпартии», процесс «Трудовой крестьянской партии» и т.д. практически положили конец среде специалистов-некоммунистов, сотрудничавших с советской властью по национально-патриотическим мотивам.

1920-е – начало 1930-х период максимального расцвета русофобской пропаганды под большевистскими лозунгами. В порядке вещей были публикации в «Правде» (13 августа 1925): «Русь! Сгнила? Умерла? Подохла? / Что же! Вечная память тебе. / Не жила ты, а только охала / в полутемной и тесной избе» (В. Александровский). «Устои твои / Оказались шаткими, / Святая Москва / Сорока-сороков! / Ивану кремлевскому / Дали по шапке мы, / А пушку используем / Для тракторов», – писал Иван Молчанов (Вдовин 2004: 30).

В 1928 году в Севастополе был уничтожен памятник адмиралу Нахимову, как оскорбляющий чувства

заходящих в порт турецких моряков. В 1932 Наркомпрос постановил передать «Металлолому» памятник генералу Н.Н. Раевскому на Бородинском поле как «не имеющий историко-художественного значения». Была перелита петербургская триумфальная колонна в честь победы под Плевной, созданная из 140 трофейных пушек. На стене монастыря на Бородинском поле на месте гибели генерала А.А. Тучкова была сделана была надпись «Довольно хранить остатки рабского прошлого».

Под эту практику исторического нигилизма, систематического унижения национального чувства русского народа, подводила теоретический фундамент историческая школа Н.М. Покровского, рассматривавшая историю России «от историка Карамзина до вредителя Рамзина» (как выражался Демьян Бедный) как историю «тюрьмы народов», а национальных героев – как прислужников царей и торгового капитала. Национальное государство для Покровского равнялось внеклассовому государству, а потому, настаивал историк-марксист: «Не так важно доказать, что Иисус Христос исторически не существовал, как то, что в России *никогда не существовало* внеклассового государства».

Поскольку русское великодержавие было для Покровского выражением сущности русского торгового капитализма, то и вся русская культура приобретала в этой связи проклятый великодержавный оттенок:

«Вся русская классическая литература, насквозь великодержавна. И великодержавие ее чрезвычайно

характерно для националистической политики. Для всех этих историков русская история есть история великорусского племени. И это чрезвычайно характерно, потому что главным агентом того исторического процесса, который я характеризую, является великодержавная народность. Русский промышленный капитализм складывался около Москвы – великорусского центра, и московский отпечаток чрезвычайно резко лежит на всей его политике. Отсюда прежде всего великодержавность этой литературы».

Ненависть Покровского к единой русской нации заходила так далеко, что в опубликованной в 1930 г. статье «Возникновение Московского государства и «великорусская народность»» в ранг «тюрьмы народов» у него возведено даже Великое княжество Московское. «Дело шло о покорении целого ряда независимых до тех пор народов преимущественно финского племени». Покровский писал:

«Российскую империю называли «тюрьмою народов». Мы знаем теперь, что этого названия заслуживало не только государство Романовых, но и его предшественница, вотчина потомков Калиты. Уже Московское великое княжество, не только Московское царство, было «тюрьмою народов». Великороссия построена на костях «инородцев», и едва ли последние много утешены тем, что в жилах великоруссов течет 80% их крови. Только окончательное свержение великорусского гнета той силой, которая боролась и борется со всем и всяческим угнетением, могло служить некоторой расплатой за все страдания, которые причинил им этот гнет».

Русскую нацию «историки-марксисты» были готовы развинтить до уровня веси, чуди и мери. К 1933 году русская нация как сообщество скрепленное общей памятью, общей традицией, общими адаптационными установками стояла на грани уничтожения совокупностью процессов коммунистической денационализации и хозяйственной коллективизации. Однако резкое «поправение» капиталистической Европы после прихода к власти в Германии НСДАП вынудило коммунистическую партию начать пересматривать свою политику. Становилось все более очевидно, что отменить национальный фактор на международной арене с такой же легкостью, как и внутри страны – невозможно.

Советская власть начинает все чаще апеллировать к русскому началу не только в смысле интернационального долга «народа-держиморды» и не только к идее о русских, как о передовой революционной нации, но и к русской исторической и культурной традиции. Эта традиция перестает рассматриваться как чисто отрицательный фактор, подлежащий преодолению.

Этап стишков «Я предлагаю Минина расплавить…» оказывается пройден. Из уст Сталина звучит: «Нам нужен большевистский Иловайский» (имя Д.И. Иловайского было своеобразным символом националистической охранительной историографии). Школа Покровского предается идеологической анафеме. Основой историографического консенсуса становится тезис о России как о развитии раннего «русского национального государства».

Создается линейка фильмов и литературных произведений, посвященных выдающимся национальным героям прошлого – Александру Невскому, Минину и Пожарскому, Суворову и Кутузову. Символическим водоразделом стала показательная расправа в ноябре 1936 года над оперой «Богатыри», для которой Демьян Бедный написал разнузданно русофобский текст.

Еще более существенное значение, чем изменения в верхних слоях идеологической атмосферы, имели решения по сворачиванию «коренизации» в союзных и автономных республиках, решение об обязательном переводе всех национальных алфавитов на кириллицу (а еще в начале 1930-х латинизация на полном серьезе обсуждалась как будущее русского языка), формулировка жестких требований по обязательному изучению всеми школьниками русского языка.

Однако это изменение идеологического направления не означало, что наступление советской версии интернационализма на русский народ завершилось. И в 1930-е продолжилось расчленение его национальной территории. В 1936, как раз под новую советскую конституцию, из состава РСФСР были выделены Киргизская и Казахская ССР, причем к последней были прирезаны огромные казачьи земли Южной Сибири. Авторы официальных советских историй этих республик делали акцент на колониальном угнетении в царские времена.

Прокатившаяся в 1937-38 годах новая волна репрессий вновь нанесла тяжелый удар русскому наро-

ду. Уничтожены были не только и не столько советские партийные функционеры – они были лишь каплей в море расстреливаемого «природно русского» и по имени и по сущности народа. Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов», подписанный Ежовым 30 июля 1937 года перечислял такие категории подлежавших уничтожению: «Бывшие кулаки, вернувшиеся после отбытия наказания, члены антисоветских партий, бывшие белые, жандармы, чиновники, реэмигранты, участники казачье-белогвардейских повстанческих организаций, церковники…».

Русская культура за время репрессий 1930-1940 гг. обеднела на десятки имен выдающихся ученых, мыслителей, писателей: математик Д.Ф. Егоров, историки С.Ф. Платонов и М.К. Любавский, экономисты Н.Д. Кондратьев и А.В. Чаянов, философ отец Павел Флоренский, поэт Н.А. Клюев, военный теоретик А.А. Свечин, переводчик и знаток античного театра А.И. Пиотровский, византинисты В.Н. Бенешевич и И.В. Попов, один из крупнейших ученых XX века Н.И. Вавилов.

Великая Отечественная война стала временем небывалых испытаний для русского народа. Гитлеровская агрессия ставила своей задачей разрушение Российской государственности, расчленение страны и её раскол по этническому признаку. Война велась на уничтожение России, а не советской власти,

а немецкая политика основывалась на принципах полного презрения к русскому культурному наследию («никакие культурные ценности на Востоке не имеют значения» – гласил знаменитый «приказ Рейхенау»), а также с совершенным пренебрежением жизнью гражданского населения – достаточно оказать на то, что планировалось уничтожение голодом жителей Ленинграда независимо от того капитулирует блокадный город или нет.

Неудивительно, что война привела к быстро возрастающему национальному подъему, к развитию русского патриотизма, звавшего к победе над врагом. Великий русский философ И.А. Ильин отмечал в своих статьях военного времени для швейцарской прессы: «чем дальше во времени и пространстве заходила война, тем заметнее пробуждался национальный русский инстинкт самосохранения, тем сильнее становилась решимость русского народа обороняться от врага и тем больше воюющие народные массы учились подчиняться дисциплине национального военного Верховного командования, не обращая внимания на партийный режим…».

«В воспоминаниях народа о Первой мировой войне, – отмечал Ильин, – дезертирство с которой обернулось страшным возмездием, продолжавшимся целых 25 лет, побеждала мысль о том, что эту войну надо лояльно довоевать до конца». Именно поэтому активный коллаборационизм принял гораздо меньшие масштабы, чем ожидали гитлеровские аналитики, исходя из фактов довоенной антирусской политики

советской власти. Сотрудничество с гитлеровцами «во имя русского народа» осталось уделом незначительных по численности групп.

Война принесла русскому народу неисчислимое горе, огромные демографические потери (это была уже третья демографическая яма за 30 лет), огромные разрушения. Но, в то же время, русские восстановили в себе самосознание великого народа с исключительной исторической миссией. Самоощущение народа-победителя, закрепленное официально в пропаганде военных лет, стало частью личного самосознания десятков миллионов людей. Слово «русский» поднялось в мире на такую высоту, на которую редко поднималось и в имперский период. Казалось в СССР установится национально-имперская модель с отчетливой русской доминантой. Так начинали думать даже некоторые партийные функционеры РСФСР.

Особенно примечательно было расширение ареала проживания русского народа – на смене эпохе сжатия пришла эпоха его расширения. Почти исключительно русскими были заселены новоприсоединенная Восточная Пруссия, Южный Сахалин и Курилы.

Эти земли стали частью коренной территории русского народа, хотя это произошло во многом против планов «Вождя народов», рассматривавшего советскую часть Восточной Пруссии как разменную карту для того, чтобы добиться формирования «единой нейтральной Германии». Как и прежде Сталин готов был признать Выборг за марионеточной «Финляндской Демократической Республикой» и лишь сопротивле-

ние армии Маннергейма вынудило его ограничиться присоединением города к России, причем сначала он было присоединен к Карело-Финской ССР. Калининград за русским народом тоже сохранила неуступчивая позиция канцлера Германии Конрада Аденауэра, видевшего ФРГ исключительно в составе западного блока, а не добрая воля советского вождя.

Драматические последствия для русских имели депортации народов с Северного Кавказа и из Крыма – регионы становились почти исключительно русскими, но последовавшее за реабилитацией народов возвращение спровоцировало национальные конфликты, террор и погромы против русского населения. Но уже и в этот период русские интересы не всегда ставились на первое место – так была отклонена просьба представителей Карпатской Руси о присоединении не к Украинской, а к Российской союзной республике.

Весьма неоднозначным был эффект присоединения к УССР западной Украины. Почти десятилетие советские власти потратили на борьбу с открытым бандеровским террором, однако и после победы над ним Галиция стала источником облучения всей Украины идеологией самого радикального украинского национализма, заточенного на животную ненависть к «москалям». К концу 1980-х эта идеология пропитала собой значительную часть украинизированного по советским лекалам населения УССР и стала давать все более откровенно русофобские всходы.

Важной составляющей патриотического поворота стало частичное примирение советской власти

с Русской Православной Церковью. Было восстановлено традиционное патриаршее управление, ликвидирован обновленческий раскол, большая часть страны получила доступ к православным таинствам и обрядам, а тем самым и к традиционному русскому «хронотопу». Православие было в целом восстановлено в качестве части представления о русской идентичности.

Однако русское национальное возрождение послевоенной поры носило крайне неустойчивый характер. При первых же признаках политического оформления русского национального чувства последовал жесточайший урок «ленинградского дела», в ходе которого были уничтожены выдвинувшиеся за годы войны руководители, у которых имелись черты русского национального сознания. После смерти Жданова оказалось, что именно он, а не Сталин был идеологом «русского поворота» – идеология сталинизма начинает неумолимо сдвигаться назад к большевистской интернационалистической русофобии.

Кампании «борьбы с космополитизмом», «против преклонения перед Западом» и т.д. не столько укрепляли русское патриотическое чувство, сколько разжигали ксенофобские страсти, которые, в конечном счете, обернулись, прежде всего, против русских, приведя к новому туру борьбы с «великорусским шовинизмом» в послесталинский период.

Уже в 1955 была развязана ожесточенная травля Русской Православной Церкви, в которой использовались все классические приемы «Союза воинствующих

безбожников», кроме физического уничтожения духовенства. Закрывались и уничтожались храмы, систематически препятствовали совершению таинств. Началось формирование русского человека «оттепельной» парадигмы, – неверующего, энтузиаста науки и прогресса, почти лишенного этнического чувства, заменяемого футуристическим оптимизмом.

Одной из попыток глубинной перепрошивки русского этноса стала кампания по ликвидации «неперспективных деревень» ведшаяся в центральной и северной России (то есть в ядре русского этноса) с 1958 года. Уничтожалась традиционная для русских система расселения малыми деревнями. Поселки городского типа, ставшие своеобразными «концлагерями» для сгоняемых с традиционных мест обитания русских крестьян, превращались в центры алкоголизации и криминализации.

Массовое жилищное строительство развернутое в тот же период оказало исключительное влияние на повышение уровня жизни русского народа, но, при этом, сопровождалось социальной и хозяйственной дезадаптацией – единый комплекс традиционной культуры разрушался, заменяясь культом телевизора.

Облик русского человека начала 1960-х был снова предельно денационализирован, черты национальной идентичности из него были вытеснены, заменившись модернистским урбанизмом, смесью западнического и имитирующего запад советского начал. Казалось снова можно было прогнозировать скорую элиминацию русских как конкретного этноса с соб-

ственным национальным сознанием и оригинальной цивилизацией.

Новый неожиданный поворот наступает в 1965 году, вскоре после смещения Хрущева. В СССР резко начинается этническое возрождение, лишь в ограниченной степени поддержанное представителями партийной элиты. «Русской партией» становится часть советской шестидесятнической интеллигенции и часть второго эшелона партийного аппарата. По большому счету это было низовое общественное движение – продукт деятельности энтузиастов, высшей точкой которой (затем последовал трагический спад) стало торжественное празднование 600-летия Куликовской битвы.

Случилась удивительная метаморфоза. Ещё недавно, при хрущевских гонениях, комсомольцы хулиганили в церквях и это было, кажется, их главной миссией. И вдруг на пленуме ЦК ВЛКСМ 27 декабря 1965 года непререкаемый «комсомолец №1» советской страны – первый космонавт Юрий Гагарин – заявляет:

«На мой взгляд, мы еще недостаточно воспитываем уважение к героическому прошлому, зачастую не думаем о сохранении памятников. В Москве была снята и не восстановлена Триумфальная арка 1812 года, был разрушен храм Христа Спасителя, построенный на деньги, собранные по всей стране в честь победы над Наполеоном. Неужели название этого памятника затмило его патриотическую сущность? Я бы мог продолжать перечень жертв варварского отношения к памятникам прошлого. Примеров таких, к сожалению, много».

Основными формами русского возрождения в этот период стали охрана и частичная реставрация древнерусских памятников (то есть, прежде всего, православных церквей), распространение моды на Древнюю Русь, ставшей своего рода этническим маркером русских. Развиваются аналоги западного фолк-возрождения в музыке (творчество великого русского композитора Георгия Свиридова), дизайне, этнической символике. Едва ли не каждый дом украшен календарем с изображением Храма Покрова на Нерли, как новооткрытого символа русскости. Появляется, после прекращения гонений, «мода» (как возмущались атеистические пропагандисты) на религию.

Фактически Древняя Русь становится легитимным образом русской традиции, в которой позднесредневековый и имперский периоды трактуются как «идеологически скомпрометированные». Идентификация себя с Древней Русью становится формой этнического самосознания русских, особенно в городах. Появляется новоурбанистическая русская идентичность, которая находит своё отражение в чрезвычайной популярности творчества художника Ильи Глазунова, современными художественными средствами поп-арта обращающегося к русским этническим образам, доводя их до заостренного символизма.

Литературным знаменем этого этнического возрождения выступает движение почвенников, связанное прежде всего с направлением «деревенской прозы» в литературе. Это движение уделяет внимание защите родной природы от разрушения великими

стройками социализма, в частности звучит мощный протест против затопления русской земли водохранилищами гидроэлектростанций. Во всей прозе деревенщиков звучит протест против уничтожения русской деревни как неперспективной.

Более решительную позицию, чем деревенщики, старавшиеся остаться в рамках советской системы, занимает Александр Солженицын. В течение 1960-х годов его мировоззрение проделывает эволюцию от гуманистического народничества, с позиции которого критикуется советская репрессивная система, к решительному противопоставлению русского и советского начал, четком акценте на необходимость возрождения русского из под гнета советского. В «Письме вождям Советского Союза» Солженицын предлагает собственную программу декоммунизации СССР во имя сбережения русского народа. Используя образ китайской угрозы, актуальный для Советского Союза 1970-х, Солженицын пытался призвать советских вождей отбросить коммунистическое, к которому апеллировали китайцы, во имя русского, и начать освоение русских просторов вместо экспорта революции.

«Преимущественно озабочен я судьбой именно русского и украинского народов, по пословице – где уродился, там и пригодился, а глубже тоже – из-за несравненных страданий, перенесенных нами. И это письмо я пишу в предположении, что такой же преимущественной заботе подчинены и вы, что вы не чужды своему происхождению, отцам, дедам, прадедам и родным просторам, что вы – не безнациональны…

При центральном плане, которым мы гордимся, уж у нас-то была, кажется возможность не испортить русской природы, не создавать противочеловеческих многомиллионных скоплений. Мы же сделали все наоборот: измерзопакостили широкие русские пространства и обезобразили сердце России, дорогую нашу Москву…

Русская надежда на выигрыш времени и выигрыш спасения: на наших широченных северо-восточных земельных просторах, по нашей же неповоротливости четырех веков еще не обезображенных нашими ошибками, мы можем заново строить не безумную пожирающую цивилизацию «прогресса», нет – безболезненно ставить сразу стабильную экономику и соответственно её требованиям и принципам селить там впервые людей. Эти пространства дают нам надежду не погубить Россию в кризисе западной цивилизации. (А по колхозному забросу много потерянных земель и ближе есть.)

Национальным руководителям России в предвидении грозящей войны с Китаем все равно придется опираться на патриотизм и только на него. Когда Сталин начинал такой поворот во время войны, вспомните! – Никто даже не удивился, никто не зарыдал по марксизму, все приняли как самое естественное, наше, русское!».

По сути Солженицын предложил программу компромиссной трансформации советского государства, при которой, сохраняя и переобосновывая на нацио-

нальных началах свою силу, советское руководство отказывалось от коммунистической идеологии, преобразуясь в национал-автократию.

«Из русской истории стал я противником всяких вообще революций и вооруженных потрясений, значит, и в будущем тоже: и тех, которых вы жаждете (не у нас), и тех, которых вы опасаетесь (у нас). Изучением я убедился, что массовые кровавые революции всегда губительны для народов, среди которых они происходят… За последние полвека подготовленность России к демократии, к многопартийной парламентской системе, могла еще только снизиться. Пожалуй, внезапное введение ее сейчас было бы лишь новым горевым повторением 1917 г…

И тысячу лет жила Россия с авторитарным строем – и к началу XX века еще весьма сохраняла и физическое и духовное здоровье народа? Однако, выполнялось там важное условие: тот авторитарный строй имел, пусть исходно, первоначально, сильное нравственное основание – не идеологию всеобщего насилия, а православие, да древнее, семивековое православие Сергия Радонежского и Нила Сорского, еще не издерганное Никоном, не оказененное Петром.

Все зависит от того, какой авторитарный строй ожидает нас и дальше? Невыносима не сама авторитарность, но – навязываемая повседневная идеологическая ложь. Невыносима не столько авторитарность – невыносимы произвол и беззаконие, непроходимое беззаконие…

Руководить нашей страной должны соображения внутреннего, нравственного, здорового развития народа, освобождения женщины от каторги заработков, особенно от лома и лопаты, исправления школы, детского воспитания, спасения почвы, вод, всей русской природы, восстановления здоровых городов, освоения Северо-Востока…».

Поразительный факт, хотя Солженицын был жестко выслан из СССР и никакого реального диалога с «вождями» не состоялось, но в некоторых практических аспектах советская политика 1970-х пошла именно предначертанным в «Письме вождям» курсом – с середины 1970-х на смену уничтожения русской деревни приходят программы поддержки «Нечерноземья» – запоздалые, но все-таки укрепившие основы народной жизни, интенсифицируется освоение Северо-Востока, начинается строительство припомненной писателем столыпинской «Амурской магистрали». Но, разумеется, поставленный Солженицыным вопрос о смене идеологии советские вожди даже и не думали рассматривать.

«Письмо» Солженицына приводит к его идейному разрыву с либеральной диссидентствующей интеллигенцией, лидером которой становится академик Сахаров. Разрыв западников и почвенников и внутри СССР и в эмиграции достигает напряженности не виданной с последней трети XIX века.

Ближайший соратник и единомышленник Солженицына Игорь Шафаревич распространяет в самиздате

работу «Русофобия», обнародование которой исключает всякую возможность примирения двух лагерей. В ней советская либеральная интеллигенция характеризуется как «малый народ» нигилистически противопоставляющий себя большому народу, а сущность русофобии Шафаревичу, как и Солженицыну, видится в приписывании малым народом преступлений и мерзостей советского режима «природе русского народа», национальному характеру и русской исторической традиции.

Можно было думать, что советская система находит определенные пути интеграции с русской этнической традицией и на выходе будет постепенно выработан относительно жизнеспособный синтез. Однако в 1980-е годы начинается резкое саморазрушение советской системы, причем одним из первых симптомов изменений оказываются «андроповские» гонения на «русскую партию», которая, в результате силового разгрома, к моменту начала перестройки и ожесточенной конкуренции идеологических платформ и программ развития выступила в явно ослабленном виде.

Этот самоподрыв системы связан был с тем, что Советский Союз как целое проектировался как механизм эксплуатации русского большинства со стороны нерусских меньшинств и «новиопов» (представителей «новой исторической общности – советского народа»). Русский поворот 1960-80-х годов, пусть и ограниченный советскими формами и тормозимый репрессиями КГБ, всё равно означал, что в среднесрочной

исторической перспективе Советский Союз начнет обратную трансформацию в русское национальное государство, в национальную империю того же образца, что был разрушен в 1917 году. И тогда этнические элиты созданных в рамках советской нацполитики союзных республик почувствовали необходимость «катапультироваться» из СССР до того как он снова станет Россией.

В то время как в союзных республиках события перестройки были связаны прежде всего с острым всплеском национализма и русофобии, по всей стране начались русские погромы, преследование и изгнание русских, приобретавшие те или иные формы в зависимости от доминировавших в той или иной традиции местного этноса, у русских те же процессы протекали в форме национального нигилизма, истеричного западничества и набиравшей обороты интеллигентской русофобии.

Национальная, традиционная альтернатива коммунизму рассматривалась как глубоко маргинальная, подвергалась осмеянию в форме систематических насмешек перестроечной прессы над «Обществом «Память» сквозь призму которого подавались любые попытки говорить о русских проблемах. Таковые проблемы лагерем «демократов» попросту отрицались.

К моменту разрушения Советского Союза, фактически оказавшегося расколом «по живому» исторической территории проживания русского народа, русские нигде не сумели достичь той степени само-

сознания и консолидации, которая позволила бы эффективно этому расколу сопротивляться или использовать его в интересах русского народа.

Ошибочно мнение, что политики русской национальной ориентации способствовали этому расколу и, якобы, поддерживали идею «российского суверенитета». Напротив, суверенитет РСФСР продвигался Ельциным во имя «многонационального народа» и сопровождался призывами к этническим автономиям «брать власти сколько сможете проглотить».

Фактически лишь в Приднестровье русские сумели оказать сопротивление достаточное, для того, чтобы остановить свое втягивание в чуждые и антирусски заточенные национальные проекты. Трудно сложилась судьба русских в Средней Азии, где местными радикалами последовательно проводилась политика выдавливания, в то время как Россия отнюдь не была рада принять соотечественников у себя. Кровавую страницу в историю русского народа вписала дудаевско-масхадовская «Ичкерия», осуществившая практически тотальную зачистку русского населения. При молчаливом одобрении Европейского Союза проводится политика дискриминации «неграждан» в странах Прибалтики.

Настоящей трагедией обернулось положение русских на Украине, где «бандеровское» безумие вело ко все более радикальным нападкам на русский язык, русскую идентичность, заточенным не просто на вытеснение, а на подмену идентичности русских граждан страны. Образовательные программы и языковая

политика, телевизионная пропаганда последовательно перековывали русских в украинцев, призванных ненавидеть Москву, мешающую «европейскому выбору» Украины.

В 2014 году эта агрессивная дерусификация привела к открытому военному противостоянию. Мы наблюдаем очевидное национально-освободительное движение русских в Новороссии, однако из-за ограниченности поддержки его со стороны Российской Федерации пока не ясно, смогут ли пойти Донецкая и Луганская Республики по «крымскому пути», закрепят ли независимость, или в рамках «минского процесса» их вдавят назад в состав Украины.

В самой Российской Федерации первое десятилетие после ликвидации СССР было временем едва ли не официального господства русофобских доктрин, ежедневно провозглашавшихся в печати и на телевидении представителями интеллигенции. Началось вытеснение слова «русский» и замена его «российским». Государство учитывало интересы любых этносов и меньшинств, но русского народа как целого для него не существовало.

Фактически это стимулировало распад русского этноса – многие группы, как казачество или поморы, начали воспринимать интерпретацию себя как отдельных этносов более выгодной, тем более, что это было связано с особенностями государственной поддержки национальных культур, принципиально ориентировавшейся только на меньшинства. Начали конструироваться вымышленные группы, типа «ингерман-

ландцев», а для некоторых, как «сибиряков» даже сочинялись искусственные языки.

Постсоветский период оказался для русского этноса чудовищным демографическим провалом. Критически упала рождаемость, стали просто заоблачными цифры смертности от алкоголизма, наркомании, уличной и организованной преступности. Вошло в массовый оборот понятие «русский крест» – пересечение на графиках повышающейся кривой смертности и понижающейся кривой рождаемости. Досужие эксперты всерьез говорили о предстоящем сокращении русского населения до 50 миллионов человек, а аналитики исправно снабжали прессу сценариями распада России.

Фактором действовавшим «против течения» в этот период стало масштабное возрождение Православия. Миллионы русских людей обретали вновь веру, открывались храмы и монастыри, возвращались в повседневную жизнь православная обрядность и православное мировоззрение. Идентичность «православный христианин» встала для огромного количества людей во главу определяющих их самосознание характеристик. Как правило возрождение православия было неразрывно связано с осознанием приобщенности к русской исторической, культурной, эстетической традиции.

Через отрицание «либерального ада» 90-х шел и рост национального сознания как движения сопротивления погружению России во тьму и самоуничтожение. Мотивы «за державу обидно», «отомстить»,

«не дать поставить нас на колени», объединялись в энергичное, хотя и идеологически размытое неприятие упадочной действительности. И вся эта энергия сопротивления маркировалась словом «русский».

Поэтому закономерно, что когда с началом 2000-х годов запустились процессы самовосстановления государства в России, они оказались тесно связаны как с укреплением роли православия, так и с усвоением идей и энергии, накопленных русским сопротивлением в предыдущие десятилетия. Сегодня не редкость, когда эти идеи и их глашатаи так или иначе проявляются в государственной политике. Тем не менее, говорить о нормализации положения русского народа всё еще не приходится.

РУССКАЯ ПРОБЛЕМА

XX век, как в советском, так и в постсоветском наследии оставил русской нации целый ряд тяжелейших проблем, включая отрицание её существования властной номенклатурой, либералами, левыми, национал-сепаратистами и… даже некоторыми националистами.

1. Русская нация не имеет на официальном уровне собственного государства. Это положение тем более парадоксально, если учесть, что русская нация является пятой по численности нацией мира и первой

по численности культурно и расово единой нации. Русские составляют более 80% населения государства Российская Федерация, и тем не менее это государство ни в своём целом, ни в своих частях не рассматривает себя в качестве государства русского народа. Русским говорят, что они заинтересованы в России будучи «государствообразующим этносом», но ни в каких конституционных документах эта государствообразующая роль не была закреплена. В конституцию РСФСР было внесено упоминание вскользь русского народа, однако в 1990 году ельцинским Съездом народных депутатов оно было исключено. Русская нация или народ не упоминается в Конституции Российской Федерации, равно как и в подавляющем большинстве уставных документов её субъектов – за внесение её хотя бы краткого упоминания идет тяжелая и упорная борьба.

2. В то же время, некоторые другие народы, проживающие в РФ, упоминаются в конституциях входящих в неё субъектов в качестве титульных наций соответствующих республик. Российская Федерация представляет собой асимметричную федерацию, в которой субъекты, где проживает преимущественно русское население, неполноправны по сравнению с субъектами, где титульным народом считается какой-то другой, а не русские («автономиями»). Субъекты Федерации, где титульны нерусские народы, «автономии», располагают целым рядом привилегий, которые закреплены формальными или негласными договорами с центром. Эти соглашения предусматривают

как преимущества в бюджетном финансировании, так и элементы особого юридического статуса – отбывание наказания в его субъекте, повышенная юридическая защищённость подозреваемых и т.д. Во многих случаях количество русских в таких субъектах Федерации больше количества представителей титульной народности. Однако на привилегиях и особом статусе это никак не сказывается. Большинство имеющих стратегическое и экономическое значение полезных ископаемых России сосредоточено на территории «автономий», которыми охвачена, в частности, большая часть русского севера.

3. Русские – крупнейший разделённый народ мира. Около 25 млн русских недобровольно проживают за пределами Российской Федерации и зачастую подвергаются дискриминации. Русский этнос расколот государственными границами, по живому прошедшими при распаде СССР, причем в раде новых независимых государств осуществляется последовательная политика наступления на русский язык и русскую этническую идентичность. Русские не имеют никаких приоритетов на получение права на гражданство РФ.

4. Сократился ареал проживания русских и явно неустойчива демографическая ситуация. Два десятилетия катастрофического сокращения численности русских сменились неустойчивым равновесием, которое в любой момент может быть нарушено к худшему. Русские жители наиболее экономически развитых регионов РФ сталкиваются с сокращением своей доли в населении региона в связи с неконтролируе-

мым ростом миграции из стран бывшего СССР. Эти демографические изменения сопровождаются ухудшением криминальной обстановки, социальной напряжённостью, падением качества образования и медицинского обслуживания, ухудшением санитарно-эпидемиологической обстановки, изменением языковой ситуации. Требования изменить миграционную политику и оградить русское население от её последствий отклоняются властями РФ со ссылкой на нежелание ухудшить отношения с государствами бывшего СССР. Требования ввести визовый режим со странами – основными источниками миграции – также отвергаются. В то же время эти государства рассматривают как повод для ухудшения отношений преследование своих уроженцев на территории РФ даже за уголовные преступления.

5. Самобытность русского народа и его право на свой образ жизни и культуру отрицаются. Официальными лицами заявляется, что смысл существования русского народа состоит в том, чтобы поддерживать единство прочих народов РФ. При этом не только подразумевается, но и в открытую говорится, что это поддержание может и должно осуществляться в ущерб интересам самого русского народа. Этноним «русский» систематически вытесняется из официального языка на территории Российской Федерации и заменяется политонимом «российский». Само употребление слова «русский» в любом контексте, кроме негативного, рассматривается как неполиткорректное и часто пресекается.

6. Атакам подвергается даже русский язык, конституционно закрепленный единственный государственный язык России. Его статус в некоторых регионах отрицается или ставится под сомнение, количество часов на его изучение сокращается чтобы выделить время для изучения региональных языков, обязательное знание которых навязывается даже русским учащимся, для которых они не являются родными. Русское население некоторых субъектов Российской Федерации принуждается к изучению в школе наряду с государственным русским языком языков титульных народностей. Эта практика закреплена Конституционным Судом Российской Федерации, отказавшим русским гражданам в праве не изучать негосударственные языки, навязываемые в субъектах Федерации.

7. Разрушительному воздействию подверглись фундаментальные адаптационные константы русского народа. Кампанией уничтожения «неперспективных деревень» разрушена была традиционная русская система расселения. Тотальная сверхурбанизация, связанная с разрушением поселений – деревень и малых городов, кладбищ, церквей, во многих случаях сжала родовую память людей до трех поколений.

Преодоление этих проблем составляет насущную задачу для Российской Федерации как государства. Фундаментальные жизненные процессы этого государства зависят от направления активности и жизненного тонуса русского народа. Ослабление этого тонуса немедленно приводит к проявлению очевидных

признаков государственного распада. Напротив, увеличение русской активности, как в 2014 году, вернуло России статус великой державы. Когда мы говорим о «русском вопросе» мы говорим о единстве и развитии, или о коллапсе и деградации России как государства.

Единство русского народа и российского государства представляет собой главную гарантию единства, территориальной целостности и нерушимости границ России. Русский народ, русская культура и русский язык были и остаются главным фактором скрепляющим единство России. Если взять такие отдаленные, зачастую анклавные или полуанклавные территории, как Калининградская область, Крым, Сахалин и Курилы, то их единство с Россией поддерживается именно тем, что они заселены преимущественно русским населением, к тому же выработавшим обостренное национальное самосознание жителей «фронтира». Не будь этого русского фактора, завись всё только от геополитических и географических условий – эти регионы были бы потеряны в ходе системного кризиса в начале 1990-х.

При этом, заметим, что тот же Калининград является самой недавней территорией в составе Российского государства, однако его связи со страной крепче, чем у некоторых регионов, присоединенных в XIX веке. И это связано с тем, что он был заселен почти исключительно русским населением. Мы можем со всей определенностью утверждать, что степень интегрированности того или иного региона в Российскую Федерацию, уровень исполняемости законов и распо-

ряжений центра, прямо коррелирует с численностью русского населения в регионе. Там, где эта численность недостаточна постоянным фоном становятся межнациональные конфликты, угроза терроризма и радикализма, более или менее явная сепаратистская пропаганда.

Необходимо отметить теснейшую связь между присутствием этнически русских и традиционным исповеданием православия. Фактически православие является второй формой русского присутствия, выступая, в значительной степени, аналогом русскости. По сути мы можем выделить три типа российских регионов:

1) Регионы с доминированием русского населения и православной традиции – степень их интеграции приближается к абсолютной;
2) Регионы с недостаточно выраженным численным доминированием русского населения, но с доминированием православной традиции, – интегрирующие факторы в них обычно доминируют над дезинтегрирующими;
3) Регионы где присутствие как русских, так и православной традиции невелико, – в них действие дезинтегрирующих факторов сказывается весьма значительно, так что это требует специальных политических, а порой и полицейских мер.

У нас в стране 50 субъектов федерации, где доля русских больше, чем в среднем по стране. Еще в 21 регионе русские жители составляют больше 50%. Во всех этих случаях есть достаточно оснований, чтобы по-

ложить в основу стратегии национальной политики обеспечение интересов русского национального большинства и защиту прав национальных меньшинств.

Рост численности русского народа, как в абсолютных цифрах, так и доли в населении конкретных регионов, укрепление русской идентичности, связанной с православной религиозной традицией и исторической памятью нации являются залогом единства России. Можно с определенностью утверждать, что укрепление русского начала будет равнозначно укреплению государственного единства, а демографическое и культурное подтачивание русских – к ослаблению интеграции государства.

По факту русская нация и российское государство нужны друг другу. Попытки государства РФ «заменить» себе нацию, сконструировав вымышленных «россиян», обречены на провал лишь подточив жизненные силы и идентичность русского народа (и более никакого), то есть подорвав жизнеспособность самого же государства. Но и попытки нации отказаться от государства – попытка «развода» с ним, формирование настоящей «культуры ненависти» по отношению к тысячелетней России, объявляемой «тюрьмой русского народа» – это путь к самоликвидации. Нация самоопределяется через государство и в его отсутствие обречена на режим тысячелетних скитаний и непрерывного геноцида.

Иными словами, никаких других положительных перспектив, кроме органического единства у русской нации и Российского государства просто нет. Един-

ственный выход для них – это быть Русским Государством. Быть собой. Для современного государства, современной нации, это единственная возможность выжить и не прекратить существование вовсе.

ПРАВО НА ВОССОЕДИНЕНИЕ

Каждый народ, чья численность и социальное развитие, а также геополитическое положение достаточны для того, чтобы создать и поддерживать свое государство, должен иметь право жить в своем государстве. Национальном государстве.

Граница компактного расселения народа и граница его государственности в общем и целом должны совпадать. Проведение границ, разрезающих народ по живому, чревато конфликтами и рано или поздно приводит к геноциду в тех или иных формах. Достаточно вспомнить о геноциде армян в 1915 году, об изгнании греков из Турции в 1920-е, о массовом выселении немцев в качестве наказания за гитлеровскую агрессию в 1940-е или же об изгнании сербов из Хорватии в 1995-м. Там, где изгнать народ не удается, как турецких курдов, там неизбежны конфликты, тянущиеся десятилетиями.

Русский народ оказался в 1991 году самым крупным в мире разделенным народом. 25 миллионов русских-по-паспорту были раздроблены между прак-

тически всеми республиками бывшего Союза. Потом кто-то репатриировался, кого-то убили, кого-то заставили сменить идентичность, и теперь, конечно, «русский мир» сжался, но он все еще довольно обширен. Большое значение имеют компактно проживающие русские общины востока Украины, севера Казахстана, Латгалии и Риги, Нарвы. В Белоруссии, где русский язык не преследовался и официальный национализм долгое время не продвигался, отчуждение русских затянулось, но, в связи с инициированной в последние годы режимом волной литвинизации, в самом ближайшем будущем может произойти.

Разумеется, расколотый русский народ, как и все другие народы, имеет право на воссоединение и нерасколотую государственность. Сам территориальный раскол русских был искусственно создан внутри русских территорий, которые русский народ топором плотника и мечом воина создавал для себя, раздвигая пространство, отвоевывая его у тайги и тундры, у степняков-работорговцев и безводия, присоединяя малые народы и вливая их в общий поток своей жизни.

Русских резали по живому. Иногда, как с отнятием и передачей Украине Севастополя, это было больше похоже на зловещую насмешку. Но и более старые «передачи», например те, в результате которых формировалась советская Украина, были таким же вырезанием лобзиком по спине, о чем неоднократно напоминал Владимир Путин, критикуя ленинскую национальную политику: «Украине, допустим, Донбасс

передали под каким предлогом? Повышение процентов пролетариата на Украине для того, чтобы иметь там большую социальную поддержку. Бред какой-то, понимаете?»

В 1991 году русский народ, создавший государство с самой большой в мире территорией, внезапно оказался перед лицом того факта, что значительную (и самую теплую) часть этой территории увели у него из-под носа, а русских в лучшем случае заставляют стыдиться своего происхождения и принуждают к отказу от него.

Русский народ, безусловно, имеет все основания требовать признания своих прав и государственного воссоединения именно в качестве русского народа. И в длительной исторической перспективе вряд ли найдется сила, которая может ему помешать.

Вопрос права русских на воссоединение имеет значение вне зависимости от того, признаем мы русских, украинцев и белорусов тремя ветвями единой нации или же тремя нациями, вне зависимости от того, определяем ли мы русского как «славянина, от рождения говорящего на русском языке», или же как носителя русской культуры, идентифицирующего себя с русскими. Все эти уточнения сейчас не важны.

Русский народ имеет право жить в едином государстве. Этим единым государством должна быть Россия – страна, названная по имени русского народа. Точка.

Русский народ имеет право использовать любые законные рычаги для своего воссоединения, а при их блокировании – право на восстание, зафиксированное

во Всеобщей декларации прав человека, как крайнее допустимое средство: «Принимая во внимание, что необходимо, чтобы права человека охранялись властью закона в целях обеспечения того, чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения».

Задача политики государства Российская Федерация – всеми доступными для него средствами содействовать этому воссоединению. Однако здесь, разумеется, нашим пожеланиям противостоит принцип реальности. Россия рассматривается обширным и опасным блоком НАТО как фактически «побежденная» в холодной войне. НАТО уже приняло в свои ряды Эстонию и Латвию – страны, где высок процент компактно проживающего русского населения. Балтийские этнократии используют чрезвычайно циничные способы преследования русских – статус «неграждан», запрет русских школ, попытки публичного унижения русского народа. Что, впрочем, не мешает русским оставаться влиятельной силой в этих обществах.

Под таким же «зонтиком» хотел оказаться и русофобский этнократический режим, установленный Майданом в Киеве. Ему вовремя удалось помешать. Сравнительно легко был освобожден Крым. Началось восстание в Донбассе, которое, будь в Москве проявлена большая политическая воля, перекинулось бы и на всю Новороссию. Огромное количество людей, чье национальное сознание было подавлено русофобской политикой незалежной, в короткий срок осознали себя русскими, причем независимо от записи

о национальности в свидетельстве о рождении. И никаких оправданий тому, что весной 2014-го не было проявлено более решительной воли по воссоединению Новороссии, нет.

Та волна братства, сострадания и поддержки, которую всколыхнула борьба Донбасса и в России, и в Новороссии, подтвердила, что речь идет именно о воссоединении единой нации в едином государстве. Любые политические формы, будь то ЛНР и ДНР, так и не состоявшаяся федеративная Новороссия, являются лишь временными мостиками на пути к единой России, национальному дому всего русского народа.

Упущенный момент изменяет течение исторического времени. Теперь процесс воссоединения, возможно, займет годы, а то и десятилетия. И не исключено, что никто из заставших распад СССР и раскол русского народа не увидит окончательного воссоединения. Важно лишь, чтобы детям и внукам была завещана та же мечта о единстве и упорство в ее достижении.

Значение имеют каждый кубический метр, каждый кубический сантиметр возвращенной России территории. Ирредента – это тот случай, когда синица в руках лучше журавля в небе. Когда каждый кусок земли, переданный под прямой суверенитет России, важнее, чем обещанная болтунами «полностью воссоединившаяся Украина» где-нибудь в неопределенном будущем.

Прежде всего, это должны понимать сами граждане Донбасса. Их целью должно быть полное и безусловное

воссоединение с Россией по «крымскому варианту». И любой другой вариант должен рассматриваться как худший, менее желательный, дискриминирующий. За воссоединение русской нации действительно стоит сражаться. За автономизацию в составе Украины или статус государств-призраков – извините.

Конечно, мировая политика – штука сложная, и не все и всегда можно позволить себе сразу из-за внешнеполитических условий. Но важно, чтобы и политическая элита, и общество России, и жители Донбасса, и вся Новороссия произвели «захват цели» и неуклонно к ней двигались.

Теперь что касается триединства русского народа. Сегодня разговоры о таком «триединстве» и о том, что «украинцы и русские – это один народ», объективно вредны. Нравится это русским или нет, сегодня люди, сознательно считающие себя «украинцами» рассматривают себя как другой народ. И их этническое самоопределение осуществляется по принципу: за или против убийства русских. Изначально в продвижении в мозги малороссиян украинского проекта важнейшую роль играло отрицательное самоопределение – против москалей. Сейчас же оно стало единственным.

Украинец – это не тот, кто любит стихи Тараса Шевченко и драмы Леси Украинки, не тот, кто носит вышиванку и закусывает сало вареником, и даже не тот, кто уважает Бандеру. Все эти этнические особенности лишь шлейф для главного – одобрения тех, кто жег людей в Одессе и расстреливал детей в Горловке

либо активно одобрял. Тот же, кто отвергает эти преступления и не желает в них соучаствовать, – *русский*, какой бы штамп ни стоял у него в паспорте.

Никакого «единства» между русскими и украинцами в указанном выше смысле здесь быть не может. Как нет и никакой разницы между русскими великороссийского и малороссийского происхождения, когда они берут в руки автомат с георгиевской ленточкой и становятся под красное полотнище с андреевским крестом.

Далеко не все равно, где быть Донбассу – в России или «в Украине». Сегодня для России актуальна не проблема триединства, а проблема единства. Не проблема дружеского взаимопонимания Москвы и Львова, а проблема нахождения в одном государстве Москвы и Донецка, Москвы и Одессы, Москвы и Харькова. Единство русских людей в одном государстве – России. Такова формула русского национализма. Русского патриотизма. Просто русского здравого смысла, поскольку, нации, которые не добились воссоединения, получают в наказание этноцид.

Раздел II

КАТЕГОРИИ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Когда мы говорим о «Русском Мире», мы говорим о вызове и выборе. Выборе русского языка и русской идентичности и вызове той «беловежской» геополитической системе, которая обрекла русских на статус крупнейшей в мире разделенной нации. Разделенной, разрезанной по живому становящимися всё более отчуждающими границами, и, в то же время, единой.

ЭТНОС-ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Русские по-прежнему остаются самой многочисленной в мире нацией, которая спаяна чем-то боль-

шим чем гражданство – китайцы, хиндустанцы, американцы, бенгальцы – это гражданские общности, объединенные политической судьбой и каким-то набором цивилизационных черт. Русские и в качестве огромной нации остаются по прежнему единым этносом, чьи внешность, язык и образ жизни одинаковы на всем пространстве от Севастополя, Донецка и Риги до Сахалина и Камчатки и где нет никакой принципиальной границы между Москвой и сколь угодно отдаленными окраинами.

Все попытки извлечь из таких феноменов как поморы, казаки, сибиряки, нечто большее, чем региональные и социальные особенности, сконструировать из них субэтносы и этносы слишком отдают политическим ангажементом, повторить «удачу» с отрывом от России Украины. «Домыслы о гетерогенности русского народа – это миф, имеющий сугубо политическую природу. По мировым масштабам русские – исключительно цельная, единая нация. По степени религиозного и языкового единства регионов, по близости культурных матриц русские не имеют аналогов среди крупных наций планеты» – наставляет нас Святейший Патриарх Кирилл*.

Иногда можно встретить противопоставление этнического и цивилизационного начал и услышать призыв отбросить «узкую» этнографичность во имя широкого поля гражданской нации и имперской культуры. Однако это – не русский случай. Русскую

* *Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси.* Семь слов о русском мире. М.: Всемирный русский народный собор, 2015, с. 57.

культуру невозможно понять без ее этнографических особенностей, без её народного субстрата.

Русские представляют собой этнос-цивилизацию, подобно следующим за нами в списке с отрывом в 25 млн. человек японцам. Но если те расположены в тесноте группы островов, то как это удается народу, раскинувшемуся на огромном пространстве, да еще исполосованном теперь границами? Как это удается народу, живущему среди множества других народов, в теснейшем взаимодействии с ними? Однако русские не просто сохраняют идентичность, но и притягивают к себе других, так что когда мы говорим о русском мире и русском выборе в границах современной России и за их пределами, то мы говорим и об этнических русских, и о множестве людей представляющих другие народы, для которых их идентичность определена, однако, русской цивилизацией*.

РИСК И СЧАСТЬЕ БЫТЬ РУССКИМ

Та идентичность, которая является предметом сознательного выбора, формируется цивилизацией.

* «Мы не имеем право забывать, что главным творцом отечественной культуры является русский народ. При всей открытости нашей культуры, при всей разумной готовности принять в наши ряды человека любого происхождения, нам следует всегда помнить, что без существования русского народа и без Православия наша отечественная культура не могла появиться на свет и не имеет перспектив в будущем» (*Там же,* с. 71)

Цивилизация – это фабрика идентичностей. И несомненно, что феномен русской цивилизации существует, причем не только на контрасте «Россия не Европа», но и сам по себе. Россия гораздо менее «не Европа», чем «не Азия», «не Африка» и «не Америка» – и это позволяет ей мерить себя европейской меркой и отталкиваться от Европы как от соперницы. Русским вряд ли пришло бы в голову доказывать себе и друг другу до остервенения тот факт, что мы не Китай. Не будь этого цивилизационного соперничества с Европой, Россия была бы гораздо менее русской и, кстати сказать, менее европейской.

Россия – это осуществление нацией определенного цивилизационного выбора и интериоризация индивидом выработанного цивилизацией строя. Русская личность, это проявление через конкретный характер и поступок тех богатых предпосылок, которые вручает ей русская цивилизация. И чем более богат и разнообразен усвоенный цивилизационный опыт, тем и сама личность более ярка и неповторима. В эпоху глобализации особенно наглядно проявляется тот факт, что чем более национальна та или иная личность, тем более она индивидуальна.

Однако можем ли мы определить то конкретное содержание, те цивилизационные коды, которые русская цивилизация усваивает своим носителям и которые настолько определяют их бытие, что люди готовы сознательно бороться, сражаться и даже умирать за Русский Мир, в том числе и тогда, когда не прозвучало никакого обязывающего государственного приказа.

Что это за идентичность, которая стимулирует *риск быть русскими*? Что это за переживание, которое дарит *счастье быть русскими*? Ведь без чувства счастья, связанного с идентичностью она не может воздействовать сколько-нибудь устойчиво. Что это за цивилизация, фабрикующая русских и может ли она быть описана и определена в терминах цивилизационного анализа?

ЦИВИЛИЗАЦИЯ. ОХОТА НА МАМОНТА

Как и всякая существенная реальность, выступающая объектом гуманитарного изучения, цивилизация подобна слону, обсуждаемому слепыми мудрецами. Кто-то ощупывает ногу и говорит, что слон подобен баобабу. Кто-то хватается за хобот и убежден, что слон подобен змее. Кто-то обнаружив длинные острые бивни, приходит к убеждению, что слон – это холодное оружие. Наконец кто-то нащупывает теплую шерсть и догадывается, что перед нами вообще не слон, а мамонт.

Ученых, исследующих природу цивилизаций, можно условно разделить на три большие группы, по тому, с какой стороны они смотрят на слона.

Одни, можем назвать их мудреным словом «энвайроменталисты», или более простым – географи-

сты, разделяют оценку Фернана Броделя: «Говорить о цивилизациях – значит говорить о пространствах, землях, рельефах, разнообразии климата, растительности, животного мира, об унаследованных и приобретенных преимуществах»*. Сторонники этого подхода, а тут и Лев Мечников, и Арнольд Тойнби, и сам Бродель, и Джаред Даймонд, и Фелипе Фернандес-Арместо, рассматривают цивилизацию как систему адаптаций к природной среде, в большей или меньшей степени следуя тойнбианской парадигме «вызова и ответа».

Другие рассматривают цивилизацию в соответствие со старомодным, но оживленным на новом витке Норбертом Элиасом подходом: цивилизованность – это обуздание аффектов и страстей, система самоконтроля и контроля за поведением, вежливость. Впрочем, фрейдистская революция в науках о поведении не прошла даром, всё чаще взгляд на цивилизацию показывает, что важнее в ней не то, как человек обуздывает свои аффекты, а то, что так и остается необузданным. В конечном счете, разве не страсть и вражда движут историю? С этим, пожалуй, согласились бы и Конрад Лоренц, и Борис Поршнев, и Лев Гумилев.

Наконец третий подход к пониманию цивилизации уже более столетия остается самым популярным – это взгляд на неё как на совокупность важнейших символов, формирующих матрицу культуры и задающих

* *Бродель, Фернан.* Грамматика цивилизаций. М., Весь мир, 2008 с. 39.

параметры «коллективного мышления». В этом лагере исследователей мы обнаружим и Николая Данилевского с Константином Леонтьевым, и Освальда Шпенглера, и Питирима Сорокина, и Шмуэля Эйзештадта, Сэмуэля Хантингтона, Вадима Цымбурского. Все они в той или иной форме рассматривают цивилизацию как систему символов, кодирующих, по выражению Эдварда Шилза, «центральную зону культуры». Главное содержание этой центральной зоны задается сакральной вертикалью, определенным религиозным мировоззрением и культом. «Религия… – резюмирует Бродель, – представляется наиболее сильной характерной чертой цивилизаций, она одновременно их прошлое и настоящее»*.

Есть среди исследователей цивилизаций и те, кто, признавая их индивидуальное историческое лицо, гораздо больше внимания уделяют процессам культурной диффузии, то есть взаимопроникновению изобретений и технологий, идей, стилей и мотивов. Таковы Уильям Мак-Нил или наш соотечественник неомальтузианец Сергей Нефедов. Особое внимание они уделяют прогрессу и распространению военной технологии, которая задает мировой истории вектор глобальности.

Где-то рядом находится и парадигма сторонников мир-системного анализа от Фернана Броделя до Иммануила Валлерстайна и Джованни Арриги, отводящих роль этого глобализирующего фактора эконо-

* *Там же,* с. 52.

мике и транснациональной торговле между «мирами-экономиками» подозрительно напоминающими всё те же цивилизации.

Никакого принципиального и неразрешимого противоречия между этими группами исследователей при рассмотрении «слона» – нет.

Разумеется, цивилизация – это определенная программа освоения большого пространства. Никаких маленьких цивилизаций, карликовых цивилизаций не бывает, хотя и бывают цивилизации, как нынешняя западная, с глобалистскими притязаниями. Но в основе цивилизации и в самом деле лежит вызов пространства и программа ответа на него, использования даваемых пространством преимуществ, преодоления трудностей и, в конечном счете, достижения независимости от среды.

Разумеется, – цивилизация это определенный этос и программа установления контроля над инстинктами и аффектами. Состояние – противоположное дикости. Через цивилизованные нормы жизни человек только и становится человеком. И не случайно, что в XVIII веке там, где сейчас мы говорим цивилизованность, гуманность, вежливость, М.М. Щербатов или М.В. Ломоносов сказали бы «людскость»*. Но то уникальное сцепление природной страсти и выработанной в споре с нею людскости дает уникальный харак-

* «Мы подлинно в людскости и в некоторых других вещах…удивительные имели успехи и исполинскими шагами шествовали к поправлению наших внешностей, но тогда же с гораздо вящей скоростью бежали к повреждению наших нравов» (*Щербатов М.М.* Избранные труды М.: РОССПЭН, 2010).

тер, который в каких-то элементах сокрыт на глубине генетической памяти и младенческого воспитания, а в каких-то свободно воспитывается и передается через литературу, искусство, повседневный опыт сожития и общения.

Разумеется, цивилизация – это существование в ритме «длительной временной протяженности». Мы можем считать присущими цивилизации лишь те явления, которые переживают века и тысячелетия, которые не разъединяют, но связывают разные периоды истории одной и той же общности. Часы наций, государств, культур, могут лететь быстро – часы цивилизации идут очень медленно.

Разумеется, цивилизация – это отказ. Об этом нам вновь и вновь напоминает Бродель: «Цивилизация чаще всего отторгает любое культурное благо, которое угрожает одной из ее структур. Этот отказ заимствовать, эта скрытая враждебность достаточно редки, но они всегда ведут нас в самое сердце цивилизации... Не может существовать цивилизации, достойной так называться, если она что-то не отвергает, от чего-то не отказывается»*. Иногда, как указывает тот же Бродель, отказ может быть чреват для цивилизации гибелью, как отказ Византии от унии с Римом. Но что такое для цивилизации риск погибнуть во времени по сравнению с риском потерять себя в вечности? Когда сегодня русская цивилизация поражает Запад своим консерватизмом в семейных ценностях, в неприятии

* *Бродель.* Грамматика..., сс. 58-59.

всесмешения «толерантности», то перед нами тот самый отказ, который укрепляет русскую цивилизацию в её самостоянии.

Разумеется, цивилизация – это технологический поиск, совершенствование экономических институтов, порыв к знаниям. Да, любой из этих аспектов может быть транслирован от одной цивилизационной общности к другой, причем война и торговля являются уникальными сильными трансляторами: совершенствуй свое оружие или умри, совершенствуй свои производительные силы или вылетишь в трубу. Но именно потому, что и знания и техника легко передаются, большинство изобретений и открытий делаются лишь один раз. Нужно было достичь плотности и напряженности технологического соревнования европейских народов, чтобы стали возможны такие феномены как параллельный поиск в радиосвязи Попова, Теслы и Маркони. Но уже история лампы накаливания – это цепь последовательных, а не параллельных изобретений. После того как Шпенглер разрушил миф о единой универсальной математике, невозможно отрицать, что даже в таких универсальных и легко поддающихся диффузии сферах как вооружения, технологии, наука, экономика, существует и уникальное цивилизационное лицо и национальный стиль.

Разумеется, цивилизация – это система религиозных смыслов и культурных символов. Причем система не выводимая ни из природного, ни из аффективного начала. Природа Нила могла подсказать идею умирающего и воскресающего божества, но никак не волю

к бессмертию через сохранение тела, выраженную в погребальном культе фараона, воздвигшем великие пирамиды. Центральное «послание» египетской цивилизации, как и любой другой, выглядит таинственным.

Центральная культурно-символическая идея цивилизаций – не продукт среды. Она представляет собой, в известном смысле, откровение. И в центре этого откровения – порыв к бессмертию, страстный протест человеческого существа против смерти, разрешаемый в ту или иную культурную формулу. Бессмертие, через причастие божеству, через память и славу людские, через погребальный ритуал, а где-то, как в раннем буддизме, через отрицание жизни и абсолютизацию смерти.

ФОРМУЛА ИСТИННОГО ЧЕЛОВЕКА

В конечном счете, как выражался Вадим Цымбурский, «Цивилизация – это особое человечество на своей особой земле, осененное сакральной вертикалью, совокупностью верований, которые соотносят существование этого человечества с последними смыслами и причинами бытия человеческого рода»*. Каждое

* *Цымбурский, Вадим.* Новый возраст России. Интервью // Русский Журнал. 4 октября 2007 [http://www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/Novyj-vozrast-Rossii]

особое человечество, как и человечество целокупное, стоит перед лицом определенного набора проблем, связанных с пережитой человеческим родом онтологической катастрофой.

Можно по-разному относиться к фактической историчности описания этой катастрофы в Библии, но нет никакого сомнения в том, что перед нами система исчерпывающих метаисторических символов.

Грехопадение – и отчуждение человека от Бога и от природы, низвержение в смертность и трудную борьбу за пропитание, обреченность на умственную, биологическую и нравственную ограниченность. Каиново протоубийство и начало бесконечной кровавой борьбы между представителями рода людского, похлестываемой завистью, действие в человеческой истории радикального хитроумного и многоликого зла и, в то же время, запущенный убийственный маховик военного прогресса. Всемирный Потоп и упразднение остатков человеческой власти над природой и появление новой земли, неподвластной ни магии, ни исполинскому нечестию – краткоживущие люди обречены охоте и мясоедению для пропитания. Вавилонское столпотворение и взаимное отчуждение языков, народов и рас рассеянных по земле, более уже не склоняемых на общее зло и обреченных на вечное взаимное противоречие, состязание и вражду.

Библейская история ставит человека перед фактом его реального исторического состояния и, в то же время, предлагает определенное объяснение его

недовольству своим положением в мире. Ведь в самом деле как-то надо объяснить тот факт, что человек (результат серии прижившихся в среде случайных мутаций) не только не счастлив своими преимуществами над животными, деревьями и камнями, но напротив – обречен на непрестанное страдание, связанное с переживанием своей смертности, своей ограниченности, своей отчужденности от ощущаемой в себе лучшей природы.

Как отмечал русский философ Виктор Иванович Несмелов:

«Человек неизбежно вступает в замкнутый круг загадочных противоречий. Он сознает, что в пределах и условиях наличного мира он живет именно так, как только и можно ему жить по физической природе. И в то же самое время он сознает, что эта единственно возможная для него жизнь не соответствует его духовной природе. Между тем, та идеальная жизнь, которая бы соответствовала его духовной природе, не может быть достигнута потому что она противоречит условиям физической жизни. В сознании и переживании этих взаимных противоречий человек необходимо приходит к сознанию себя как загадки в мире»*.

Человеческая история является пространственно-временным континуумом для решения этого противоречия. Народы и нации – коллективными деятелями по поиску такого решения. Цивилизации – пространством решений. Каждая цивилизация содержит

* *Несмелов В.И.* Наука о человеке. Т. 1. Казань, 1898, с. 223 – репринт СПб.: 2000.

свой ответ об истинном человеческом бытии и набор способов его достижения. Как умножить знание? Как найти пропитание? Как продлить жизнь? Как победить смерть? Каждая цивилизация, тем она и отличается от небольших локальных культур, имеет полную линейку ответов на все эти вопросы, предполагает, что в её рамках человек настолько может приблизиться к своей подлинной природе, настолько очеловечиться, что основное противоречие получит близкое к идеальному разрешение.

Цивилизация – это формула истинного человека в его взаимоотношениях с природной средой, в познании самого себя, в избавлении от материальных тягот и в выражении творческого восторга, в защищенности от агрессии других людей и в устремлении к Богу. Цивилизация – это те коллективные структуры – политические, религиозные, коммунитарные, через подключение к которым человек получает свой социальный экзоскелет.

Уместность или неуместность приписывать той или иной геополитической и геокультурной общности статус цивилизации следует из полноты предлагаемой ею формулы истинного человека. И в этом смысле не может быть сомнений – русская цивилизация существует, поскольку её формула отличается исключительным богатством и полнотой, а её ответы порой существенно разнятся с ответами других цивилизаций.

«На вопрос, является ли Россия самостоятельной цивилизацией в семье крупнейших цивилизаций

планеты, мы обязаны дать утвердительный ответ. Да, Россия – это страна-цивилизация, со своим собственным набором ценностей, своими закономерностями общественного развития, своей моделью социума и государства, своей системой исторических и духовных координат» – говорит Патриарх Кирилл*.

Давайте, сделав поправку на определенную субъективность любого исследовательского подхода в науке о цивилизациях, вглядимся в эту русскую фабрику истинного человека попристальней.

СЕВЕР

В списке самых высокоширотных населенных пунктов у России не так уж много призовых мест, поделенных преимущественно между Норвегией и Канадой. Ситуация резко изменяется когда речь заходит о самых северных городах. Самый северный город-миллионник – Санкт-Петербург. Самый крупный город за полярным кругом – Мурманск. Самый северный город-стотысячник – Норильск. Самое большое число городов, стоящих на Вечной Мерзлоте.

Русские не просто заглядывают на Север за рекордами, не просто держат форпосты и коммуникации в надежде на временные выгоды. Русские на Севере

* *Кирилл, Патриарх Московский и Всея Руси.* Семь слов о русском мире. М., Всемирный русский народный собор, 2015 с. 35.

живут. Живут там, где, в представлении представителей других цивилизаций жить невозможно.

Эта растерянность человека иной цивилизации перед феноменом русского Севера сквозит в книге британца Фелипе Ферандеса-Арместо «Цивилизации». Начинает он свой труд с декларации: «я предпочел бы быть частью цивилизации, которая меняет мир с риском пожертвовать собой, а не жить в обществе, которое лишь скромно поддерживает свои минимальные потребности… Я хочу принадлежать обществу, которое остро реагирует на вызовы природы, а не подчиняется им»*.

Однако пробежавшись по культурам на крайнем Севере, похвалив навыки инуитов в строительстве иглу, умение саамов питаться вшами, отвагу викингов, которые решились сунуться в Гренландию, пусть, в конечном счете, они там и погибли, Фернандес-Арместо в недоумении останавливается перед феноменом Норильска. «В Норильске с его двухсоттысячным населением дома стоят на вечной мерзлоте на сваях, квартиры отапливаются 288 дней в году, постоянно приходится убирать снег, а «уличное освещение вчетверо ярче, чем в русских городах, расположенных южнее». Похоже, в определенных средах цивилизация – это иррациональная стратегия. И здесь лучше подчиниться природе, чем пытаться приспособить ее для нужд человека»**.

---

* *Фернандес-Арместо, Фелипе.* Цивилизации. М.: АСТ, 2009, с. 54.

** *Там же,* с. 82.

Эта немного комичная и поспешная капитуляция перед средой и русским опытом успешной победы над нею, свидетельствует о том, что мы имеем дело отнюдь с нерядовым цивилизационным достижением. Именно русская цивилизация продвинулась как нельзя дальше в деле освоения Севера для постоянной городской жизни, для размещения крупных поселений в условиях, которые представителям других цивилизаций кажутся нечеловеческими. Создать городскую, индустриальную, многочисленную, устойчивую и культурно развитую цивилизацию в условиях этого нечеловеческого холода, а порой и полярной ночи – для этого нужна определенная стратегия.

Причем эта стратегия существует на пространстве Русской равнины тысячелетиями, скорее интегрировав в себя русский этнос, нежели став его изобретением. Еще в самом начале археологически реконструируемой истории человеческого рода – эпоху Валдайского оледенения мы обнаруживаем в приледниковой зоне развитую цивилизацию охотников на мамонтов сперва «виллендорф-костенковского», затем «мадленского» типа*.

Не слишком ли громко сказано: «цивилизация»? В рамках принятой нами системы оценок – ничуть. Эта цивилизация базировалась на постоянных долго-

---

* Так, современные археологи говорят о «мадленской цивилизации с ее шедеврами пещерной наскальной живописи и не менее поразительными произведениями косторезного искусства» (*Васильев С.А., Абрамова З.А., Григорьева Г.В., Синицына Г.В., Хлопачев Г.А.* Два типа адаптаций древнего человека на Русской равнине в финале плейстоцена // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Книга первая. М., 2006. С. 117)

временных поселениях, стройматериалом для которых служили кости мамонта. Она обеспечивала себе постоянное устойчивое пропитание за счет охоты на крупного зверя и технологическое продвижение за счет интенсивного использования кости. Для этой цивилизации характерен высокий уровень развития искусства – от «венер» Костенок, Виллендорфа, Мальты, до потрясшего наших современников искусства Альтамиры, Ласко и Каповой пещеры. В основе искусства этой цивилизации лежали определенные религиозные представления.

Именно зона холодового стресса, зона приледниковья оказалась для человечества той эпохи зоной скачка в развитии. Антропологи, исследуя создавшего эту культуру человека обнаружили весьма своеобразные механизмы биологической адаптации, как у мужчины, чей скелет найден в Сунгири во Владимирской области. Средние для нашего времени показатели для того времени указывали на настоящего долгожителя-великана.

Для организма сунгирьцев оказался характерен особый тип адаптации к среде, совершенно не похожий на тот, который выработался у неандертальцев или у современных народов Крайнего Севера. Их крупный организм был настроен на интенсивный самообогрев – кость изнутри была довольно тонкой, оставляя много места костному мозгу, а значит, и интенсивной выработке крови. Антропологи предполагают, что для этого человеческого типа было характерно закрепление в популяции не середнячков, а наоборот, наиболее

сильных, крупных, экстраординарных особей*. В этой модели адаптации – укрупнение и усложнение вместо усреднения, интенсивный самообогрев в условиях холода вместо сокращения поверхности тела, невозможно не увидеть отдаленное предвестие той цивилизационной адаптации, которая станет характерна для Русской равнины впоследствии.

Не трудно заметить, что Север здесь не только географическая сторона света, но и метафора любых экстремальных вызовов среды будь то Арктика или Антарктика, Океан или Космос. Русские развивали в экстремальных условиях развивали свою цивилизацию как нормальную, с полным хозяйственным комплексом, не столько адаптируясь к природным условиям, сколько адаптируя их к себе, создавая искусственную среду. Экстремальность, установка на достижение невозможного (а порой – нечувствие к границам возможного) – важная часть русского самосознания.

В конечном чете это сознает и сам Фернандес-Арместо, в конечном счете делающий заявление,

---

* «Теоретически в низкотемпературных условиях естественный отбор должен действовать в направлении сокращения поверхности тела, прежде всего за счет уменьшения конечностей, как это, вероятно, произошло у неандертальцев в финальном палеолите. Большие размеры тела сунгирьцев наряду с большим объемом костномозгового пространства свидетельствуют об ином морфофизиологическом пути адаптации к холодовому стрессу, оказавшемуся, если судить по его последствиям, более эффективным в начале верхнего палеолита… По-видимому, условиям существования сунгирьцев больше отвечает механизм движущей формы естественного отбора, которая реализуется на основе селекционного преимущества некоторых вариантов перед представителями средней нормы…» (Homo sungirensis. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. Под ред. Т.И. Алексеевой и Н.О. Бадер. М., 2000. с. 382).

что если бы наблюдатель из космоса зная будущее наперед наблюдал бы за изменением течения мировой истории в 1492 году, то начало русского движения в Сибирь показалось бы ему несравнимо более значительным событием, нежели плавания Колумба и Васко да Гаммы: «Морские империи, основанные западноевропейскими государствами по следам Колумба, Кабота и Васко да Гамы, исчезли. Поистине из всех европейских империй, основанных в начале современного периода, уцелела только Российская империя в Сибири; ее потенциал и сегодня далеко не освоен. И если космическому наблюдателю судьба югры в 1490-е годы покажется более интересной, чем участь араваков или кои-кои, кто может сказать, что он не прав?»*.

Здесь, мне кажется, британскому исследователю удается ухватить главное. Сибирь – это еще до конца не сыгравшая ставка в мировой истории. Арктика – ставка, которая, по большому счету, еще и не начала играть. И весь арктический потенциал России обращен будущее.

МАТУШКА-РОЖЬ

Цивилизация – это, прежде всего, хлеб, хлеб и еще раз хлеб. Сельское хозяйство как возможность человека контролировать свои пищевые ресурсы и нака-

* *Фернандес-Арместо, Фелипе.* Цивилизации. М.: АСТ, 2009, с. 584.

пливать их, освобождение от необходимости скитаться с места на место, создание валюты для реализации больших проектов (это ведь только в плохих советских учебниках надсмотрщики гнали армии рабов строить пирамиды, на деле труд рабочих команд покупался и довольно щедро оплачивался).

Своеобразие аграрной основы предполагает итоговое своеобразие цивилизации. Фернан Бродель выделил три больших аграрно-цивилизационных мира со своими своеобразными хлебами: мир пшеницы, мир риса и мир маиса*. Но великий француз на сей раз ошибся, зачислив во «второстепенные культуры» *рожь*, хотя и признав, что в голодные годы единственной страховкой Европы были «балтийские корабли, груженные рожью в той же мере, как и пшеницей» и к 1590 году дошедшие до пшеничного средиземноморья**.

Но если для Западной Европы рожь и впрямь была лишь подспорьем, то для России она стала «растением цивилизации», той аграрной основой без которой никакая государственность, никакая городская цивилизация, система обороны, культурная жизнь были попросту невозможны. Сама возможность Руси появилась лишь тогда, когда в 1 тысячелетии нашей

---

* «Они были «растениями цивилизации», которые очень глубоко организовывали материальную, а порой и психическую жизнь людей, так что создавались почти необратимые структуры. Их история – тот детерминизм цивилизации, тяжесть которого они взвалили на крестьянство и на всю жизнь человечества» (*Бродель, Фернан.* Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986, с. 121.)

** *Там же,* с. 124

эры началась масштабная ржаная революция в Северной Европе*. В Средневековье рожь давала на Руси стабильный урожай сам-3 или сам-4, чего западноевропейцам с их пшеницей удавалось добиться далеко не всегда и периодически происходило скатывание к сам-2. В образцовых северорусских хозяйствах, особенно монастырских, урожайность доходила и до 1:9.

Рожь создает предпосылки для развития цивилизации и ее распространения столь далеко на север. Она же и выступает как инструмент власти и политического единства. Суздальские, а затем московские князья, держа хлебный путь в Новгород, предопределили невозможность новгородского сепаратизма, обеспечили то итоговое единство военно-аграрных сил Москвы и торгово-колонизационных сил Новгорода, смыкание которых в 1478 году означало рождение великой России.

Опора на рожь позволила России освоить русский Север, создать устойчивое государство с боеспособной армией, перейти за Урал и сделать Сибирь не далекой колонией, а органичной частью русского цивилизационного пространства. Завязанная на ржаной хлеб и квас система питания русского воинства делала его в XVI-XIX веках сильнее и здоровее большинства

---

* «Повсеместное распространение ржи в качестве основной сельскохозяйственной культуры заметно потеснило ячмень и пшеницу у славян и скандинавов в VII-IX вв., вело к стабилизации и росту продуктивности земледелия... Это способствовало увеличению площади запашки, возникновению новых поселений и преобразованию системы общинного землепользования» (Славяне и скандинавы. М.: Прогресс, 1986, с. 12).

европейских армий. Во время турецкой войны 1877-78 гг. русское интендантство больше всего опасалось, что русские солдаты не смогут есть румынскую и болгарскую пшеницу и заботилось о скорейшем подвозе ржи*.

«Матушка рожь кормит всех сплошь, а пшеничка – по выбору» – в этой русской пословице заложена наша аграрная философия. Русская продовольственная триада – это ржаной хлеб, ржаной квас, и пряник, который без примеси ржи едва ли имел бы столь узнаваемый для нас вкус. Пища, питие и та сласть, без которой слишком горек был бы вкус повседневной жизни.

Насущный хлеб русской цивилизации – это ржаной хлеб и привязанность к нему столь высока, что для русского заграницей тоска по черному хлебушку была остается главной составляющей ностальгии по России. Утопической нелепостью были попытки большевиков изменить этот цивилизационный код. Сперва попытки Сталина привить пшеницу на севере и надежды на «яровизацию» породившие феномен лысенковщины. Но ставка на пшеницу хотя бы сохраняла Россию в пределах европейского цивилизационного ареала. Сколь более нелепой была кукурузная авантюра Хрущева, попытка переместить Россию в число маисовых цивилизаций.

---

* *Свечин А.А.* Эволюция военного искусства. М., 2002, с. 625.

РЕКИ «РУССКОГО ОСТРОВА»

Северное положение и культура ржи сыграли определяющую роль в истории русской цивилизации, но, в известном смысле, общи с другими соседними народами – скандинавами. Того же нельзя сказать о русской реке – совершенно уникальном факторе среды, предопределившем особенности и границы русской цивилизации как таковой.

Русский хозяйственно-культурный тип предполагает адаптацию к пойменному ландшафту. Русская модель расселения ориентирована на берега рек и озер, в особенности на высокие берега рек. Русские издревле селились по рекам и водоразделы заселялись в последнюю очередь в случае крайнего земельного голода – и по сей день именно такой тип расселения остается основным на русском Севере*. Русский город традиционно ставится на мысу у места слияния реки с притоком. Русский человек живет на реке и живет рекой. Наша цивилизация может быть по праву определена как речная.

Россия представляет собой пространство переплетённых друг с другом и соединенных волоками

* «Прибрежное заселение с очаговым размещением населения по рекам и озерам, безлюдьем речных водоразделов, возникшее еще в период расселения славян по северным рекам, остается основным и до настоящего времени… С проложением сухопутных дорог селения возникали на пересечениях рек с дорогами» (Русский Север. Этническая история и народная культура XII-XX веков. М.: Наука, 2004, с. 37).

речных бассейнов. Они омывают со всех сторон и пронизывают собой словно каналы всё русское пространство. По сути Россия представляет собой остров, или, если угодно, архипелаг, стоящий на водах и собранный речными коммуникациями*. Границы этого Русского Острова простираются до тех пределов, куда добираются русские реки, или же связанные с ними озера или моря. Именно поэтому устойчивая территория России – это речная зона, но возможна оказалась и её экспансия и на Кавказ через посредство Черного моря или в Среднюю Азию, через посредство Каспийского моря de facto.

Речная сеть от Невы, Немана и Днестра да Дуная на Западе, Терека и Кубани на юге, Амура и Уссури на Востоке, предопределила и геополитическую обширность России и прочность её территориального единства. Если русский город стоит на реке, то он тем самым связан со всем пространством России, как отмечал М.В. Ломоносов относительно Санкт-Петербурга: «Примечая состояние сего места находим, что пользуемся великим доброхотством натуры, которая на востоке распространяет великия через целое отечество реки для сообщения с дальними асийскими пределами, кое природное дарование усугубить тщится Ваше Величество соединениями водного пути к несказанной пользе сея славныя столица и пристани»**.

---

* *Цымбурский В.Л.* «От великого острова Русии». К прасимволу российской цивилизации // *Цымбурский В.Л.* Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. М., РОССПЭН, 2007, сс. 340-368.

** Цит. по.: *Истомина Э.Г.* Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX века. М.: Наука, 1982, с. 30.

Само рождение Руси – государства, народа и цивилизации связано с коммуникационной линией, протянувшейся от Черного и Средиземного морей до Балтики и Северного моря. Фернан Бродель обозначает эту коммуникацию как «русский перешеек» шириной в 1200 километров ставя его в числе коммуникаций, меридионально стягивающих Европу наравне со «французским перешейком», связывающим Север и Юг по Сене, Рейну и Роне*.

Может показаться парадоксом, что столь дальняя окраина Европы могла что-то с чем-то связывать. Однако в VIII-XI веках реки Русской равнины оказались в самом центре событий. Как отметил Анри Пиренн, именно тогда прерывание арабскими пиратами коммуникаций между Западным и Восточным Средиземноморьем обрекло Запад на по-настоящему темные века – деградацию культуры, экономики и упадок римского наследия**.

Сохранить выход к Византии означало сохранить доступ к ведущему центру цивилизации. И единственным быстрым и надежным водным путем между Северной Европой и Константинополем оказывается путь по русским рекам. Именно поэтому в летописной легенде апостол Андрей, желая пойти в Рим, не отправляется в Италию Средиземным морем, а делает крюк через Русскую равнину. «Андрѣю учащю в Синопии, пришедшю ему в Корсунь, увидѣ, яко ис Коръсу-

---

* *Бродель, Фернан.* Что такое Франция? Т. I. Пространство и история. М.: Изд-во имени Сабашниковых, 1994, с. 232.

** *Пиренн, Анри.* Империя Карла Великого и Арабский Халифат. М.: Центрполиграф, 2011.

ня близъ устье Дьнѣпръское, и въсхотѣ поити в Римъ». Это описание нормы не для I, а для IX века.

Контроль за «русским перешейком» оказывается ключом к успеху. Тогда-то и встречаются на этом пространстве две традиции, чтобы сплестись воедино – исключительное мастерство славян в освоении внутренних водоемов – озер и рек и исключительный дар викингов к стратегическому мореплаванию, уникальный для раннего средневековья. Возникший синтез – *стратегическое рекоплавание* становится на долгие столетия ведущей чертой русской цивилизации.

Никакая торговля варягов с Византией и Персией без дозволения тех, кто контролировал внутренние водные пути были невозможны. Множество саг рассказывает о том, как приходящим в Ладогу скандинавам приходится ждать «мира» со стороны князя «Ярицлейва» и новгородцев, чтобы свободно пройти до Хольмграда (Новгорода) и далее. Без такого «мира» двигаться дальше вглубь русских рек было немыслимо, а потому великое военно-торговое предприятие, которым изначально была Русь возможно было лишь как плод славяно-варяжского синтеза, закрепившегося в новой этнической, культурной и цивилизационной идентичности.

Река является для летописца «Повести временных лет» базовой единицей географического самоопределения. По рекам «садятся» славянские племена. По рекам же расчислен Путь из Варяг в Греки. Арабский географ аль-Идриси пишет о «Русской реке», устье ко-

торой, кстати, однозначно идентифицируется с Керченским проливом*. Древняя Русь, изображаемая на карте широкими мазками, создавая иллюзию немыслимой для той эпохи территории, на деле представляла собой сетку из тонких паутинок, протянутых от града к граду и от села к селу по русским рекам.

Речная война становится тем типом войны в которых русская судовая рать демонстрирует свои особые преимущества – от дальних походов русов на Каспий, воспетых Низами Гянджеви, до великого стояния на Угре. Война за окончательное упразднение ордынской зависимости в 1480 году была стратегической операцией в обеих составляющих которой центральную роль сыграли именно реки. Пока русская рать удерживала орду Ахмата на берегу Угры, не дозволяя с помощью артиллерии пересечь водную преграду, судовая рать под командой Василия Ивановича Ноздреватого Звенигородского и татарского царевича Нур-Даулета двинулась по Волге до Сарая и нанесла врагу удар в тыл, разграбив ордынскую столицу. Орда Ахмата потеряла устойчивость и, в конечном счете, повернула**.

* *Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В.* «Русская река». Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М., Языки славянских культур, Знак, 2007, сс. 207-241.

** Вопрос об историчности похода Нур-Даулета и Ноздреватого – один из ключевых при реконструкции событий стояния на Угре. Рассказ о нем содержится в «Казанском летописце» (Казанская история. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1954, сс. 56-57) и не имеет параллелей в других источниках. Это позволило С.М. Соловьеву отвергнуть его как недостоверный. Но при этом надо учитывать общую историографическую тенденцию Соловьева к умалению личности Ивана III, представлению стояния на Угре как «негероического» события, то есть мы имеем дело с классическим анти-мифом. Вслед за К.В. Базилевичем (*Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., Территория, 2001, сс.145-146)

Покорение русскими Урала и Сибири стало возможно только благодаря амфибийной военной тактике казаков и землепроходцев. «Реки Урала и Сибири во многом определяли направление русских завоевательных и колонизационных потоков не только потому, что технически облегчали их продвижение вглубь континента, но и в силу того, что позволяли при переходе от леса к степи сформировать «подвижную структуру» безопасности (казачьи речные флотилии), способную к глубоким вторжениям в зоны сплошного враждебного окружения»*. Всего за 67 лет после начала похода Ермака русские землепроходцы по рекам и арктическим морям преодолели расстояние «навстреч солнца» до крайней точки Востока, которую обогнул в 1648 году Семен Дежнев.

ЗАСЕЧНАЯ ЧЕРТА

Важнейшая особенность исторической судьбы России и её геополитического устроения – расположение

мы не видим оснований отвергать этот рассказ: он удачно объясняет мотивы действий Ахмата и ложится в канву других стратегических операций Ивана III, неизменно включавших войну на реке. Было бы странно, если бы в минуту крайней опасности Иван не использовал инструментария речной войны. Впрочем, даже если признавать за этим рассказом лишь силу легенды, то это еще более проясняет русский стратегический архетип: в качестве успешного стратегического хода летописец видит именно операцию на реке.

* *Алексеев В.В. [и др.].* Азиатская Россия в геополитической и цивилизованной динамике, XVI-XX века. М., Наука, 2004, с. 29.

на границе лесной и степной зон, на границе Великой Степи. Тысячелетние противоборство со степняками вызвало к жизни множество мифов. С одной стороны, концепцию «щита Европы», восходящую к Пушкину и Блоку и уверенно принимаемую европейскими исследователями: «Судьба России, – отмечает Бродель, – долгое время была предопределена её приграничным положением: защищая Европу, она амортизировала удары, которые наносились со стороны Азии, что дорого ей обходилось»*. С другой стороны – миф о евразийской семье народов, в который якобы вступила Россия с монгольским нашествием – «вымышленное царство» от Южного Китая до Новогорода, мнимо предопределившее судьбу Евразии в противовес Европе.

На деле, ни о каком братстве говорить не приходилось от битвы на Калке в 1232 году до сожжения Алексина в 1472 по источникам насчитывается 132 ордынских похода на Русь**. Столь же безосновательна и гипотеза о «щите». Русские спасали самих себя, а не «Европу». Европе в лице польско-литовского государства доставалось от татарских набегов не меньше, вплоть до того, что одно время польские короли признавали себя вассалами крымских ханов за Киев. А главное защищаться приходилось прежде всего от Европы. Спусковым механизмом, запустившим маховик непрерывных набегов стало появление генуэзской колонии

* *Бродель.* Грамматика… с. 502.

** *Селезнев Ю.В.* Русско-ордынские конфликты XIII-XV веков. Справочник. М., Квадрига, 2010.

в Каффе, откуда дорогой живой товар отправлялся в итальянские и французские города.

В 1465 году одна флорентийская синьора в письме к сыну со знанием дела рассуждает о сортах рабов: «Мне пришло на мысль, что раз ты женишься, тебе необходимо будет взять рабыню... Если ты имеешь это намерение, напиши какую. Какую-либо татарку, которые все выносливы в работе, или черкешенку, отличающуюся, как и все ее соплеменницы, здоровьем и силой, или русскую, то есть из России, которые выдаются красотой и сложением»*.

Большое количество русских рабов поглощала Золотая Орда. А со становлением Османской Империи для работорговли открылся её огромный консолидированный рынок. И Орда, и Казанское ханство и, в еще большей степени, Крымское ханство были, прежде всего, колоссальными работорговыми предприятиями, высасывавшими из русского народа значительную часть человеческих ресурсов. Борьба России со степняками была не каким-то империалистическим и колонизационным предприятием, а прежде всего попыткой остановить это постоянное кровотечение, как мало что еще предопределявшее пресловутое «отставание» России в области развития производительных сил.

Если на Севере и в Сибири Россия наступала, то на Юге – трудно оборонялась и в этой борьбе выработался уникальный институт русской цивилизации,

* *Полубояринова М.Д.* Русские люди в Золотой Орде. М., 1978, с. 40.

изменивший ход мировой истории – Засечная черта. Цивилизация не раз и не два пыталась отгородиться от варварства – от Вала Адриана и всей системы римского «лимеса» и Великой Китайской стены и до вымышленной Стены в «Игре престолов» и проектируемой «Стены Трампа» между США и Мексикой. Поскольку в основе всех этих проектов лежал принцип «преграждения пути», они рано или поздно оказывались не слишком успешными и не смогли защитить ни Рим, ни Китай.

Засечная черта представляла собой систему динамической защиты. «Лесные завалы – засеки только восполняли и смыкали естественные препятствия местности – реки, озера, болота, овраги и т.д. чередуясь с частиками – частоколами, надолбами, земляными валами и рвами в безлесных промежутках»*. Засеки заполняли пространство между крепостями и острогами в которых сосредотачивались гарнизоны – силы стрельцов, дворян и казаков. «А крепости всякие крепки бывают людьми, а без людей никакая крепость ненадежна»**.

Черта работала не как стена, а как ловушка. Разумеется было невозможно отследить неприкосновенность тысяч километров преграды. Задачей черт было направить набеги степняков по немногим заранее известным маршрутам тщательно сохраняемых татарских проломов и постараться перехватить их на об-

* *Яковлев А.* Засечная черта Московского государства в XVII в. М., 1916, с. 15.

** *Там же* с.13.

ратном пути, отобрав весь полон. Засечная черта была обращена как на юг, так и на север, работая как *капкан* на хищника*.

Засечная черта была сложнейшей гибкой оборонительной системой, плодом того государственного единства, самодержавной централизации, без которой Россия вряд ли смогла бы существовать. Требовалось мобилизовать трудовые ресурсы, разработать план строительства и последующей охраны укреплений от растаскивания, требовалась постоянная бюрократическая работа Разряда по организации сторожевой службы. И над всем этим главенствовала мысль о единстве державы: «велено тебе лесной завал учинить и в засечных воротах острог и башня поставить, и всякими крепостьми засеку укрепить для бережения всево Московского государства, а не для девяти деревень» – выговаривала грамота Разряда проштрафившемуся воеводе**.

Но сковывающая сила государства – это одна сторона вопроса. Засечная черта не сработала бы без непрестанного упругого потока народной колонизации. Крестьяне, казаки, гулящие, беглые стремились селиться на черноземной степной границе несмотря на постоянные татарские набеги и непрерывную игру

---

* Вот картина еще из того времени, когда сплошной черты не существовало и засеки приходилось делать ad hoc, но они были столь же эффективны. Летопись рассказывает об отбитии набега татар на Тулу в 1518 году: «Татарове послышав великого князя воевод, скоро возвратишася; а наперед их зайдоша по лесом пешие многие люди украйные да им дороги засекоша и многих татар побиша, а иные многие татарове по реком истопоша» (*Там же,* с. 18).

** *Там же,* с. 286.

с пленом и смертью. «Есть что-то чудесное – замечал академик М.Н. Тихомиров – в заселении обширных южнорусских степей, подвергавшихся постоянным набегам татар» [*]. Лучше понять это чудо мы сможем обратившись к обсуждению русского аффективного строя, того, что можно считать доминантой русского национального характера.

«РУССКИЙ АФФЕКТ»: ОБИДА

Норберт Элиас рассматривал процесс цивилизации как постепенное установление контроля над аффектами[**]. Цивилизация – это вежливость. Для того, чтобы исследовать этот процесс он в деталях изучил эволюцию застольных манер, правила поведения в обществе, то как постепенно убирались с глаз долой грязные и агрессивные проявления человеческой натуры.

Особенно впечатляющую и неочевидную эволюцию проделали застольные манеры, связанные с употреблением мяса: место руки и ножа заняла вилка (пришедшая, кстати, из Византии), – специальное устройство, имитирующее не оружие, а руку. На застольные манипуляции с ножом наложен был

* *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI столетии. М., 1962, с. 418.

** *Элиас, Норберт.* О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. тт. I-II. М.-СПб.: Университетская книга, 2001.

все более жесткий запрет, хотя даже при встрече с цивилизованными гостями с Запада китайцы умозаключили: «европейцы – варвары, они едят мечами»*.

В этом маленьком примере столкновения цивилизаций отражается более общая проблема европейского цивилизационного процесса – он был прежде всего трансформацией чрезвычайно повышенной агрессивности, характерной в особенности для германских народов в эпоху великого переселения народов. Ключевым аффектом западных народов было оскорбление, – агрессия, проявляемая для установления иерархии, причем с выраженным элементом сексуального доминирования. Кто имеет право оскорблять, тот господин, кто не имеет, тот раб и серв. Равный не может спустить оскорбления равному.

Долгие столетия понадобились для того, чтобы решить эту проблему, приучив европейцев к вежливости, воздержанию от оскорбительное поведения. И эта вежливость уже перетекает в абсурдные формы политкорректности. Атмосфера агрессии убиралась из общества через создание суперагрессора – централизованной власти государства, имеющего монополию на насилие и не терпящего конкурентов.

Для нашей цивилизации обуздание агрессивных аффектов никогда не представляло какой-то кардинальной проблемы. Вежливость осваивается русским довольно легко, а подавление символики агрессии, изъятие ее из повседневности, происходит как бы

* *Там же,* с. 193.

само собой. Достаточно вспомнить, что на европейских празднествах XIX века на смену цельным тушам и большим кускам животных пришла так называемая «русская разделка», произведенная заранее, на кухне и освобождавшая застолье от всякой ассоциации с убийством.

В то же время русский эмоциональный строй так же чрезвычайно аффективен. Но в его центре лежит не фигура оскорбления, а фигура *обиды**. Обида – это такое проявление негативного отношения, которое не обязательно носит насильственный характер, не выстраивает некоего иерархического отношения власти и подчинения, и ведет не к конфликту, не к «дуэли» а напротив – к максимальному эмоциональному и физическому отдалению участников конфликта друг от друга. Если участники социальной системы, где доминирует аффект оскорбления непрерывно «наскакивают» друг на друга и пытаются опытным путем установить отношения власти, то участники системы, где доминирует аффект обиды отталкиваются друг от друга вплоть до полной социальной диссоциации.

Обида рассматривается как несправедливость, обделение, присвоение чужой доли и ведет к ослаблению единства. Именно разрыв социальной ткани благодаря обиде и является той главной тревогой, которая заложена в русской цивилизации.

Вспомним основные идеи «Слова о полку Игореве» – в основе распрей князей, ведущих к нарушению

* Подробней см. *Холмогоров Е.С.* «Русский аффект». Оскорбление и обида // На пространствах империи: традиция, история, культура. М.: Институт динамического консерватизма, 2012, сс. 72-91.

единства и угрозе погибели Русской Земли – именно Обида. Вражеское нашествие и разорение Земли оказывается непосредственным плодом Обиды.

«Въстала Обида въ силахъ Даждьбожя внука,
въступила девою на землю Трояню,
въсплескала лебедиными крылы
на синемъ море у Дону,
плещучи, упуди жирня времена.
Усобиця княземъ на поганыя погыбе,
рекоста бо братъ брату: «Се мое, а то мое же»,
и начяшя князи про малое «Се великое» мълвити,
а сами на себе крамолу ковати
а поганіи съ всехъ странъ прихождаху
съ победами на землю Русьскую».

Та проблема, с которой сталкивается русская цивилизация на своем пути – это преодоление обиды, стимуляция, а в некотором смысле и принуждение к социальности. Русский мир надо тем или иным путем остановить в его разбегании, пространственном и моральном, пробудить от пассивности и «нежелания иметь дело», сплотить в некоем общем социальном действии.

Именно по этой причине такую огромную роль в русской картине мира играют такие категории как единство, справедливость, терпение. Постоянный страстный поиск русскими единства – не плод мнимого «холизма», якобы присущего русской цивилизации

в противоположность западному индивидуализму, а напротив – следствие дефицита единства и преобладание разрывов и обид над связями.

Поскольку в основе обиды чаще всего лежит несправедливость, неуважение, присвоение чужой доли, отсюда обостренная постановка вопроса о справедливости, возникновение всевозможных механизмов имущественного поравнения и передела, идущих часто вопреки хозяйственной эффективности. Перед нами не рыночная неэффективность, якобы по природе присущая русской цивилизации, а страх перед теми аффективными механизмами обиды, которые могут всё обнулить.

И отсюда же русское понимание терпения как выдающейся добродетели. Оно связано не с отсутствием достоинства, а с сознательным социальным обузданием нетерпеливости, страстности, социального нигилизма. Навык к терпению обид и смирению без социального разрыва так же важен для функционирования русской цивилизации как навык удерживаться от оскорблений и агрессивного вызова для человека цивилизации западной.

ОХОТА К ПЕРЕМЕНЕ МЕСТ

Плодом «Русского аффекта» является исключительно высокая подвижность русского этноса. Как от-

мечает этнограф Татьяна Щепанская в своей работе о мифоритуальном восприятии дороги в русской культуре: *«Русские – движущийся этнос с самосознанием оседлого»*[*]. Несмотря на свой городской и сельский строй, привязывающий к месту сложный аграрный быт, культурные институты, присущие только оседлым обществам, русский этнос чрезвычайно подвижен и это является одной из его важных цивилизационных характеристик, без которой Россия вряд ли бы оказалась первой по площади страной мира.

Русский обладает всеми свойствами осёдлости. И русскому же всё время приходится перемещаться – и как личности, и как носителю национальной судьбы. Мы народ варягов и поморов, казаков и колонистов, беглых и ссыльнопоселенцев. Редкий русский, родившись в одном населенном пункте, в нём же и отдает Богу душу. Но каждую секунду своего дорожного бытия он стремится к дому, к его прочности и обустройству.

В этой функциональной устремленности русской души к дому, бесконечно движущейся по гиперболе и никогда вполне дома не достигающей, суть русской исторической драмы.

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?

---

* *Щепанская Т.Б.* Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX-XX вв. М.: Индрик, 2003, с. 8.

Не в наследственной берлоге,
Не средь отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть Господь судил...

Пространственное перемещение является базовой русской реакцией на обиду. Это с изумительной тонкостью отметил С.Т. Аксаков в самом начале своей «Семейной хроники». Побудительной причиной к переселению Богрова-деда на уфимскую окраину, к «башкирцам», оказывается нежелание жить в тесном мирке мелкопоместных кляуз и обид между родичами*.

И тот же механизм мы видим во всем ходе русской колонизации – нежелание терпеть обиды на определенном месте, легкое переселение на окраину, колонизация этой окраины и превращение её в часть русского государства – дальнейшее переселение подальше от обид. Введением крепостничества Российскому государству, столкнувшемуся в эпоху Смуты с демографическими последствиями массового переселения с Севера на новозавоеванные земли по Вол-

* «Тесно стало моему дедушке жить в Симбирской губернии, в родовой отчине своей, жалованной предкам его от царей московских; тесно стало ему не потому, чтоб в самом деле было тесно, чтоб недоставало лесу, пашни, лугов и других угодьев, – всего находилось в излишестве, – а потому, что отчина, вполне еще прадеду его принадлежавшая, сделалась разнопоместною... уже четверо чужих хозяев имели право на общее владение неразмежеванною землею, – и дедушке моему, нетерпеливому, вспыльчивому, прямому и ненавидящему домашние кляузы, сделалась такая жизнь несносною. С некоторого времени стал он часто слышать об Уфимском наместничестве, о неизмеримом пространстве земель, угодьях, привольях, неописанном изобилии дичи и рыбы и всех плодов земных, о легком способе приобретать целые области за самые ничтожные деньги...» (*Аксаков С.Т.* Собрание сочинений в пяти томах. М., 1966, с. 57).

ге, пришлось драконовскими мерами угасить броуновское движение народа, практически не видевшего границ своей державы и готового рискуя идти в дальний путь. Но и после этого закрепощения поток желающих попытать счастья в Сибири, Новороссии, на Кавказе, в оказавшемся совсем недалеким Туркестане не иссякает.

Этнолог С.В. Лурье называет это движение «игрой в кошки мышки» народа с государством*. Если русские бегут туда, где государства еще нет, то они считают, что раз мы здесь живем, то значит тут Россия. И вслед за ними приходит государство, которое не возвращает беглецов, а разрешает им жить на новом месте по заведенным ими правилам. И наоборот, если где-то государство появилось, а русских еще нет, – значит скоро будут, и в немалом числе. И эта новозаселенная земля считается Русской Землей. Классическим примером такого народного расширения государства является история присоединения Бухтарминской волости по горноалтайскому притоку Иртыша Бухтарме в

---

* «Бегство народа от государства выливалось по сути в выполнение важнейшей по тем временам государственной функции – колонизации новых земель. "Нигде русское движение не было исключительно военным, но всегда всюду вместе с тем и земледельческим". В большинстве регионов империи применялся один и тот же метод – "продвигаясь вперед, мы заселяли русскими людьми наш тыл". Однако в большинстве случаев слово “заселяли” мало отражает суть вещей. При всей важности для государства народной колонизации, шла словно бы игра в "кошки-мышки". Вплоть до XX века переселенцы тайком бежали с родины, тайком пробирались в Сибирь по неудобным путям сообщения"... Однако напор колонизационного движения кажется поистине удивительным. Так, "первые крестьянские просьбы о поселении в Сыр-Дарьинской области относятся еще к 1868 году" – году завоевания (*Лурье С.В.* Историческая этнология. М.: Аспект-Пресс, 1998, с. 162).

конце XVIII века. Именно от этой народной аннексии и ведет, видимо свое начало, легенда о Беловодье*.

Колонизационный бег, охватывающий время с середины XVI по начало XX столетия, составляет, наверное, одно из самых впечатляющих достижений русской цивилизации, здесь наш «пространственный аффект» рационализирован просто идеально.

Если на макроисторическом уровне пространственный аффект задает впечатляющую модель народной колонизации, то на микроуровне он порождает характерную для русских модель расселения: малодворную деревню. Именно деревня из одного-двух-трех дворов, отделенная от другой непроходимыми лесами, а связанная лишь узкой лентой реки – норма для русского культурного типа.

К сожалению, в XX веке эта традиционная русская модель расселения стала жертвой уничтожения, практически равнозначного геноциду. Хрущевская кампании «ликвидации неперспективных деревень» привела к уничтожению десятков тысяч поселений, сгону их жителей в уродливые поселки городского типа, где большинство их них не удержались и либо переехали в крупные города, либо стали жертвами социальной деградации**. Естественная модель адаптации русских,

---

* *Чистов К.В.* Русская народная утопия (генезис и функция социально-утопических легенд). СПб.: Дмитрий Буланин, 2011, сс. 261-262.

** «В северной и центральной России, где большое число малодворных деревень было признано неперспективными, запрещалось строительство жилых домов, поощрялось переселение семей на центральную усадьбу. Эти мероприятия привели к разорению и запустению многих мелких селений, способствовали миграции сельского населения в город, пагубно отразились на развитии экономики сельского хозяйства» (Русские. М.: Наука, 2005, с. 233).

носящая как экологический, так и психологический характер, была разрушена и начался коллапс всей системы расселения, приведший к трансформации Москвы в нежизнеспособный гигаполис.

Сегодня мы перед вызовом двуединого разрушительного процесса – территориального коллапса России, резкого сжатия ее территории в 1991 году, так противоречащего колонизационной установке русской цивилизации, и коллапса системы расселения, который душит привыкшего к вольному поселению русского системой гигаполисов. И если в первом наметился уже с воссоединением Крым определенный перелом – Россия вновь расширяется, а не сжимается, то со вторым вызовом еще только предстоит справиться.

ОТ ЗЕМНОГО РАЯ К СВЯТОЙ РУСИ

Один из скрытых архетипов, управляющих русской подвижностью, – это уверенность в существовании Рая на Земле. Не как утопического «проекта», но как благодатного пространства явления Силы Божией.

Еще в XIV веке новгородский архиепископ Василий уверял сомневавшегося тверского епископа Федора, что земной Рай существует. Новгородский владыка убеждает тверского собрата в том, что Рай – это не не-

кое чисто духовное место, а реальный сад на Востоке, и что новгородские мореплаватели были занесены ветром к высоким горам, за которыми лежал Рай, за горами был необычайный свет, оттуда слышались радостные голоса, а сверху к ним подходила небесная твердь. Так что русский Рай он, одновременно, и где-то далеко, за тонкой духовной гранью, но все-таки в пространстве, к нему можно физически перемещаться (характерно, что Рай у новгородского владыки оказался на Севере).

В этом образе нетрудно увидеть и град Китеж*, и страну Беловодье, которую искали старообрядцы**. Град в одних вариантах легенды просто становится невидим, в других, покрывается горами и лесами, в-третьих, пожалуй, – самых поэтичных, – уходит на дно озера Светлояр.

Мотив «бегства в поисках невидимого града», становится в русской культуре одним из основных, будучи еще одной формой преобразования изначального русского аффекта. Здесь утеканию ставится высшая духовная цель. И, что характерно, русский, когда бежит, бежит не из царства, а напротив, – в подлин-

---

* «Иже на конец века сего чудо явися невидим град бысть, якоже и в прежнием времена бысть много монастырей не видимы быша... и сей град большой Китеж невидим бысть и покровен рукой Божиею...» Повесть – призывна, агитационна... Она зовет человека с нераздвоенным умом и верою неизменною, бесповоротно решившегося стать насельником Китежа, идти в него, обещая благоутешное пристанище...» (*Клибанов А.И.* Народная социальная утопия в России. М., 1977, с. 220).

** «Расположено Беловодье за высокими горами на краю земли... Жители Беловодья живут на 70 больших островах, «а малых и исчислить невозможно»... «А тамо антихрист не может быть и не будет» (*Чистов.* Русская народная утопия... сс. 274-275).

ное мистическое царство, в Град Китеж, в Беловодье, в Небесный Иерусалим. Он уходит от мира, но в свой, русский высший мир.

Наиболее впечатляющим примером «русского бегства» стала монастырская колонизация Русского Севера, когда именно взыскующие вышнего града монахи пустынники были главной движущей силой хозяйственного и политического освоения громадных просторов.

Сами святые старцы, называли свое перемещение в леса бегством в Пустыню, а Северная Русь получила название Северной Фиваиды. Однако сравним эту Северную Фиваиду с первоначальной Фиваидой – египетской пустыней в районе Фив. Туда, в пустыню, египетские монахи убегали от мира, однако на месте немедленно сбивались в большие и малые политические сообщества, бывшие своеобразными констелляциями частных воль, хотений, недостатков, преодолеваемых через монашество. Описания жизни египетских отцов – «Патерики», это картина ярких человеческих характеров и забавных жанровых сценок.

Русские монастыри почковались один от другого, сохраняя заданный преподобным Сергием Радонежским свой общежительный характер. Из старого монастыря уходил один монах, вокруг него собирались еще несколько, затем вокруг монастыря складывалось село или даже город, – и вот уже прибежище пустынника становится центром цивилизации на обширном пространстве. Но речь идет не просто о включении

заповедных лесов и полей в новую церковную и хозяйственную структуру монастыря. Речь о вторжении в обычную жизнь чуда – «среди заповедного леса появлялся святой, и все естественные законы бытия начинали нарушаться»*. Там, где основатели Пошехонского монастыря ставят на дерево икону, – рыбаки ловят двух необычайно больших щук и оставляют одну из них под деревом преподобным. Нежданно обретя пропитание преп. Адриан Пошехонский молится: «Мы, рабы Твои, искали в этом диком лесу высочайшего места, где нам поселиться. Ты же, Царица, захотела на этом естественном месте быть и нам помогать, послав хлеб и рыбу»**.

Чудо может не только улучшить, но и ухудшить среду. Народная легенда о преп. Александре Ошевенском приписывает святому, изгнанному мужиками из деревни Холуй, своеобразное проклятие: «Живите у воды, но без воды» с которым связывается пересыхание реки, наполняющейся лишь в половодье***.

Если народная утопическая колонизация – это бег в поиске сверхъестественных мест, то колонизация монашеская, – это преобразование естественного места, преобразование его посредством молитвы и чуда, сакрализация пространства. Это парадоксальное освоение, цивилизацией пространства через бегство

---

* *Романенко, Елена.* Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М.: Молодая гвардия, 2002, с. 12

** *Там же,* с. 13.

*** *Мороз А.Б.* Святые русского Севера. Народная агиография. М.: ОГИ, 2009, сс. 142-202.

от мира, неудержимо длилось три столетия, XIV, XV и XVI и создало значительную часть хозяйственного и культурного потенциала Европейской части России, создало русский мир. Монастырь и давал бежать, освобождал первичный русский аффект, и, в то же время, сковывал, накладывал на это бегство жесткую дисциплину высокой духовной цели.

В итоге, достигнув концов земли, русский поиск Рая остановился на том, что сама Русь и есть Святая Земля, не как почва, конечно, но как сонм святых, искавших спасения на этой земле. Небесная Церковь в русском сознании пространственно соединена с земной, образуя Святую Русь – удивительное единство посюсторонней жизненной реальности и богопросветленного тонкого мира.

Практически каждый уголок Русской Земли присутствием святых поднят на высоту Рая – в этом реализуется православное паламитское учение о благодати как реальном божественном присутствии в материальном мире. Небесная и Земная Церковь в православном миропонимании едины и находятся в постоянном взаимном общении.

Если в географическом плане Россия – это переплетение рек, то в духовном – это наложение пространств где проходили жизнь и подвиг русских святых. Практически каждый аспект русской цивилизации может быть представлен через его осуществление святыми – прославленными и непрославленными. У нас есть агиополитика – воздействие святых

и святынь на политические процессы, агиолитература и агиоискусство – вклад святых в развитие русской словесности и иконописи. Даже страшное дело войны освящено решающим вкладом святых – от Александра Невского до адмирала Ушакова.

Пронизанность русской цивилизации идеей святости есть не форма самовосхваления, а строгий вывод из сочетания реальной всеохватывающей деятельности святых и критериев церковной канонизации и народного почитания. Хотя, конечно, этот аспект цивилизации может и профанироваться, когда не святость берется за образец, а напротив – каждого выдающегося человека, даже порой и тирана, норовят объявить святым.

КУЛЬТУРНЫЙ УНИВЕРСАЛИЗМ: ВИЗАНТИЙСКИЙ ПАРАДОКС

Достоевский однажды заявил в споре французскому дипломату: «Мы обладаем гением всех народов, и сверх того русским гением. Вот почему мы в состоянии понять вас, а вы нас – нет»*. Именно это превосходство русских в понимании, благодаря которому мы понимаем чуждую культуру, оставаясь непоняты-

* *Гроссман, Леонид.* Достоевский – реакционер. М.: Common place, 2015, с. 109.

ми иностранцами, Достоевский и называл всемирной отзывчивостью. И нет ничего более противоречащего его идее, чем превращать ее в сентиментальный компот: мол русские всех понимают, принимают и жалеют, у них нет ничего своего. Напротив, особенность русской культуры – познавать оставаясь непознанным.

Русская культура чрезвычайно амбициозна. Мы стремимся к достижениям и признанию во всех сферах – проза, музыка и балет (что нам дается легко), поэзия, живопись, скульптура, театр, опера, кино (что дается несколько труднее, но все равно везде мы так или иначе первые). Находящаяся регулярно в тяжелых экономических и военных обстоятельствах Россия продолжает любой ценой поддерживать свои обширные культурные притязания. Именно эта черта маркирует нас как цивилизацию, а не просто как одну из наций Запада. Англичане не переживают из-за слабости своей классической музыки, немцы не рвутся любой ценой к признанию своей живописи.

При этом то, что Россия смотрится в Запад как в зеркало, совершенно нормально – перед нами две европейских цивилизации-сестры, базирующихся на общем античном наследии. Романо-кельто-германский Запад и эллино-византо-славянская Россия. От Византии Россия получила не только Православие, но и полный культурный комплекс в стопроцентной готовности, который сэкономил тысячелетия фазового отставания от ядра Западной Европы. Реймсу, когда

в нем был построен великий собор – было 1200 лет, Владимиру – 200 лет.

Через эту тысячелетнюю пропасть мы шагнули благодаря Византии и именно византийскому Христианству. Византийское наследство – не то, что тянет нас назад, а то, что двинуло нас на тысячу лет вперед. Херсонес – та географически-смысловая точка, которая объединяет нас с Византией и Древней Грецией, одним махом увеличивая продолжительность нашей истории на 1000 лет.

Именно в византийской трансляции культуры мы и находим разгадку парадокса русского культурного универсализма. Россия получила в готовом виде очень высокую, сложную и развитую культуру вместе с религией и набором символических кодов. При этом материальная база для столь сложной культуры была в России явно недостаточна. В бедной и малонаселенной стране поддерживать такую сложность казалось было невозможно.

Воздействие Византии на русскую цивилизацию состояло в том, что она задала саму матрицу цивилизации, понятие о цивилизованной жизни как таковой. Эта матрица изрядно противоречила условиям среды – огромным редконаселенным равнинным лесным пространствам, пронизанным реками в очень холодном климате, – вместо средиземноморского мегаполиса окруженного горными массивами в жарком климате. Эта матрица изрядно противоречила аффективному строю русских – стремлению растекаться,

жить малыми группами, при обиде – удаляться, потом удаляться еще дальше.

Результатом должно, казалось бы, стать противоречие, внутренний конфликт и разлад. Но не происходит ничего подобного – византийская цивилизация не только существует в этой казалось бы совершенно не подходящей среде, но и достигает новых высот. Русские строят огромные помпезные храмы посреди лесных дебрей. Не богато изукрашенные изнутри церквушки зажатые на тесных улочках среди мегаполисов – как греки. Не роскошные асимметричные соборы со скульптурой, которые невозможно рассмотреть целиком, слишком близко они облеплены домами, – как латиняне в эпоху готики. Русские строят помпезные экстерьерные храмы посреди лугов и чащ, на высоком речном берегу. Кому? Медведям? Ну в общем да, – медведям.

Русская цивилизация – это сложнейшая культурная система, заброшенная к медведям. По всем «законам эволюции» она должна упроститься. Вместо этого она изыскивает пути (включая страшные человеческие жертвы), чтобы функционировать в исходном очень сложном виде и любой доступный ресурс использует для поддержания сложности, а не для упрощающей адаптации. Русская цивилизация защищает свое разнообразие и сложность как ценность. И на каждый вызов отвечает еще большим усложнением.

Вопреки непрестанному народному движению, в русской культуре заложена установка на «духовную

оседлость» по прекрасному выражению писателя Дмитрия Данилова*. Культурная сложность является для нас самостоятельной важной ценностью.

ШАТРОВЫЙ ХРАМ: ЛЕСТВИЦА В НЕБО

Ни в чем культурное своеобразие Руси, одновременно продолжение и отход от византийского наследия не выразились с такой полнотой, как в феномене русской шатровой архитектуры. Архитектура – это всегда выражение символического представления о пространстве. И ни в чем специфичное для русской цивилизации восприятие пространства не выразилось с такой ясностью, как в идее шатрового храма-знака.

* Писатель рассказывает о целой системе народного сохранения памяти об И.С. Тургеневе на Орловской земле: «Оказывается, во времена советского музейного бума вся Орловская область оказалась покрыта сетью маленьких музеев и музейчиков. Они есть в каждом райцентре, во многих селах и даже деревнях. Везде, где ступала нога Тургенева, где он бывал в гостях, где охотился, – практически в любом подобном месте есть пусть совсем крошечный, но музей. Вся эта сеть сохранилась по сию пору.
По словам Людмилы Анатольевны, страсть к краеведению у орловцев в крови:
– … Принято у нас интересоваться историей родного края, такой у нас народ. И это создает атмосферу, я бы сказала, духовной оседлости. Люди живут на своей земле не только потому, что их держит здесь экономическая необходимость или они не могут никуда уехать, но и потому, что они знают и любят свою малую родину» (*Данилов, Дмитрий.* Двадцать городов. Попытка альтернативного краеведения. М.: Ил-music, 2016, сс. 184-185).

Столпообразная церковь святого Иоанна Лествичника в Кремле (1508), чьим возможным прототипом была колокольня Иосифо-Волоколамского монастыря (1495), церковь Вознесения в Коломенском (1532), собор Покрова на Рву (1555), церковь святого Иоанна Предтечи в Дьякове (середина XVI века), церковь Богоявления в селе Красном (1592) – всё это этапы развития оригинальной русской архитектурной идеи храма-знака.

В противоположность зажатым на тесных городских улицах экстерьерным византийским храмам, сосредоточенным по большей части на убранстве интерьера, древнерусский храм все больше эволюционирует от заданного греками образца к экстерьерности. Это не зажатый среди усадеб и лавок кусочек небесного мира, а храм-знак, храм-знамя и храм-знамение – светильник вверху горы, который свидетельствует о Божием присутствии в мире и об устремленности человека вверх, к высшему бытию.

В устремленности шатра к небу нет готической дерзости – это не порыв, это Лестница Иаковля, – вниз спускаются ангелы, наверх поднимаются святые. Очень хорошо это чувствуется в росписи шатра Покровской церкви в Александровой слободе – уникальный случай, когда шатер был расписан и тем самым его идея иконографически раскрыта. Эта роспись устроена так же, как «лествица» иконостаса: древнее и вневременное вверху – архангелы, праотцы, новое и историческое внизу – святые, апостолы, пророки. Шатер, как и иконостас, может быть прочитан и как

восхождение, и как нисхождение, но в любом случае – как включение окачествованного им пространства в Небесную Иерархию.

Не случайно русский шатер – чисто национальная архитектурная форма, не имеющая аналога нигде в мире, оказался столь сходен с ракетой. Здесь, несомненно, заложен фундаментальный для русской цивилизации символизм восприятия пространства. Русскость не устремлена к фиктивной бесконечности – она есть точечный прорыв в иное.

Непонимание Освальдом Шпенглером подлинного русского пространственного прасимвола, отрицание «какой-либо вертикальной тенденции» в русском мирочувствии – одна из самых крупных интеллектуальных неудач в «Закате Европы»*. В итоге эта неудача привела немецкого философа к формулировкам, которые сегодня звучат настоящей насмешкой над ним: «Русский астроном – ничего более противоестественного быть не может. Он просто не видит звезд»**.

---

* «Прасимвол русскости – бесконечная равнина, не находит пока твердого выражения как в религиозном, так и в архитектоническом отношении. Холмообразная церковная крыша почти не выделяется на фоне ландшафта, и торчат на ней шатровые коньки с «кокошником», маскирующие и нейтрализующие обращенность вверх. Они не возносятся подобно готическим башням, и не покрывают, подобно куполам мечети, но именно «торчат», подчеркивая этим горизонтальность строения, которому угодно быть на виду с исключительно внешней стороны. Когда Синод к 1670 году запретил шатровые крыши и предписал ортодоксальные луковицы, на тонкий цилиндр были насажены тяжелые купола, в каком угодно количестве «торчащие» на плоскости крыши» (*Шпенглер, Освальд.* Закат Европы. Т. 1. М.: Айрис-пресс, 2003, с. 248). Шпенглер, таким образом, принимает за еще не родившийся русский стиль то, что было результатом его разрушения.

** *Шпенглер, Освальд.* Закат Европы. Т. 2. М.: Айрис-пресс, 2003, с. 308.

На деле именно русская цивилизация первая оторвалась от земли и вышла в космос. Но еще ранее, именно русская мысль первой решилась обнародовать переход к неевклидовой геометрии (великий Гаусс установил все основные принципы неевклидовой геометрии, но до конца жизни боялся публично их обнародовать и отважный математик Лобачевский из Казани его опередил). Русское пространство очевидно изгибается там, где фаустовское пространство европейца движется по шаблонной экспоненте. Шатер русской церкви, одиноко стоящей на холме, это такая точка стяжения, выводящая в иное измерение, иной мир.

ОТ ЯРОСЛАВНЫ ДО ТАТЬЯНЫ

Одним из центральных образующих любую культуру элементов является архетипическое представление о взаимоотношениях мужчины и женщины. «Роль женщины всегда предстает как цивилизационная структура, как своеобразный тест, потому что в каждой цивилизации эта роль является долговременной реальностью, сопротивляющейся внешним воздействиям, с трудом изменяемой в относительно короткий отрезок времени»*.

* *Бродель.* Грамматика... с. 58.

Для западноевропейской цивилизации таким центральным мотивом является предание о супружеской измене, передаваемое во множестве вариантов: «Тристан и Изольда», предание о Ланселоте и Гвиневре, изощренный сюжет Зигфрида и Брюнхильды (адюльтер без адюльтера) многочисленные сюжеты куртуазной поэзии трубадуров.

Для провансальской поэзии, сформировавшей сам культурный код любви в западноевропейской культуре, важен именно образ Дамы – супруги сеньора, которая выступает объектом целомудренного, а порой и плотского восхищения и желания. Элиас это объясняет статусом такой женщины – куртуазный восторг, вежливость, нежность, всё это поведение подчиненного – трубадура, по отношению к госпоже. Не будь этих отношений господства и подчинения, никакой куртуазности и культа женщины по мнению Элиаса не выработалось бы*.

Но это лишь один подход к проблеме. С другой стороны, мы можем заметить, что постоянно воспроизводящаяся в западноевропейской культуре тема адюльтера является своеобразным способом осуществления индивидуальности женщины. Такая изменница как бы выступает за пределы отведенной ей обязательной социальной ниши хранительницы рода и очага и подчеркивает свою индивидуальность. Сущ-

* «Недоступность или труднодоступность желанной женщины, принудительное сдерживание влечений у социально зависимого мужчины, обязательные для него регулирование и сублимация влечений ведут к тому, что трудноосуществимые желания начинают обретать выражение в сновидческом языке поэзии» (*Элиас.* О процессе… т. II. С. 86).

ность европейского романа как манифестации западной цивилизации – в утверждении самостояния личности через ту или иную степень попрания половой морали с помощью романтической любви. Эта тема обретения индивидуальности через адюльтер может быть прослежена как центральная для западной цивилизации даже до сего дня, несмотря на ее малую актуальность в повседневной жизни в эпоху после сексуальной революции.

Традиционная русская культурная матрица выстроена от обратного. Супружеские измены, разврат, адюльтер, – всё это полностью исключено из литературы факта, к примеру историографии, и сведено к минимуму даже в нравоучительной литературе.

Святитель Григорий Турский в «Истории франков» во всех подробностях описывает грешную «галантную жизнь» королей-Меровингов. Напротив, мы не знаем от летописцев ничего о частной жизни русских государей от Владимира Святого и до Василия III (да и о последнем мы узнаем лишь в связи с разводом с Соломонией Сабуровой). Исключением являются лишь жизненные перипетии галицких князей – Ярослава Осмомысла и его сына Владимира – их галантные дела, обычные для любой европейской или византийской хроники, в русской летописи выглядят скандалом, вполне объяснимым положением Галича на крайнем западе русского мира, в пределах влияния соседских культурных кодов.

В ядре русских земель частная жизнь правителей, будь она хороша или дурна, покрыта этикетным мол-

чанием. Во всех русских летописях есть лишь одна «постельная сцена» – ревнующая Рогнеда пытается посягнуть на убийство мужа. То есть и здесь адюльтер появляется в сюжете только в ключе его отрицания. Это ни в коем случае не говорит о реальном поведении людей той эпохи, но очень многое – о культурном стандарте*.

Способом личностного самоутверждения женщины оказывается не измена, но верность. Поэтому образ сильной женщин, проявившей свою личность, – это, прежде всего, вдова, как княгиня Ольга, входящая в историю местью за мужа, или решительная Марфа Борецкая, пытающаяся править Новгородом и противостоять Москве после смерти мужа-посадника. Нарицательным женским образом в русской литературе становится Ярославна, тоскующая на стене в Путивле по томящемуся в плену Игорю, или верная Настасья Марковна протопопа Аввакума с её «ино еще побредем». Есть в русском эпосе и тема прямого отвержения адюльтера – история сватовства Алеши Поповича к Настасье Микулишне.

Классическим «антиадюльтерным» произведением древнерусской литературы выступает «Повесть о Петре и Февронии». «Есть что-то общее в деталях этой повести с западноевропейским средневековым повествованием о Тристане и Изольде» – отмечает

* Еще раз подчеркну, что речь идет о культурных образцах, а не о повседневном поведении, которое может от этих образцов значительно отличаться. Реальные сексуальные практики русского средневековья нашли отражение, к примеру, в покаянных книгах, исследованных в монографии *В.Ю. Лещенко.* Русская семья (XI-XIX вв.). СПб., 2004, сс. 229-247.

академик Д.С. Лихачев и проводит действительно немало сближающих параллелей*. Но при всем родстве двух произведений их противопоставляет главное: «Тристан и Изольда» – это трагическая история состоявшегося адюльтера, «Повесть о Петре и Февронии» – история адюльтера пресеченного, история о верности – верности жены мужу и необходимости верности своему слову, в которой убеждается князь Петр, попытавшись обмануть Февронию. История любви в древнерусской повести утверждается на верности, так же как в западноевропейской любовь утверждается через попрание верности.

Казалось, что послепетровская трансформация русской культуры должна была бы изменить этот культурный код, приведя её в соответствие с воцарившейся галантной атмосферой, перенесенной в Петербург из Версаля. Галантная поэзия и проза действительно появляются, и в большом количестве. Но когда дело доходит до большой формы и глубокого содержания русская классическая литература воспроизводит именно традиционный архетип: является пушкинская Татьяна, которая вопреки всей ожидаемой логике романа осуществляет себя через верность даже вопреки чувствам. Роман Пушкина заканчивается ровно там, где европейский метасюжет предполагал начало романа. Характерно, что подавленный аффект Онегина выражает себя в путешествии. Впрочем продолжение романа не удается, поскольку его центральным

* *Лихачев Д.С.* Великое наследие // Лихачев Д.С. Избранные работы в трех томах. Т. 2. Л., 1987, с. 275.

событием становится именно отвержение Татьяной Онегина.

Русская классика раз за разом предпринимает подходы к европейскому романтическому метасюжету и раз за разом терпит великую неудачу. Русский роман оказывается историей об отвергнутом адюльтере, несостоявшемся адюльтере, самоубийственном адюльтере – будь то «Гроза» Островского или «Анна Каренина». Роман Толстого оказывается шедевром русско-европейского литературного синтеза – безупречно исполненная в традициях европейского романа история адюльтера, и безупречно же воспроизведенный русский сценарий – адюльтер оказывается бессмысленным и самоубийственным, он не проявляет, а угашает личность героини. Если Эмма Бовари у Флобера запутывается во внешних обстоятельствах сопровождающих её поступок и гибнет из-за них, то толстовскую Анну убивает именно самоисчерпание, нравственный тупик её положения, рядом с которым торжествует гармоничная семья Левиных.

Лишь разрыв с традиционной русской культурой после революции открывает дорогу настоящим романам с европейским метасюжетом: «Тихий Дон», «Мастер и Маргарита», «Доктор Живаго» – во всех этих случаях писателю удается освободиться от Татьяны Лариной. Но не совсем. Аксинья гибнет от пули. Лару уносит к гибели водоворот гражданской войны. Маргарите и Мастеру находится лишь одно место – в тихом и тенистом уголке ада.

Но насколько устойчив даже этот зигзаг? Первое же обращение к традиции произошедшее в прозе деревенщиков восстанавливает почти летописное и житийное целомудрие. Настоящий маленький шедевр этого возвращения – «Уроки французского» Валентина Распутина, настоящая «анти-Лолита», история любви ученика и учительницы в которой нет и немыслима никакая «романтика». Поэтому говорить о том, что со всемирной сексуальной революцией русский метасюжет отошел в прошлое, окончательно уступив место западноевропейскому, я бы не торопился.

Соотношение Западной и Русской цивилизаций – двух цивилизаций античного корня может быть передано через отсылку к двум классическим эпосам. Западная цивилизация – это цивилизация «Илиады», истории о неверной Елене, нанесенном оскорблении и разразившейся из-за нее кровавой и героической войне. Русская цивилизация – это цивилизация «Одиссеи», история о перемещении, трудном пути домой и женской верности, воплощенной в фигуре Пенелопы, отвергшей все искушения и дождавшейся мужа.

Раздел III

ОСОБАЯ МИССИЯ РУССКОГО НАРОДА

Те, кто еще не так давно заявлял о «конце истории», связанном именно с геополитическим крахом России, переживают, должно быть, сильное удивление. Не только история возобновилась, но и Россия возвращается в ней на своё законное место.

Но гораздо важнее внешнего аспекта этой русской геополитической реставрации – восстановление нашего собственного национального и цивилизационного самосознания. В течение столетия оно было задавлено совместным гнетом большевистского интернационализма по формуле «только советская нация будет и только советской расы люди» и советски-либерального национального нигилизма, утверждавшего историческую неполноценность русского народа, его вторичность по сравнению с «прогрес-

сивными» нациями. Советская часть этой доктрины утверждала, что лишь в октябре 1917 русские обрели свою всемирно-историческую роль, состоящую в том, чтобы в процессе мировой революции самоупраздниться. Либеральная же часть так и вовсе навязывала нам представление о движении от ничтожества царских времен к ничтожеству большевизма.

Эта борьба либерального и советского нанайских мальчиков привела нашу национальную гордость к чудовищному положению, когда одни атаковали вообще любые исторические достижения русского народа, а другие, чтобы определенное достоинство за нами сохранить, соглашались связывать его прежде всего с советскими успехами или тем историческим наследием, которое разрешила в сильно убогом и усеченном виде иметь нам советская власть. И чтобы иметь свое национальное достоинство, нам приходилось непрерывно заниматься советской апологетикой, взявшей в заложники и победу над Гитлером, и космические достижения. Мол, ну никак не победить нам было фюрера и его вермахт без раскулачивания и расстрела царских офицеров. Мол, не бей чекисты С.П. Королева в тюрьме, то, видимо, и Гагарин бы на орбите не оказался.

Такого рода «национальная гордость» лишь немногим была лучше её отсутствия, поскольку Россия в этом разрезе воспринималась как страна убожества, нераскрытых талантов, тотальной исторической неудачи, исправленной лишь большевистскими докторами. Давалась подсознательная установка на то,

что русский человек может быть успешен лишь тогда, когда действует вопреки своему цивилизационному устроению и своей национальной природе. «Путь к успеху для русских лежит через отрицание русского», – так говорили и западники, и большевики, и нынешние либералы.

Но, кажется, сегодня мы постепенно исцеляемся от всех трех этих хворей: западнической, большевистской и либеральной. Мы осознаем русскую цивилизацию как особый культурно-исторический тип, как и завещал нам Н.Я. Данилевский (а Освальд Шпенглер пророчил русской культуре великое грядущее). И в этой связи встает вопрос о тех действительных всемирно-исторических достижениях русских, которые имели место на протяжении более чем тысячелетия нашей истории.

Я назову несколько таких достижений, а любознательный и увлеченный русской историей и культурой читатель наверняка сможет этот список продолжить.

САМАЯ СЕВЕРНАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Для русской цивилизации характерны уникальные достижения в освоении Севера. Если другие народы заглядывают за полярный круг ради спортивных достижений, то мы на Севере живем. Самый северный город миллионник – Санкт-Петербург, самый круп-

ный город за полярным кругом – Мурманск, самый северный стотысячник – Норильск, феномен Северного морского пути, обширные заселенные земли на севере с разнообразной хозяйственной активностью. Собственно, большая часть территории России, даже та, которая нами далеко не считается севером, расположена на крайнем севере с точки зрения западноевропейской цивилизации.

Когда представители Запада сталкиваются с русским северным феноменом, у них порой отказывает воображение. Характерен пример британского историка Фелипе Фернандеса Арместо, который начинает свою книгу «Цивилизации» с утверждения, что его восхищают те культуры, которые способны преодолеть гнет среды, а не подчиниться ему, но затем впадает в растерянность перед феноменом Норильска.

«В Норильске с его двухсоттысячным населением дома стоят на вечной мерзлоте на сваях, квартиры отапливаются 288 дней в году, постоянно приходится убирать снег, а «уличное освещение вчетверо ярче, чем в русских городах, расположенных южнее». Похоже, в определенных средах цивилизация – это иррациональная стратегия. И здесь лучше подчиниться природе, чем пытаться приспособить ее для нужд человека».

С точки зрения специалиста, исследовавшего десятки цивилизаций, русская цивилизация на севере – это нечто за гранью мыслимого. А мы так живем. И не просто живем: именно Россия «ввела в оборот» весь огромный территориальный комплекс, который мы теперь называем Сибирью. Большая его часть была

заселена лишь крайне малочисленными охотничьими народами, ни о какой цивилизации здесь нельзя было и думать. И появление на этой вечной мерзлоте городов, сельского хозяйства, промышленности, пространства для полноценной человеческой жизни – это чисто русское достижение, которого никому в мире повторить не удалось.

Упомянутый нами Арместо не так уж и не прав, когда, взяв себя в руки, пытается объективно оценить значение русских географических и колонизационных открытий.

«Морские империи, основанные западноевропейскими государствами по следам Колумба, Кабота и Васко да Гамы, исчезли. Поистине из всех европейских империй, основанных в начале современного периода, уцелела только Российская империя в Сибири; ее потенциал и сегодня далеко не освоен. И если космическому наблюдателю судьба Югры в 1490-е годы покажется более интересной, чем участь араваков или кои-кои, кто может сказать, что он не прав?»

При этом русская цивилизация не только не истощила себя в борьбе с Севером. Наша культура – одна из богатейших и разнообразнейших в мире, достигающих одинаково высоких результатов в музыке и литературе, живописи и спорте, инженерном деле и социальных науках. Если где-то русские еще не достигли предельных высот, то непременно достигнут. Причем наша способность к экстремальному освоению, экстремальным технологиям, та выработанная Севером нечувствительность к «невозможному» ста-

ли двигателем нашей цивилизации. Если бы некогда первый помор не двинулся в своем коче на Грумант и Новую Землю, то, конечно, и Гагарин не был бы первым в космосе.

В нашем движении на Север мы только в начале пути – Сибирь оказалась долгосрочной исторической ставкой. По мере размораживания Северного Ледовитого океана, очищающегося сейчас летом ото льда уже на большей части своей площади, этот океан обещает стать важнейшим «внутренним океаном» будущего. И снова дадим слово Арместо:

«Остался последний океан. Последнюю фазу океанической истории можно усмотреть в пересечении Арктики подводными лодками и в воздушных перелетах по большим окружностям Земли: если глобальная цивилизация действительно возникнет, я могу представить себе, что историки будущего опишут ее формирование на новых маршрутах, как это делали их предшественники на своих «домашних» океанах. Возможно, и Северный Ледовитый океан будет рассматриваться как домашний океан всего мира. Если так, будет доказана одна из основных тем этой книги: не существует окружения, в котором не может развиваться цивилизация».

Предварительные заделы русских по контролю за этим океаном просто великолепны. Долгое время страдавшая от отсутствия выхода к океанам и действительно не имевшая выхода к теплым морям, Россия может оказаться хозяйкой последнего океана. Наша историческая миссия еще далеко не исчерпана.

ПОБЕДА НАД СТЕПЬЮ

В течение тысячелетий Великая Степь в центре Евразии была генератором геополитической и культурной нестабильности, грандиозной миной, подведенной под цивилизации, расположившиеся по окраинам евразийского континента: Древнеевропейской (античной) и Новоевропейской, Византийской, Ближневосточной, Индийской, Китайской.

Любая нестабильность в Степи вызывала цепную реакцию перемещений кочевых народов, которые в конечном счете обрушивались на цивилизованных соседей с набегами и завоеваниями, причинявшими чудовищные разрушения. Сжигались города и монастыри, угонялись сотни тысяч пленников, парализовалось хозяйство, приходила в упадок культура. Без чудовищного давления варварского окружения невозможно понять медленность темпов и возвратные движения в истории, периоды темных веков и упадка.

Русской цивилизации, ставшей жертвой такого кочевого нашествия в эпоху монгольских завоеваний, принадлежала историческая миссия и честь покончить с этим генератором нестабильности, будем надеяться, навсегда. В течение столетий, начиная с Куликовской битвы и заканчивая взятием Геок-Тепе, русский народ вел борьбу со Степью, противопоставив кочевой стратегии собственную, речную контрстратегию. На ушкуях, стругах, кораблях, вооруженные пищалями

и пушками, приплывали русские по великим и малым рекам, запирали ключевые участки укрепленными острогами. На самых опасных участках воздвигались укрепления русских засечных черт и оборонительных линий, постепенно сведшие на нет кочевые набеги.

Действуя плечом к плечу, русские солдат, казак и крестьянин превратили огромное поле исторических возмущений в обустроенное пространство городов, речных и железных дорог, житницу и сад. И по мере того, как возрастала безопасность от нашествий, расцветала цивилизация как самой России, так и других нуждавшихся в обеспечении от кочевой угрозы народов и культур. Пока Россия твердо стоит на рубежах цивилизации, опасность варварского реванша из геополитических глубин Азии или из любого другого пространства ничтожна, что еще раз показала наша победа над очагом варварства, созданным американским гегемонизмом на территории Сирии и Ирака.

РАЗРУШИТЕЛИ ВАВИЛОНСКИХ БАШЕН

Еще один аспект всемирно-исторической роли русского народа – это то, что он раз за разом обрушивает схемы универсальной гегемонии, которые должны были бы подчинить человечество единому злому началу (то есть, по сути, антихристову началу).

Наполеоновская и гитлеровская империи столкнулись с тем, что геополитический паззл мирового господства не складывается без России. Оба совершили одну и ту же ошибку – попытались его закрыть за наш счет и этим себя погубили. Россия оказалась на страже мирового политического, культурного, цивилизационного разнообразия.

Причем это происходит не только в сфере реальной геополитики, но и в сфере мысли. Именно русский мыслитель Н.Я. Данилевский сформулировал доктрину множественности цивилизаций, теорию культурно-исторических типов, лежащую в основе современного исторического мышления. И эта философия легла в основу той реальной практической политики, которую осуществляет Россия.

В 1978 году в своей Гарвардской речи Александр Солженицын указал тогда еще внимательно прислушивавшемуся к нему Западу, что утопии о создании единого глобального мира по западному образцу – никчемны и опасны.

«Всякая древняя устоявшаяся самостоятельная культура, да ещё широкая по земной поверхности, уже составляет самостоятельный мир, полный загадок и неожиданностей для западного мышления. Таковы по меньшему счёту Китай, Индия, Мусульманский мир и Африка, если два последние можно с приближением рассматривать собранно. Такова была тысячу лет Россия, хотя западное мышление с систематической ошибкой отказывало ей в самостоятельности и потому никогда не понимало, как не понимает и сегодня».

С тех пор под пятой американской гегемонии здание либерального Глобального Мира поднялось на несколько этажей и сразу же пошло трещинами. И дело было не только в объективных дефектах конструкции, но и в осознанном сопротивлении России, так отчетливо прозвучавшем в 2007 году в «Мюнхенской речи». Россия отказалась от встраивания в глобальный порядок, решила осуществлять себя на основе своих собственных начал и не давать загонять в глобальный мир тех, кто близок и важен для них. И с тех пор исторический полюс России как защитницы многообразия исторических миров против секулярно-либерального глобалистского проекта лишь укреплялся.

Мы – разрушители вавилонских башен, которые пытаются сковать всё человечество порядком единого греха и единой сатанинской гордыни. Мы – камень преткновения на пути антихриста, и поэтому, конечно, не случайно перенесение на Россию святоотеческого представления о «катехоне» – той удерживающей силе, которая препятствует вхождению в мир антихриста.

ТРЕТИЙ РИМ, ВТОРАЯ ВИЗАНТИЯ И СВЯТАЯ РУСЬ

Огромно значение России как аутентичной продолжательницы одной из самых блистательных циви-

лизаций в человеческой истории – византийской, чей исторический путь был насильственно прерван взятием османами Константинополя в 1453 году. Огромный континуум исторического и духовного наследия, стилей и культурных практик одномоментно оказался осиротевшим, предназначенным на принудительное разъятие по западным музеям и библиотекам, как то случилось с Египтом или Ассирией.

Однако вместо этого Византия не только выжила, но и восторжествовала в лице России. И дело не только в иконописи, архитектуре, житиях святых или аскетической традиции. Дело, прежде всего, в центральном смысле византийской цивилизации, без которого она непостижима, – представлении о христианской империи как политической организации, обеспечивающей существование Православной Церкви и защищающей возможности человека по доступу ко спасению во Христе.

Несомненно, такое спасение возможно и вне политической организации и даже против неё, как доказали примеры римских и большевистских гонений, давших тысячи, десятки тысяч мучеников и новомучеников, не отрекшихся от Христа ни под какими пытками. Однако постоянное существование в таком героическом режиме возможно лишь для очень небольшого количества людей, что противоречит апостольскому принципу «умножения числа спасаемых». Для большого количества людей нужна «инфраструктура спасения», которую может обеспечить только обороняемая великим государством цивилизация.

Таковой и стала русская цивилизация, получив щит православного царства после падения Византии (причем греки последних столетий осознанно содействовали конструированию русского православного царства как преемника Второго Рима).

Государственность России с её суверенитетом, русская цивилизация с её самобытным устроением и национальное самосознание русского народа с его пониманием своей исторической преемственности – вот главная гарантия существования православия как светоча Христовой истины. И это не историческая случайность, не мнимое «ограничение Христа Россией», не беспочвенный национальный мессианизм. Это то историческое здание, которое выстроено действующим в истории Духом Святым, той силой, которая строит и Церковь Божию и осуществляет пути Провидения в христианском мире.

И когда мы говорим о Святой Руси, то мы не рассуждаем об особой магической святости почвы, мы говорим о том сообществе святых, усилиями которых и выстроена Русская Земля во прибежище, и поддержке других святых и спасаемых грешникам. Святая Русь – это то устойчивое состояние, та явленность Христа и Его истинной Церкви в мире, которая и оправдывает само продолжение хода мировой истории. А историческая энергия и традиция русского народа – это та гравитация, которая позволяет Небесной Церкви полноценно присутствовать на земле. Денационализируйся православие, стань оно «этнически нейтральным», позабудь о русской традиции, и оно оторвется

от земли, нарушится та лествица Иаковля, по которой на Небеса восходят и сходят для молитвенного заступничества земные ангелы. Православная Церковь рассыпется на отдельные гаснущие во тьме маячки, и Сын Человеческий, придя, уже не найдет веры на земле.

САМЫЕ ГЛАВНЫЕ ВОПРОСЫ

Наконец, еще одним всемирно-историческим достижением русского народа, его истории и культуры является постановка самых глубоких, самых последних вопросов о бытии. Феномен Достоевского, показавший меру глубины русской культуры, сам по себе оправдывает её место как важнейшего наследия человечества.

Достоевский – это та точка, в которой Россия непосредственно соприкасается с Вечностью. Вот Россия. Вот Вечность. Пограничников по случаю прибытия Фёдора Михайловича убрали. Именно здесь русская мысль поднимается на такие высоты, приобретает такую остроту, что может соперничать с самой Библией (не как замена, конечно, а как тот карлик, что встал на плечи гиганта).

Достоевский решился задать вопросы Богу, как задал их некогда праведный Иов, и показал то превосходство видения, которого не смог дать западный взгляд на Христианство, сформулированный некогда

Ансельмом Кентерберийским, а потому неизбежно уклонившийся в нынешнюю деградацию секуляризма. Этот западный взгляд состоит в следующем: грех есть преступление, страдание – это наказание. Наказание должно быть непременным, неотменимым и соответственным преступлению. Вся западная традиция права, лежащая в основе той цивилизации, базируется на этом фундаменте.

Но как быть с тем, спрашивает Достоевский, что в мире существует полно страданий, которые не являются платой ни за какой грех, являются чистым мучением и беспримесным мучительством? Очень часто мы видим, как мучится человек без всякого соразмерного его греха. И на этом фоне страдания людей за свои грехи теряют свою искупительную силу, поскольку так же мучатся и те, кто ничего не искупает, кого просто мучат. Гармонии не получается, поскольку объяснимые грехом мучения есть лишь незначительный частный случай мучений необъяснимых.

Запад предпочел услышать ответы фарисействующих друзей Иова, а не ответ Бога. Мол, нет никого без греха, как нет дыма без огня, если мучишься, значит виноват. На этой философии возросла «протестантская этика» Запада: если ты беден и несчастен, значит, грешен, а если богат и успешен, значит, от века призван Богом ко спасению. А там уже недалеко и до фашистской версии ницшеанства: если не хочешь страдать, то причиняй страдание, если не хочешь быть жертвой, будь охотником. Происходит освобождение от страдания через причинение страданий другим.

Достоевский вскрыл эту садистическую бездну, лежащую в основе греховного порядка человеческой жизни и канонизированную западным рационализмом. Его пафос – это пафос самой книги Иова, где, напомню, Господь обличает фарисействующих друзей Иова, рассуждающих о его мнимой «вине». Они мыслили о Боге недостойно, Иов же, призвавший Бога на суд и потребовавший отчета о невинном страдании, мыслил о Боге должно и праведно, как о том, кто не может и не должен допускать несправедливости мучительства в мире.

Достоевский устами своих героев задает достойные вопросы и слышит достойный ответ: невинное страдание в мире несправедливо и не может быть оправдано. И для того и приходит Христос в мир, чтобы как Сын Божий испить эту чашу неправедного страдания, для того и существуют христиане, чтобы осушить слезы и принести исцеление. Не казуистический расчет преступлений и наказаний, а живая сострадательная любовь, принесенная Христом, – вот единственный путь осушения слез ребенка. Именно поэтому Достоевский – самый христоцентричный писатель во всей мировой литературе. Он готов оказаться даже против «математически доказанной истины», если эта истина будет против Христа.

С вопросом об искуплении страдания у Достоевского тесно связан вопрос о человеческом достоинстве. «Человек – это звучит гордо» – присказка множества писателей и мыслителей и до, и после Достоевского. Столь же многих можно найти и с формулой,

что «Человек – это звучит низко». Иногда тот и другой тезис объединяются вместе, что ничтожный человек, отверженный, униженный и оскорбленный, может встать с колен и проявить истинно гордое, отважное и смелое в себе, доказать своё достоинство, поднятое из грязи и низости. Большая часть европейской литературы последних веков посвящена именно падению или восстанию человека. «Он жалок и грязен, но он тоже человек».

И только Достоевский поставил вопрос по-другому. А имеет ли человек достоинство в самой своей низости, гадости, подлости? Теряет ли он образ Божий, когда он пьяненький, перестает ли быть человеком в своей трусости, лжи и корысти? Является ли жалкий человек Человеком без трусливого «тоже»? Его князь Мышкин отвечает: «Да». Герой Достоевского утверждает в низком человеке доброе, даже когда оно перепутано с корыстным и гадким. Человек остается человеком не «несмотря на…». Он просто остается человеком. На эту предельную высоту подлинного гуманизма мог подняться только Достоевский, а в его лице – вся русская культура, пронизанная идеей освящающего человека божественного света, проникающего до самого дна ада.

Пасха не случайно оказалась в центре русского мировоззрения. Это не только радость о воскресении, о победе над смертью. Не случайно наша икона Воскресения – это «Сошествие во ад». Победа не над смертью одной, но над адом, над состоянием богооставленности и осужденности, восстановление человека из са-

мого жалкого и разбитого состояния до достоинства образа и подобия Божия. Восстановление не механическое, не юридическое, но нравственное и благодатное.

Нравится кому-то или нет, но ни одна другая известная нам в истории цивилизация не предложила идеала высшего, нежели этот, не сопрягла человека даже в самой униженности его образа и Бога в Его небесном сиянии с такой полнотой. И свидетельство об этой идее, об этом учении – конечно, важнейшая историческая миссия русского народа, из глубин души которого и поднялась эта мысль.

Сущность русской идеи – утверждение спасительной миссии Христианской Церкви на земле и возвышеннейшее понимание самого христианства, сотворение из грешника богочеловека, а не «киборга», в которого превращает его западная техногенная цивилизация. Ради утверждения этой идеи русский народ исполняет свою великую историческую миссию – не допускает становления антихристова миропорядка, искореняет варварство и делает обитаемой, казалось бы, совершенно непригодную для этого часть нашей планеты.

Раздел IV

РЕСТАВРАЦИЯ БУДУЩЕГО

Слишком долгое время Россия формировала своё будущее как антипрошлое. «До основанья, а затем…». Российский футуризм, будь то в петербургски-западнических, советских или постсоветски-либеральных формах, базировался на чудовищном нигилизме по отношению к прошлому, которое неизменно рассматривалось как убогое, постыдное, не вдохновляющее, позорное, подлежащее радикальному преодолению. И тем самым будущее наше искривлялось и обеднялось, так как только если корни прошедшего богаты, разнообразны и питательны, мы можем рассчитывать на пышную цветущую крону будущего. Мы же оказались подобны тем, кто обрубает корни деревьев, а потом удивляется облетающей увядшей листве.

Сегодня мы нуждаемся не столько в построении, не столько в проектировании, сколько в реставрации

будущего. В восстановлении тех пластов и горизонтов, которые были искусственно обрублены и утрачены в результате сотрясавших нас революций и переворотов, нигилистических по отношению к прошлой традиции. Мы должны вернуть себе то будущее, которое было утрачено, если не сказать – украдено, из-за нашего самоотчуждения.

Россия и русские пережили три большие волны самоотчуждения. Каждый раз известная часть русской цивилизации объявлялась отторженной и отречённой, предавалась проклятию и подвергалась истреблению. Перерубленные ветви переставали плодоносить, и на их месте воцарялась мерзость запустения или прививались иноземные дички.

Первое великое самоотчуждение – это двойной удар церковных реформ, приведших к расколу старообрядчества, и петровских культурных реформ. Мы фактически собственными руками разгромили свою национальную церковную, а затем и культурно-цивилизационную традицию, заменив её иноземными заимствованиями. Вместо локальной задачи усвоения научно-технического потенциала Европы мы поставили себе задачу не только усвоить всю европейскую цивилизацию, в том числе и в глубоко чуждых нам элементах, но и разгромить свою, а тех, кто сохранил верность русским началам, – вытеснить на обочину истории как гонимых отщепенцев.

Этот петровский псевдоморфоз русской культуры превратился в саднящую рану нашей национальной жизни. Каковая рана, впрочем, как у некоторых

моллюсков, из слез своих соткала жемчужину. Идея возвращения к себе стала центральной для новой русской культуры от Пушкина и славянофилов, через Достоевского и Мусоргского. Однако оставшись русской культурной утопией, которая иногда оказывала благотворное влияние и на дела общественные, задача общенационального возвращения к самобытному строю русской жизни так и не была никогда поставлена как государственная. Вот уже три с половиной столетия Российское государство находится когда в холодной, а когда и в горячей войне с основами русской культуры и цивилизации. И это делает наше будущее весьма смутным.

Второе великое самоотчуждение – коммунистическая революция, перепахавшая весь строй исторической России Гражданской войной и голодом, раскулачиванием и террором, созданием индустрии через рабский труд и возвышением разума через разрушение церквей и убийство священников. Общемировая тяга к социальной справедливости и равенству в распределении богатств приняла в навязанной нам революции форму безумной иноземной теории, которая многих сделала беднее и почти никого – богаче. Зато уничтожила естественную социальную ткань русского общества и прервала реально реализовывавшуюся виттевско-столыпинскую модернизационную программу. Когда утопия рухнула, вместе с нею едва не прекратилась и вся общественная жизнь вообще, мы докатились до тотальной социальной аномии. Да и промышленные богатства, создаваемые каторжным

трудом, оказались сами по себе нежизнеспособны, и скоро пропали разворованными и лишь малой толикой застряли в цепких когтях олигархов – завсегдатаев английских клубов.

XX век оказался для нас бездумным и бесполезным расточением народа вследствие отказа от продуманной естественной модели социального и экономического развития, и в ещё большей степени – вследствие торжества самого отчаянного национального нигилизма, когда торжествующая идеология объявила своим врагом уже не только русскую цивилизацию, но и русский народ как таковой, «народ угнетатель», «великодержавного держиморду». Административно-политические мероприятия направлялись на расчленение этого народа республиканскими границами. Социальные – на уничтожение его органической модели расселения «неперспективных» деревень, на затопление его сельскохозяйственных угодий. Культурные – на стирание значительной части его исторической памяти.

Разумеется, этому великому самоотчуждению тоже оказывалось отважное сопротивление, причём не только в белой эмиграции, но и в самой России – достаточно назвать имена Солженицына, Свиридова, писателей-деревенщиков, академика Шафаревича. В этом сопротивлении выработалась еще одна программа русской реставрации будущего – сбережение народа. Даже в тех малых толиках, в которых она реализуется в последние годы, она даёт огромные положительные результаты. Мы видим рост продолжитель-

ности жизни, падение пьянства, мы видим, как защищённое протекционистской политикой возвышается наше, казалось, вовсе умершее сельское хозяйство. Но до подлинно масштабной программы сбережения нам ещё очень далеко.

Наконец, третья волна великого русского самоотчуждения – это распад СССР, установление беловежских границ и проведение так называемых либеральных реформ. Здесь уже национальное самоотчуждение дошло до высшей степени – проповеди открытой русофобии едва ли не как государственной идеологии и уж точно идеологии «элиты», отрицания самого имени русского. Смердяковская мечта об оккупации России иностранщиной доведена была здесь до совокупности практических действий и программных слоганов. Стремление к истреблению неугодного народа дошло до проповеди о благодетельности массового вымирания «рыночно неэффективных масс».

Но самым характерным следствием третьего самоотчуждения стал территориальный, политический раскол русской нации. Не только были закреплены как политический факт большевистские эксперименты по созданию сепаратных украинского и белорусского народов, но и оставленные в звании русских великороссы были растресканы по административным границам СССР, внезапно превратившимся в межгосударственные. В самой России родилась безумная и абсурдная конструкция о «молодом государстве», ведущем отсчёт от декларации 1990 года, а к этому политическому младенцу услужливые асессоры и реги-

страторы тут же подогнали и его местечковый патриотизм, противопоставляющий русского в РФ как «россиянина» – русскому за пределами РФ как, допустим, «украинца» или «латыша», до которых нам якобы нет никакого дела. Если и есть что-то гнуснее расцветшей в наших редакциях и издательствах русофобии, так это подобный «беловежский патриотизм».

Уже даже внутри России обрисовались границы анклавов, в которых русским отведено было место дискриминируемого народа второго сорта, да и русский язык оказался обречённым на вытеснение. Оставленные на растерзание русофобским элитам сопредельных стран, русские превратились в обездоливаемых, преследуемых даже за слово на родном языке, насильственно ассимилируемых, угнетаемых, а во многих местах и убиваемых. Вся общечеловечность нового либерального порядка оказалась сведена к тому, чтобы русские отреклись от себя – отречься же от чего-то своего ради русских никто оказался не способен.

Но в сопротивление этому третьему великому самоотчуждению национальная почва породила и третью великую русскую возродительную идею – идею русского воссоединения. Это мысль о том, что расколотая нация должна не тем так другим путём воссоединиться в естественных для себя политических, экономических, культурных границах, что Москва должна стать средоточием центробежного, а не центростремительного движения на русском пространстве.

Итак, вот три великие возродительные идеи, которые должны помочь при реставрации нашего будуще-

го: русское воссоединение; сбережение народа и возвращение к себе. Почему мы можем думать, что они сегодня могут быть приняты на вооружение Российским государством, которое, в разных своих инкарнациях, как никто другой виновно в том, что эти идеи вообще сегодня надобны, что мы дошли до пределов самоотчуждения и самоотрицания?

Дело в том, что сегодня Российское государство впервые за три с половиной столетия свободно от чужебесия, свободно от утопической мировой идеи, которая требовала бы отречься, отказаться от русского во имя той или иной общечеловеческой фантазии. Сегодня мы в общем и целом выздоравливаем от джунглевого либерализма последней четверти столетия – мы видим, что никто в «мировом сообществе» не ждёт Россию с распростёртыми объятьями, и что за наше приспособленчество и за наше сопротивление платят равной ненавистью, только к приспособленчеству прибавляют ещё и презрение.

Крах коммунистической системы с очевидностью обнажил нежизнеспособность и этой, заимствованной у Запада, утопии, которая удержалась в том или ином виде лишь там, где была поставлена на крепкий фундамент самобытной национальности и цивилизации. Поскольку же русский коммунизм базировался на яростном отрицании русской же самобытности (ставить на него задним числом, посмертно, национальные заплатки смысла нет), то и принесённые ему неслыханные человеческие жертвы бессмысленны, а память об этих жертвах требует не того, чтобы рестав-

рировать погубившую их систему, а того, чтобы дать их потомкам то лучшее будущее, которого были достойны и предки.

Наконец, и от европоцентристской утопии, манившей Петра Великого, сегодня исцеляется не только Россия, но и весь мир. Человечество есть множество самобытных миров-цивилизаций, имеющих право на особый путь, особую культуру, особую идентичность. Запад есть момент во всемирной истории, но он не обладает универсальным секретом всеобщего счастья и единственным ключом к научному и техническому развитию. Мало того, на лице современного Запада мы всё явственней видим печать тяжёлого вырождения. Его ценности окукливаются в той извращённой форме, которая не может быть для нас приемлема. Несомненно, что между цивилизациями есть большая и меньшая степень родства, а потому к Европе мы исторически ближе, чем к Китаю, Индии или исламскому миру, но это близость самостоятельной исторической единицы, эллинско-византийски-славяно-русского цивилизационного потока, который не может быть сведён к вариации романо-германского, а большей частью и противостоит ему.

Итак, сегодня Россия как никогда близка к независимости от тех принципов чужебесия, которые трижды толкнули её к великому самоотчуждению. А значит, мы можем надеяться на то, что чаемая нами реставрация будущего, приведение нашей жизни к стандарту самобытного, зажиточного, наполненного духовно бытия, наконец, осуществится.

Мы видим Россию государством, соединившим в одной политической воле все раздробленные части русского народа и предоставляющим всем живущим на планете русским право на приобретение своего гражданства и репатриацию. Государство это связано с соседями, некогда входившими в русский исторический мир, гибкой системой политических и экономических союзов и влияний. Нигде и никто не смеет покушаться на право нашего народа на свой язык и культуру, никто не смеет дискриминировать его, так как резонно опасается незамедлительного и мощного ответа России.

Административно это государство устроено как равноправное федеративное государство, в котором устранена асимметрия национальных республик, устранены любые посягательства на верховенство русского языка. Федеративное же начало проявляется в развитии сильного земского самоуправления, решающего широкий круг вопросов, опираясь на волю местных граждан. Все субъекты Федерации имеют равный статус земель, именуемых по крупнейшим городам или историческим региональным названиям, но ни в коем случае не по мнимым «титульным нациям». Северные ресурсоносные районы, где собственное население незначительно и его состав текуч, выделяются в особые федеральные территории, статус которых исключает посягательство на их недра со стороны тех или иных локальных групп.

Русский язык утверждается в статусе единственного государственного и обязательного для знания

гражданами России, и всё школьное и университетское обучение ведётся только на нём. Для дополнительного углубления в русскую культуру учащимся преподаются курсы древнерусского языка и литературы. Местные родные языки изучаются с помощью господдержки на факультативной основе. Поддержка национальных культур осуществляется на основе закона о культурно-языковых автономиях, на основании тех же принципов равноправия поддерживается и русская этническая культура.

Центральная политическая система рисуется нам как монархия, возглавляемая для устойчивости традиционных связей государем из рода Романовых (но кто конкретно это будет – выбор осуществят народ и текущая государственная власть, изучив кандидатов и укрепив притязания наиболее пригодного). Монархия осуществляет принцип исторической преемственности, связи с прошлым и державного церемониала, делающего очевидным действительную государственную идею. Кроме того, монарх является высшей апелляционной и судебной инстанцией в государстве.

Государственное же управление сосредотачивается в руках правителя государства, который может иметь традиционный для конституционно-монархических государств статус премьер-министра, канцлера и т.д. Однако от парламента этот глава не зависим, и избирается народным голосованием, утверждаемым государем. Представительные учреждения образуются Государственной Думой и Сенатом. Государственная Дума избирается по одномандатным округам. Сенат

наполовину формируется из выдвиженцев земских съездов с высоким возрастным цензом, утверждаемых государем, а наполовину назначается непосредственно государем из старейших уважаемых государственных деятелей. Формируется список государственных должностей, беспорочное исполнение которых предоставляет право на автоматическое включение в состав Сената.

Православная Церковь в конституционном порядке признаётся как основа нравственного порядка и общественной жизни страны. Она возглавляется Святейшим Патриархом и пользуется всеми правами и свободами внутреннего устроения. В школе дети в обязательном порядке изучают основы православной культуры, а в факультативном могут изучать и «Закон Божий». Другие традиционные конфессии пользуются покровительством государства в той мере, в которой препятствуют подрывной пропаганде среди своих приверженцев. Россия на мировой арене проводит не только политику интересов, но и политику идеалов, противостоя как секулярному либерализму, так и исламистскому экстремизму, ведущим войну против христианства. Москва стремится удержать роль мировой столицы традиционных христианских ценностей, добиваясь этого без мессианских заявок и чрезмерных запретов – грамотной культурной, религиозной, социальной и символической политикой.

Допуская широкое культурное разнообразие и стимулируя появление новых творческих сил, Российское государство в то же время проводит, опираясь на свои

значительные возможности, определённую культурную политику, ставящую во главу угла познание русской истории во всём её богатстве и разнообразии, и углубление любви к ней, представление о русском прошлом как о Времени Героев – воинов, землепроходцев, святых и творцов. Первостепенное значение в культурной политике имеет утверждение основополагающих ценностей: Семья-Родина-Бог, лишённый агрессивности, нацеленный на внутреннюю сдержанность, но в то же время твёрдый патриотический милитаризм – культ человека мужественного и благородного. В противовес феминистскому безумию, захлёстывающему Запад, утверждается идеал гармоничной семьи, в которой лёгкая патриархальность зиждется на ответственности и великодушии мужчины, а женщина утверждается в своём высоком достоинстве через материнскую любовь и неустанную заботу об устроении жизни. Государство не допускает противопоставления мужчин и женщин как «борющихся классов» и, обеспечивая равенство мужчины и женщины в труде и достижении общественного признания, при этом содействует укреплению семьи.

В демографической политике делается ставка на умеренную многодетность 3-5 детей в семье, прогрессирующую господдержку по мере прибавления в семействе, а также на систематическую программу борьбы со смертностью. Постоянная антиалкогольная и антинаркотическая политика, строгий контроль состояния здоровья граждан должны стать важнейшей частью государственной политики. Низкая смерт-

ность должна стать важнейшим государственным приоритетом в сочетании с мероприятиями по продлению трудоспособного возраста. Укрепление национального здоровья, достаточное для сохранения трудоспособности, является ключом к выходу из тупика, в который заходит современное социальное государство из-за пенсионного кризиса. Без продления трудоспособности все планы повышения пенсионного возраста окажутся лишь ещё одним социальным дефолтом либерального образца.

Сохранение принципов социального государства и социальной справедливости является важнейшим для государственной политики России не потому, что они являются наследием советской системы, а как раз потому, что после колоссального жестокого отчуждения труда и доходов граждан, осуществлявшегося в советский период, народ России нуждается в компенсации за недополученные блага и недонакопленные состояния. Соответственно, целью государственной политики России должно стать недопущение чрезмерной концентрации капиталов в руках сверхбогачей, драконовская борьба с офшорами, коррупцией и выводом капитала, сохранение ситуации, в которой подавляющая часть национального дохода распределяется в виде зарплат и других легальных трудовых заработков, а концентрация капитала осуществляется в форме жилья и земельной собственности (причём продолжение бесплатной раздачи земли в рамках дальневосточного гектара, по многодетности, и в рамках других программ является существенной формой субсидирования разумного накопления). Государство

должно своей налоговой и фискальной политикой содействовать борьбе с экстремальными проявлениями бедности и поддерживать достаточно широкий слой среднего класса как слой работающих собственников. Необходимо избегать как пауперизации, так и формирования слоя неработающих рантье, ориентированных на ренту с накопленного капитала.

Задача сохранения в России трудового общества тем более сложна, что новая промышленная революция, связанная с роботизацией, угрожает вытеснением значительной части рабочих мест. С другой стороны, Россия ещё долгие десятилетия, если не столетия, будет оставаться недонаселённой страной, испытывающей значительный дефицит трудовых ресурсов. При этом, будучи недонаселённой, Россия также остаётся недоосвоенной. Таким образом, сокращение спроса на труд нам всерьёз не угрожает, если своевременно начать проводить политику ограничения трудовой миграции, превратить Россию в миграционно закрытую страну, которая при этом активно проводит политику реиндустриализации и освоения своего северо-востока. При таких вводных спрос на человеческий труд, особенно квалифицированный, будет оставаться в России огромным при любом уровне роботизации и при любом росте собственного населения. Напротив, напоение нашего рынка сивухой дешёвого, полурабского импортного труда лишь убивает нас и в социальном, и в экономическом смысле.

Итак, направления экономического развития будущей России:

a) Освоение своего северо-востока, приобщение к интенсивной жизни обширных пустынных пространств.
b) Реиндустриализация через роботизацию, возрождение полноценной производящей экономики, причём не только в государственной и крупнокорпоративной, но и в частной форме.
c) Реализация установки на максимальное импортозамещение, особенно в сфере продукции с высоким вкладом НИОКР.
d) Продолжение аграрного подъёма, ставка на стопроцентный продовольственный суверенитет, а затем и наступление русского производителя на мировом продовольственном рынке.
e) Развитие экономики образа жизни.

Под экономикой образа жизни мы разумеем такое производство товаров и услуг, которые обеспечивают потребность человека не просто в качестве жизни, но и в определённом образе жизни, связанном с его национальной и цивилизационной идентичностью. Это производство таких товаров и услуг, которые подчиняются не глобалистским жизненным стандартам, а стремлению к своему – в одежде, обустройстве дома, кухне, культурной продукции, туризме и отдыхе. Основную часть добавленной стоимости тут создаёт идентичность в сочетании с высоким качеством.

Сегодня в России такая экономика образа жизни почти не развита, поскольку истребление собственно русского образа жизни, замена его чужеземными образцами началась ещё задолго до индустриальной

эпохи. Сегодня Россия может себе позволить мощный рывок к своему именно в сфере образа жизни и качества жизни. Идут интенсивные поиски в области русской кухни. По крайней мере, сформулирован впервые со славянофильской эпохи отчётливый запрос на возвращение к национальному стилю в одежде. Конфликт с Западом провоцирует постановку вопроса о качественном внутреннем туризме. В обществе нарастает разочарование бетонными коробками, которыми замусоривают наши города компании-застройщики, и возникает желание увидеть современную модификацию традиционного русского дома.

Последнее обстоятельство, кстати, даже вопреки воле властей вскоре развернёт направление градостроительной политики – вместо того, чтобы расти ввысь, города начнут расти вширь. Густонаселённые районы России будут превращаться в сквозные жилые массивы, сочетание городских жилых комплексов, дач, пригородных домов и усадеб, на которые как на высший стандарт будут ориентироваться все остальные категории. Русские расселятся гораздо более свободно и естественно среди лесных, речных и холмистых ландшафтов, возродив структуру малых и средних деревень на новом уровне. Этот образ жизни потребует развитого автомобильного и пригородного железнодорожного сообщения, совершенно другой степени насыщенности магазинами и учреждениями культуры, увеличатся требования к всё больше сжимающейся сейчас службе скорой помощи. Подобный образ жизни потребует и разработки новых, подхо-

дящих к нему образцов автомобилей – хорошо проходимых, вместимых, дающих владельцам высокую степень автономности от городской инфраструктуры.

Такой новый образ жизни, связанный с обретением национального стиля, потребует радикального культурно-цивилизационного преобразования Центральной России. Она должна из нынешней полупустыни, преображающейся лишь к столице, превратиться в комфортное и эстетически прекрасное музейно-парковое пространство с кремлями, соборами, монастырями, историческими улочками, старинными усадьбами. Она должна дарить такую же радость уютной и прибранной, достойной человека жизни, какую дарит опорный регион Европы от Центральной и Северной Италии через Западную Германию и Восточную Францию до Бенилюкса. Аналогичное пространство в России от Новгорода до Орла и Чернигова, Бреста и Смоленска до Казани должно сформироваться и в России. А затем к нему должны прибавляться и другие столь же уютно обустроенные пространства на северо-западе России (Серебряное кольцо), на юге России – по черноморскому и Азовскому побережьям, по Дону и Волге, на Урале, в Сибири. С поводами для инсинуаций об унылой, однообразной и веющей безысходностью России должно быть покончено раз и навсегда.

Ещё одна черта будущей России – это её транспортное сжатие, которое, несмотря на огромность территории, позволит воспринимать её как единое жизненное пространство, доступное для удобных и быстрых перемещений. С одной стороны, мы можем

представить себе развитие новых железнодорожных технологий, которые позволят связать Москву и Владивосток Гипертранссибом, который будет проезжаться поездом за сутки. Ещё более плотной в этом смысле станет связанность большинства регионов Европейской части России. По мере экономического роста и выхода на новые технологические горизонты мы вправе ожидать и развития авиасообщений в России, так что они приобретут дешёвый, постоянный и регулярный характер, особенно если удастся создать единую надёжную систему безопасности, эффективно блокирующую террористические угрозы и предупреждающую технические сбои.

В геополитическом отношении будущая Россия видится нам обернувшейся к Арктическому океану. Его освобождение ото льда скоро дойдёт до такой степени, что из ледовой преграды он обратится в надёжную и кратчайшую связь между западным и восточным полушариями, в новый внутренний океан, приходящий на смену Атлантике и куда более перспективный, чем слишком уж необъятный Тихий. Впечатляющие позиции России на этом океане, ставшем, как и Сибирь, нашей долгоиграющей ставкой. Отрезанная доселе от прямых океанских выходов, разделённая с востока на запад отсутствием сквозных океанских путей, Россия внезапно предстаёт перед миром едва ли не как владычица океанов. Во всяком случае, западные стратеги уже готовятся к такому положению и переосмысляют основы маккиндеровской геополитики, базирующейся на тезисе, что русский «Хартленд» – это континентальное пространство, отрезанное от моря.

С одной стороны, это открывает для России неисчислимые перспективы великой океанской державы. С другой – ставит вопрос об угрозах для колоссального русского побережья, дотоле обороняемого льдом, теперь же оставленного на оборону нам самим. Отсюда понятно, что Россия не сможет больше позволить себе флотофобию и континентальную успокоенность. Мы будем нуждаться и в сильном флоте, и в напряжённой глобальной стратегии, которая утверждала бы те преимущества, которые дарует нам новая геополитическая позиция.

Таков парадокс. В логике хронополитики призванная к самоосвоению и самопостижению, к сосредоточенной опоре на свою идентичность, в логике геополитики Россия предстанет перед колоссальным глобальным вызовом, дающим характерный для морских держав импульс к напряжённому развитию. Каков будет тот синтез, который России суждено получить из такого парадоксального сочетания в своей жизни консервативного и динамического начал? В этом и состоит, пожалуй, главная тайна русской реставрации будущего.

Раздел V

КАКАЯ КОНСТИТУЦИЯ НУЖНА РУССКИМ?

Обсуждение поправок в Конституцию России и, прежде всего, в её преамбулу, приобрело лавинообразный характер. Со всех сторон идут предложения о том, в какой формулировке должен быть упомянут русский народ (в том, что он обязан быть упомянут – сомнений нет ни у кого, кроме совсем уж упертых либерально-бюрократических лоббистов и национал-сепаратистов). Безоговорочно поддержано Святейшим Патриархом Московским и всея Руси Кириллом и другими религиозными лидерами инициатива К.В. Малофеева о необходимости внести в Конституцию упоминание Бога. Все большее понимание находит и требование четко зафиксировать в основном законе определение брака как союза мужчины и жен-

щины и, тем самым, перекрыть путь международным извращениям.

Бросается в глаза, что к обсуждению конституции всерьез оказались готовы почти исключительно консерваторы. Всё, что могут делать либералы, это кудахтать: «Руки прочь от шедевра ельцинской политической мысли». Тот текст, который у нас есть сейчас, – это ведь *их* конституция, принятая в результате государственного переворота 1993 года, закрепившая результаты разрушения великой страны, сделанная с помощью юридических уловок практически неизменяемой.

В ельцинской конституции не нашлось места ни Богу, ни русским, потому что место Бога там занимало «мировое сообщество», что на практике означает победителей в Холодной войне – США и Запад. По сути это была конституция ограниченного суверенитета России. И не случайно, что как только президент в своем послании выразил намерение ограничить всемогущество этого языческого божка – «мирового сообщества», подвинуть его из конституции, тут же в ней освободилось место и для Бога, и для русского народа, которых он вытеснил.

Что сегодня смущает в потоке поправок в преамбулу – так это их несистематичность и хаотичность, которая создает возможность для либеральных ловчил, которых немало во всевозможных экспертных комиссиях и группах, свести смысл этих поправок на нет. Мое убеждение – нам нужен не свод отдельных

поправок к преамбуле. **Нам нужна новая преамбула к Конституции**.

Эта преамбула должна быть манифестом национальной философии, сводом национальных ценностей и видения мира. Должно быть отброшен нелепый предрассудок, что конституция – это свод предельно абстрактных и обезличенных норм и принципов наиболее общего характера. Такое понимание конституции было характерно для юристов эпохи Просвещения, когда основной закон рассматривался лишь как письменная фиксация «естественного права», как запись неких абстрактных норм всеобщего разума, пребывающего вне пространства и времени.

Для современности эти абстрактная нормативистская парадигма – это глубокое прошлое. Сегодня очевидно, что конституция – это не выражение естественного права, а продукт исторического развития национального законодательства и национальной политической философии, это выражение того уникального опыта, который есть в истории жизнеспособных исторических наций. Конституция выводится из традиции.

«Старому народу не нужно новых законов», – подчеркивал Н.М. Карамзин, возражая против переноса на русскую почву абстрактных европейских моделей. Ельцинская же конституция была попыткой разорвать с традицией, попыткой, пользуясь распадом СССР, учредить на месте тысячелетней России новое государство – и нигде так не очевиден этот разрыв с традицией, как именно в преамбуле.

Преамбула конституции России должна быть целостным документом, манифестом национальных ценностей, выведенных из нашей более чем тысячелетней истории. В современной конституционной практике Европы есть замечательный пример такого ценностного манифеста – это преамбула к конституции Венгрии, принятой в 2011 году, – «Национальное кредо».

В ней говорится и о традициях венгерской государственности (которая младшая ровесница русской), и о крестителе венгров короле Иштване Святом, и о трагических событиях XX века, и о принципах исторического преемства, и об основных национальных, политических, социальных и культурных ценностях. Причем начинается эта преамбула со слов «Боже, благослови венгров!».

Этот пример хорош тем, что перед нами не написанная «до исторического материализма», а новейшая по времени составления конституция, которая отражает современный этап политической мысли, отходящей все дальше от былого абстракционизма в сторону утверждения конкретного исторического начала. Текст – самый новый, а идеи самые старые, бывает и такое, и это именно то, что нам нужно. И в России необходимо облечь в новые слова «старый закон» с которым мы живем столетиями.

Я осмелился набросать свой проект подобной преамбулы, не окончательный и подлежащий обсуждению, в котором постарался выразить как основные

мотивы, которые звучат в нынешних поправках к преамбуле, так и то, что в таком документе необходимо по смыслу. Разумеется, этот набросок сугубо предварителен, важно, чтобы общество и вовлеченные в конституционный процесс деятели обрели само понимание необходимости такой целостной декларации. Возможно, если бы я принимал конституцию единолично, формулировки были бы другими, временами более жесткими, но этот текст писался именно как проект того, что могла бы провозгласить сегодняшняя Россия с её состоянием умов, психологией власти и настроением общества.

Этот закон-преамбулу, русское «национальное кредо», можно было бы назвать «Русская Правда» в честь первого уголовного закона Русского государства, принятого Ярославом Мудрым, если бы это название не было захватано революционными фантазиями декабриста Пестеля (а может быть можно и позабыть об этом факте и вменить его как не бывший). Можно подобрать и какое-то другое название. Главное – суть.

* * *

Мы русские, с нами Бог!

Мы, народ России, соединенные по воле Бога единой исторической судьбой в великое государство устанавливаем этот Основной Закон.

Мы видим свидетельство могущественного промысла Божия, что борьбой и трудом наших предков содружество славянских племен преобразовалось в могущественную державу – Русь, чьи независимость и суверенитет были восстановлены Великими князьями Московскими, принявшими титул Царей всея Руси. Провозглашение Российской Империи увенчало строительство этой державы, ставшей самым обширным территориальным государством из когда-либо существовавших в истории.

Мы почитаем исторический выбор Святого князя Владимира, через крещение приобщившего Русь к Православному Христианству. Трудами святых, подвижников и праведников Русской Православной Церкви наш народ обрел свои ценности, идеалы, мировоззрение и образ жизни – тот нравственный фундамент, на котором стала возможна гармоничная совместная жизнь в России представителей многих религий, культурных традиций и народов.

Мы чтим память воинов, сражавшихся в войнах России и в Великой Отечественной войне, в которой подвигом нашего народа от мира отвращена угроза установления человеконенавистнической расисткой диктатуры, стремившейся к геноциду целых народов. Свой статус державы-победительницы Россия рассматривает как долг не допускать возрождения нацизма.

Происходя из многих разных народов, чьи предки исповедовали различные религиозные и культурные традиции, мы составляем единую гражданскую нацию России, ядром которой исторически является великий русский народ, чей язык, культура и чувство правды составляют основу нашего национального бытия. В этой нации уважается и сохраняется наследие вошедших в её состав народов, религий и культурных традиций.

Мы утверждаем суверенитет России и её единой нации над всей территорией государства и отвергаем любые формы национального неравноправия, сепаратизма, нетерпимости и исключительности. Законы России и права её граждан имеют равную силу на всей территории государства и во всех субъектах федерации.

Как государство и как нация мы принимаем на себя ответственность за поддержку разделенного трагическими событиями XX века русского народа, уважаем стремление всех коренных народов нашей страны к сохранению культурного и жизненного единства с соплеменниками и считаем справедливым приоритет в предоставлении гражданства России представителям её коренных народов.

Мы мыслим нацию как союз ушедших, настоящих и будущих поколений, в котором ныне живущие должны уважать традиции и исторический выбор прошло-

го и ощущать заботу о том, в каком мире будут существовать наши граждане в грядущем.

Мы подчеркиваем ценность семьи, основанной на браке как союзе между мужчиной и женщины, утверждаем право каждого ребенка на семью и поддерживаем стремление к созданию многодетных семей.

Мы убеждены, что гармоничное человеческое общество невозможно, если не базируются на таких принципах как взаимопомощь, солидарность, сострадание, милосердие, взаимная ответственность и поддержка. Мы полны решимости осуществить эти принципы в жизни нашей страны.

Мы рассматриваем свободу как величайший дар, который общество может предоставить своим членам и стремимся к тому, чтобы каждый человек мог пользоваться максимальным объемом гражданских и политических прав, реализация которых возможна без угрозы правам других людей и подрыва существования общества как целого.

Мы понимаем народовластие как совместное служение всех граждан общим ценностям, объединяющим нацию, и убеждены, что такое служение возможно только на принципах законности, справедливости, пресечения своекорыстия и коррупции.

Мы считаем справедливую оплату труда, социальную защиту, включая пенсионное обеспечение, приоритетную поддержку отечественных производств фундаментом здорового народного хозяйства, ставящего своей целью всеобщий достаток, искоренение нищеты и преодоление кричащего имущественного неравенства.

Мы воспринимаем природу нашей страны как великий дар и важнейшую составляющую нашего национального бытия и будем добиваться сохранения её первозданной красоты и здоровья. Варварское расхищение природы, пренебрежение ею рассматриваются нами как преступление.

Мы вдохновляемся богатством русского языка, гордимся творениями нашей великой культуры, давшей человечеству множество непревзойденных шедевров, гордимся достижениями наших науки и техники, раздвинувшими горизонты человеческого существования за пределы планеты Земля. Сохранение этого наследия и его преумножение, охрана памятников культуры, являются приоритетной задачей нации и каждого из её членов.

Мы подчеркиваем, что как ядерная держава Россия стоит на страже мира, не приемлет навязывания народам мира гегемонии никакой внешней силы, отрицает агрессивные войны и другие средства вмешательства в суверенитет независимых государств.

Россия готова к сотрудничеству со всеми странами, стоящими на тех же принципах внешней политики, в деле поддержания международного мира и порядка.

Основываясь на своей более чем тысячелетней истории, Россия выступает как правопреемница Российской Империи, а также Союза Советских Социалистических Республик в той степени, в которой это не противоречит первому правопреемству.

Мы уверены, что пережив в XX веке период смут, жестокостей, нравственного брожения, Россия вернулась к осознанию своих ценностей и своего наследия, намереваясь именно на этом фундаменте строить справедливое и служащее общему благу государство, основным законом которого и служит эта конституция.

Да поможет нам Бог!

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 3

Раздел I.
РУССКОЕ САМОСОЗНАНИЕ 7

- Русские – не прилагательное 12
- Кто же такие русские? 17
- Можно ли русским стать или только родиться? 21
- Нужно ли становиться русским? 29
- Что такое нация? 33
- Старейшее национальное государство Европы 36
- Русификация русских 53
- Русские в XX веке. Триумфы среди трагедии 68
- Русская проблема 99
- Право на воссоединение 107

Раздел II.
КАТЕГОРИИ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ 114

- Этнос-цивилизация 114
- Риск и счастье быть русским 116
- Цивилизация. Охота на мамонта 118

- Формула истинного человека 124
- Север 128
- Матушка-рожь 133
- Реки «Русского Острова» 137
- Засечная черта 142
- «Русский аффект»: обида 147
- Охота к перемене мест 151
- От Земного Рая к Святой Руси 156
- Культурный универсализм: византийский парадокс 161
- Шатровый храм: лествица в небо 165
- От Ярославны до Татьяны 168

Раздел III.
ОСОБАЯ МИССИЯ РУССКОГО НАРОДА 175

- Самая северная цивилизация 177
- Победа над Степью 181
- Разрушители вавилонских башен 182
- Третий Рим, вторая Византия и Святая Русь 184
- Самые главные вопросы 187

Раздел IV.
РЕСТАВРАЦИЯ БУДУЩЕГО 192

Раздел V.
КАКАЯ КОНСТИТУЦИЯ НУЖНА РУССКИМ? 211

Где купить

Фирменный магазин издательства:

https://kmbook.ru/

Книги без торговой наценки

Интернет магазин День

https://www.день-магазин.рф/

Интернет магазин Концептуал

https://konzeptual.ru/

Москва:

http://*www.biblio-globus.ru/*,

http://www.mdk-arbat.ru/

Егор Станиславович
ХОЛМОГОРОВ

РУССКИЕ

Нация, цивилизация, государственность и право русских на Россию

В оформлении обложки использована картина Народного художника РФ Василия Нестеренко «Мы – русские, с нами Бог!» (Атака мертвецов)

12+ Знак информационной продукции согласно Федеральному закону от 29.12.2010 г. №436-ФЗ

Формат 84x108 1/32. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл.печ.л. 7.
Тираж 1000 экз.

«Книжный мир»
Тел.: (495) 720-62-02
www.kmbook.ru